

738-211

штемпель

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

738
211

А. Н. НАСОНОВ

МОНГОЛЫ И РУСЬ

(ИСТОРИЯ ТАТАРСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РУСИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

А. Н. НАСОНОВ

М О Н Г О Л Ы И Р У С Ь

(ИСТОРИЯ ТАТАРСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РУСИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор акад. Ю. В. ГОТЪЕ

Редактор проф. К. И. Тройников

Технический редактор И. П. Пошешулин

Корректор О. В. Герцман

Сдано в набор 20/XII 1939 г. Подписано к печати 7/VI 1940 г. Формат 60×92¹/₁₆. Объем 11¹/₈ п. л.
Учетл.-изд. л. 13. В 1 п. л. 46000 печ. зн. Тираж 2000 экз. Уполн. Главлита № А-22921.
РИСО № 653. АНИ № 1133.

1-я Образцовая типография треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28. Заказ № 5249.

ВВЕДЕНИЕ

«Татарское иго продолжалось... свыше двух столетий. Это было иго, которое не только подавляет, но растлевает и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».

Из книги Маркса «Secret Diplomatic History of Eighteenth Century».

«На Западе — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, в виду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы... На востоке Европы, наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было; оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».

Из книги Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос».

Проблема изучения истории татарской политики на Руси ставится мною впервые. Постановка такой проблемы вытекает из указаний на «традиционную политику татар». Эти указания мы находим в книге Маркса «Secret Diplomatic History of Eighteenth Century» (edit. by Eleonor Marx, London, 1899, pp. 78, 80). К сожалению, указания Маркса не послужили толчком к специальному изучению вопроса.

Тема моего исследования, таким образом, — не история русско-татарских отношений, но и не общий вопрос о влиянии владычества татар на русскую экономику, социальный строй, государственность и культуру. Интерес к «татарщине» как к «политической буре» определил постановку темы. Поставленное задание обуславливает хронологические рамки настоящего исследования: оно не

переходит за первую четверть XV в.: разлагаясь и хирея, Золотая Орда не могла более вести политики в прежнем смысле, т. е. так или иначе направлять внутривосточные отношения на завоеванном русском Северо-востоке и Севере в интересах своего господства¹.

Исторические построения русского средневековья запечатлелись в летописных сводах, не являвшихся, однако, плодом исторической научной работы в современном смысле слова. Поскольку летописи в основной своей традиции² были памятниками официального значения, естественно, что их составители не могли прямо и свободно описывать события. В настоящее время трудно себе представить всю сложность задачи, стоявшей перед составителем официальных летописей в эпоху сильной татарской власти. Тверские своды и своды московские по-разному освещали отношение князей к Орде. Можно также указать, что, может быть, не случайно ряд пространных откровенных рассуждений о татарском иге падает на годы, когда в Монгольском государстве происходили смуты. Таков рассказ о восстаниях 1262 г. Они были направлены против откупщиков ордынской дани, приезжавших, как свидетельствует наше исследование, не от Берке, а от императора Хубилая. Как раз в 1262—1263 гг. в империи происходили смуты,³ и эти смуты положили начало отделению «Золотой Орды» от монгольской империи. Обстоятельства позволяли летописцу пространно и откровенно рассказать о восстаниях 1262 г. В начале XV в., в годы, когда смуты в Золотой Орде стали усиливаться, летописец записал несколько обобщающих мыслей по вопросу о политике татар, сеющих рознь между князьями.⁴ В XV в. московские летописцы стали неохотно вспоминать о некоторых фактах зависимости княжеской власти от ханской в XIV в. — возможно, как о фактах позорных. Так, например, может быть не случайно в московских поздних сводах выпущено известие о съезде князей в 1304 г., когда «чли грамоты царевы ярлыки», имеющееся в своде начала XV в. (Троицк. л.)⁵. Московская традиция оказала наибольшее влияние на последующую историографию.

И в новое время о политике татар писали мало; этот вопрос не подвергался, как мы говорили, специальному разбору. Отдельные

¹ Я говорю «Северо-востоке», так как области Полоцка и Смоленска, Галичина, Волынь, Киевщина и Черниговщина, как известно, в XIII и XIV вв. перешли в руки других завоевателей: поляков и великого княжества Литовского.

² Летописными сводами, представляющими эту традицию, не исчерпывается летописный материал. До нас дошло, например, несколько драгоценных летописных списков — бесхитростные компиляции «книжных писателей», соединявших политически разнородный материал. См. А. Насонов, Летописные памятники Тверского княжества (ИАИ, 1930, № 9—10); е го же, Летописные своды Тверского княжества (ДАН-В, 1926, ноябрь—декабрь).

³ О смутах см. D'О h s s o n, Histoire des mongols, II, 352—358.

⁴ См. Рог. и Симеон, мл., под 1409 г. Общий летописный протограф этих летописей кончался на 1412 г.

⁵ См. XVIII том П. С. Р. Л. и Воскр. л. под 1304 г.

указания на политику монголов на Руси можно встретить в научно-популярных и научных сочинениях, начиная с «Истории Российской» Щербатова, в работах И. Беллева, Костомарова, Преснякова, Приселкова, Покровского и др.

В общей оценке значения татарского ига на Руси мы видим большие расхождения. Одни историки придавали монгольскому завоеванию очень большое значение, главным образом как фактору, будто бы способствовавшему развитию государственного начала на Руси или даже определившему это развитие; по их мнению, монгольское иго способствовало или даже определило образование самодержавия и единодержавия (Карамзин, Костомаров). Другие историки считали, что влияние монгольского ига на развитие нашей страны вообще было незначительно (Соловьев, Ключевский). По-видимому, в дореволюционной обстановке легче воспринималась мысль об активной политике русских князей в Орде, чем мысль об активной политике татар на Руси, даже теми историками, которые придавали татарскому игу большое значение. Современная историкам XIX — начала XX в. Россия была государством с доминирующим над другими народностями Восточноевропейской равнины классом великорусского центра. Представление о современной им России они невольно переносили в известной мере на былые времена. Они охотно рассуждали о результатах политики русских князей в Орде, но вопрос о татарах на Руси не изучали или касались его мимоходом. В большинстве случаев они держались мнения, что п а с с и в н о е поведение монголов содействовало процессу государственного объединения Руси.

Наше исследование обнаруживает наличие монгольской политики (в указанном смысле: такой политики, когда завоеватель направляет внутривластные отношения в завоеванной стране в интересах своего господства) более чем на протяжении полутора-ста лет. Мы доказываем, что монголы вели активную политику и основная линия этой политики выражалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств. Такой вывод предполагает, что единое «великорусское» государство, каким мы его видим в XVII в., образовалось в процессе б о р ь б ы с татарами, т. е. в XV—XVI вв., частью во второй половине XIV в., когда борьба была возможна по состоянию самой Золотой Орды.

В статье «Князь и город в Ростово-Суздальской земле» («Века», I, 1924 г.) я писал: «На севере в XII и в начале XIII в. начинают проявляться бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни». Но какова была общая тенденция в предмонгольскую эпоху, в каком направлении развивались политические связи и отношения? Само существование (в XII—XIII вв.) земель-

«волостей», областей-княжеств указывает скорее на тенденцию к политическому обособлению. Выделение сыну Всеволода, князю Константину, Ростова с пятью городами, выделение в семейное, отчужденное владение Переяславля и Юрьева указывает на тенденцию к политическому дроблению в пределах отдельной земли-волости. Но наряду с тенденциями к обособлению, с действием факторов разъединяющих, существовали тенденции к объединению, действовали факторы связывающие. Иными словами, несмотря на отсутствие единого централизованного государства, на Руси действовали, наряду с силами в направлении к обособлению, силы в направлении к единству. Я разумею сферу политической жизни, хотя сказанное можно распространить и на другие стороны отношений того времени. В статье «Князь и город...» я показал, что фактором, тормозящим процесс дробления, служила деятельность «старейшего» города. В Ростовской волости — вследствие продолжительной оторванности ее от Юга и в силу сложившихся особенностей местного быта — старейший центр Ростов получил особенное значение, играя роль главы местной внутренней волостной организации, «изначально» являясь политическим и военным руководителем волости, этим самым объединяя другие поселения и охраняя единство земли («Века», I, стр. 27). Но действие сил в направлении к единству можно обнаружить и вне пределов земли-волости. Еще в домонгольскую эпоху сложились условия, благоприятствовавшие образованию сильной княжеской власти на Северо-востоке. Через Ростово-Суздальскую землю проходил водный путь, связывавший области Руси с Востоком. Другие пути из Руси на Восток шли из Киевщины через области северного Черноморья. В XI в. сношения с Востоком на этих южных путях были затруднены вследствие нашествия половцев, что, наряду с другими причинами, ускорило рост экономического и политического значения Ростово-Суздальской земли, где шло движение по водным путям к Каспию. Понятно, что на Северо-востоке образовалась социальная среда, способствовавшая развитию сильной княжеской власти, претендовавшей на значение общерусской власти. ^УМатериал свидетельствует о том, что в XII и в первой половине XIII в. развернулась борьба за политическое преобладание на территории Восточно-европейской равнины; в источниках красной нитью проходит соперничество между двумя сильнейшими княжествами — Черниговским и Ростово-Суздальским (или Владимиро-Переяславле-Ростовским); стремление двух сильнейших княжеств, лежавших на территории Волжско-Окского бассейна, утвердить свое влияние в других областях и держать в своих руках все важнейшие политические центры и торговые узлы. Известно, что Всеволод распространил свою власть на Киев и сферу своего влияния на Великий Новгород. Он достиг успехов в борьбе с черниговскими князьями за влияние в Рязани, Смоленске и Витебске. Неудачи Всеволода в конце его княжения и перерыв в борьбе создали впечатление, что осуществление в XII в. политических задач, преследуемых северо-

восточными князьями, было последней вспышкой догоравшего пламени. Это не совсем верно. Незадолго до нашествия монголов мы наблюдаем новую вспышку, борьба возобновляется. А перед самым нашествием, после того как Михаил Черниговский вокняжился в Галиче, посадив в Киеве Изяслава, когда Киев стал предметом борьбы между Изяславом и Владимиром, Ярослав Суздальский, князь Переяславля-Залесского, в 1236 г., обладая княжением в Великом Новгороде, двинулся на юг, оставив в Новгороде сына Александра (впоследствии—Невского), и занял Киевский стол.

Рост местного боярства, властного и независимого, сильного и политически влиятельного землевладельческого класса, заставляет князя искать опоры не только в боярской среде. К великому сожалению, история классовой борьбы и классовых настроений в предмонгольской Руси изучена далеко не достаточно. Почти не использован, например, такой важный памятник, как «Слово Даниила Заточника». Признаки сильного боярства с широкими притязаниями мы замечаем и на Северо-востоке. Но особенную силу получило, как известно, боярство в Юго-западной Руси.

Монголы использовали существовавшие на Руси политические отношения. Решающим моментом при выборе политической линии монголами вначале была их оценка общей ориентации того или иного князя или группы князей (отношения князя к хагу, его внешнеполитической ориентации) и классовых столкновений. Интересы татар как властителей побудили их в связи с опасностью, грозившей монгольскому владычеству с Запада, поддерживать северо-восточного князя в его соперничестве с черниговским. На Юго-западе, где князь не отказывался от борьбы с Ордою и где исключительную силу имело боярство, монголы, опираясь на окраинные области Юго-западной Руси, учитывали враждебное отношение местного боярства к князю. На Северо-востоке усилия монголов были направлены к тому, чтобы использовать в интересах своего владычества и князя и местное боярство и изолировать массы в их противодействии порядкам ордынского владычества. Последнее относится преимущественно к князьям ростовской группы: отношения с ними приобретали особую остроту, поскольку их княжением охватывался «старейший» вечевой центр волости (Ростов) и наиболее тесно связанные со «старейшим» городом «пригороды» (Ярославль, Углич, Белоозеро, Устюг) и поскольку вечевой центр волости оказался вечевым центром восстаний против порядков ордынского владычества, выступлений масс против монголов-завоевателей, точнее — против монгольской степной аристократии. Чрезвычайно важно, что анализ материала позволяет мне установить тождество между организацией, отмеченной летописью под 1257 г., и баскачеством. Тем самым настоящие исследования неопровержимо устанавливает, что непосредственная организация татарского владычества на Руси была в руках монгольской степной аристократии. Вывод, добытый мною путем анализа материала, получает, таким образом, широкое значение.

Определяющим мотивом политики монголов в XIV и начале XV в. было желание не допустить значительного усиления какого-либо князя или княжеской группы; политика монголов была направлена к разжиганию розни и местного сепаратизма. Даже воздействуя на ход организации «великого княжения Владимирского», они принимают меры, имеющие в виду не допустить усиления личного влияния князя, получившего ярлык на великое княжение Владимирское. Основная линия политики монголов побуждала их поддерживать политический сепаратизм. Образование централизованного государства явилось, таким образом, отнюдь не в результате мирной деятельности монголов-завоевателей, а в результате борьбы с монголами, когда борьба стала возможна, когда Золотая Орда начала слабеть и разлагаться, и на русском Северо-востоке поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества.¹

¹ Первая глава настоящей книги первоначально была посвящена некоторым вопросам истории домонгольской Руси. Она выпущена мной в интересах архитектоники книги. Выводы исследования этой главы частью приведены мной в одной из статей, написанных для готовящегося к изданию многотомника по истории СССР, и в статье «Татарское иго в освещении М. Н. Покровского». Работа над монографией «Монголы и Русь» была начата в 1924 г., и в 1934 г. монография была представлена для напечатания в Историко-археологический Институт Акад. Наук СССР.

ГЛАВА I

В течение 1237—1242 гг. армия, посланная монгольским императором, завоевала Северо-восточную Россию, Киевщину, Польшу, Венгрию и Моравию и вторглась в пределы Австрии и Балкан.¹ Получив известие о смерти императора Угедея,² монгольское войско, не потерпев ни одного поражения, двинулось через Молдавию и Валахию обратно на Восток.³ Один из главных военачальников, внук Чингис-хана, князь Бату или Батый, остановился в Поволжье и присоединил страну «орусов» вместе с Кипчаком и Северным Кавказом к территории своего удела, входившего в состав великой монгольской империи.⁴ Его удел охватывал теперь не только «лесные народы» от низовьев Селенги до Иртыша, северную часть Се-

¹ G. Strakosch-Grassman, *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242*, Innsbruck, 1893; D. Wolff, *Geschichte der Mongolen oder Tataren*, Breslau, 1872.

² Угедей умер в декабре 1241 г. См. Стенли Лэн-Пуль, Мусульманские династии, пер. с примеч. и дополн. В. Бартольда, СПб., 1899; G. Strakosch-Grassman, *op. c.*, 172; Иакинф, *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, СПб., 1829, стр. 235: «В день синь-мао на рассвете преставился в походном дворце, на 13-м году царствования, на 56-м от рождения».

³ Strakosch-Grassman, *op. c.*, 172—173; W. Barthold, *Batu-khan* (*Encyclopaedie des Islām*, t. I).

⁴ Свой удел Батый получил от отца — Джучи, старшего сына Чингисхана. Батый был вторым сыном Джучи. Старший сын Джучи — Орда, по видимому, уступил первенство Батью (?); по словам Рашид-ед-дина, Орда «при жизни отца и после того был в (большом) почете и уважении и хотя преемником Джучи был второй сын — Бату, но в ярлыках, которые Менгукан писал на их имя по части управления и ясы (законоположения), имя Орды он ставил впереди. Орда был доволен назначением Батыя на царство и сам уладил возведение его (на престол) на место отца. Из войск джучиевых одной половиной правил он (Орда), другой — Бату» (см. Тивенгаузен, *Материалы по истории Золотой Орды*, II, персидские тексты, рукопись б. Аз. муз. АН, III, 295; не изд.; мы пользовались также переводами проф. А.А. Рамаскевича и С. Волина с дополненного и проверенного материала (подготавливаемого к печати). Ср. Barthold, *Batu-khan* (*Enzycl. des Islām*, t. I); ставка Орды находилась, по свидетельству Карпини, к востоку от озера Ала-Куль (см. Карпини, изд. 1914 г., Лэн-Пуль, стр. 188, примеч. В. Бартольда).

Некоторые выводы настоящего исследования включены мною в статью, написанную для многотомной истории СССР, материалы которой были использованы при составлении учебника по истории СССР для вузов (см. *История СССР*, т. I, М., 1939 г., стр. 4).

миречья, все нынешние Киргизские степи, Хорезм и Мазендеран, но также Кипчак, Поволжье, значительную часть русской равнины, северное Причерноморье и Кавказ до окраины «прохода Бакинского».¹

Русские северо-восточные князья были оставлены в своих отчинах, утверждены в качестве местных правителей. Им пришлось поехать в ставку Батыея, где великого князя Ярослава Всеволодовича,² а вслед за ним и других князей Ростово-Суздальской земли пожаловали княжениями и отпустили «расудивъ имъ кождо в свою отчину».³ На Руси признали, что Русская земля стала землей «Капови и Батыевъ» (т. е. землей Батыея и каапа, или монголь-

¹ К тому же Аран и Азейрбайджан Джучи считал также принадлежащими к своим становищам; впоследствии эти области были предметом постоянного раздора между золотоордынскими Джучидами и иранскими Хулагуидами. См. *V a r t h o l d, Batu-khan*; его же, *Очерк истории Семиречья, Верный*, стр. 115—117; ср. *Летопись Вассафа*, главу о причинах вражды Хулагу и Берке (*Т и з е н г а у з е н*, *Материалы*, II, не изд.); *Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине*, т. IV, 131—132, примеч. 499, 500; ср. *Рашид-ед-дин (Т и з ., II, не изд.)*.

² Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, как известно, был убит в битве при р. Сити (Лавр., 1238), и Ярослав сел во Владимире на столе после ухода Батыея, в 1238 г. (см. под 1238 г. Лавр., Воскр. лл. и др.).

³ «Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти, и рек ему: «Ярославе! буди ты старей всѣмъ княземъ в Русскомъ языкѣ». Ярослав же възвратися в свою землю, съ великою честью» (Лавр., 1243). «Князь Володимеръ Костянтинович, Борис Василкович, Василий Всеволодович, и с своими мужи, поѣхаша в Татары к Батыеви про свою отчину; Батый же, почтивъ я чествоу достойною, и отпустивъ я, расудив имъ кождо в свою отчину, и приѣхаша с чествоу на свою землю» (Лавр., 1244). Ср. в *Истории инока Магакия (XIII в.) о поездке Смбага, брата армянского царя Гетума, к Батыею (по Патканову — к Гуюку)*; последний «пожаловал его землей и ленными владениями» (?) (или — другое значение — «б л а г о в о л е н и е м», *расположением*), дал великий ярлык, золотые пайзы...» (см. *История монголов инока Магакия, XIII в.*, пер. К. П. Патканова, СПб., 1871, стр. 18, 80—81; ср. *Q u a t r e m è r e, Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-ed-din*, т. I, стр. 216—217). О ярлыках русским князьям русские летописи упоминают только в известиях, начиная с XIV в. Но из одной записи на оборотной стороне договорной грамоты великого князя с Новгородом (Ярослава Ярославовича, 1270 г.) мы узнаем, что приезжали послы Чевгу и Баити «сажать Ярослава с грамотою» (С. Г. Г. и Д., I); ср. в *Ипат. л.*, под 1255 г., о «Батыевой грамоте» венгерскому королевичу Александру, сидевшему в Кременце; см. В. Григорьев, *Россия, и Азия*, СПб., 1876, стр. 175—177. Летописные известия XIII в. ничего не говорят и о том, участвовал ли ордынский посол в «посажении» князя на великокняжеском столе в первые десятилетия ига; например: «посажень бысть въ Володимери на столѣ князь Василій Ярославичъ меншии и бысть князь великий Володемерский и Новугородский» (Симеон., 1272); указанная нами запись на договорной грамоте 1270 г., когда Ярослав Ярославович был вновь принят новгородцами на стол, прямо говорит, что Чевгу и Баити приехали «сажать» Ярослава; возможно, таким образом, допустить предположение, что уже в XIII в. сажал великого князя на великокняжеском столе ордынский посол; ср. *Льв. л.* под 1431 г.: «а съ нимъ (Василием Васильевичем) посоль Монсырь Уланъ царевичъ, тотъ его посадилъ октября 5, а индикта 8»; характерно, что это известие, сохранившееся в составе митрополичьего летописца, в великокняжеских сводах опущено (см. Симеон. л. и *Эрмитажный список Гос. публ. библ. им. Салтыкова—Щедрина № 416 б*).

ского императора) и что «не подобаает» на ней «жители не поклонившиеся има». ¹ Организация данничества в завоеванной России, наравне с другими областями империи, стала в непосредственную зависимость от императорского двора. Собранные подати или часть их, помимо Батая, шли прямо в императорскую казну, где решались вопросы организации сбора налогов в провинциях. ²

Первые годы владычества татар совпали с временем междоусобицы в монгольской империи, когда делами правила вдова императора Угедея — Туракина. ³ При дворе регентши стал пользоваться полным доверием магометанин Абдур-Рахман, прибывший первоначально в Монголию в качестве купца. ⁴ В самом конце царствования Угедея ему, вопреки настояниям главного министра Елюй-Чудая, был отдан на откуп сбор налогов в Северном Китае. ⁵ При Туракине его поставили во главе управления Финалсами империи, ⁶ и откупная система получила, вслед за тем, широкое применение; в правлении Гуюка (1246—1248) большое количество купцов доставали разрешения на сбор налогов с провинций в виде платы за поставки на императора; ⁷ а со смертью Гуюк-каапа князя Чингисхаиды давали полномочия на сбор налогов в Иране. ⁸

Подобного рода способ сбора податей практиковался при Туракине и Гуюк-каане, повидимому, и в пределах завоеванной России. Плано Карпини рассказывает, что в бытность его в России «был прислан туда один саррацин, как говорили из партии Гуюк-каана и Батая». Этот «саррацин» ⁹ (вероятно — мусульманский купец) увел часть населения, «остальных же, согласно своему обычаю,

¹ Сказание о князе Михаиле Черниговском, приписываемое о. Андрею (Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, тексты, стр. 55, в Чт. в Общ. ист. и др. росс., 1915, кн. 3); редакция эта появилась по определению Серебрянского, во второй половине XIII или не позже начала XIV в. (ор. с., стр. 115).

² Так, например, по Юань-ши (официальная китайская летопись) в 1253 г. «князь Бату прислал Тобци просить у хана (императора) 10 тыс. слитков серебра (около 110 тыс. руб. серебром) на покупку жемчугу. Хан дал только тысячу слитков...» и т. д. (И а к и н ф, ор. с., 1829, стр. 319); см. G a u b i l, Histoire de Gentschiscan, p. 140—144, и в Китайской истории Ганьму, в изложении Каменского (не изд.): «При Мунгальском дворе татарин Ахама (Ахмет) был главным сборщиком государственных в Западе оброков, кои прямо относятся к императору» (Китайская история Тунь-дзянь-Ганьму, «перевод сделан Каменским», Рукоп. отд. Гос. публ. библ. им. Салт.—Щедр. № F. IV. 192); это было при Хубилае; о «бесурменине», приехавшем от Хубилая на Русь, см. ниже.

³ Л э н П у л ь, ор. с., стр. 179; И а к и н ф, ор. с., стр. 290, 295.

⁴ D' O h s s o n, Histoire des mongols, t. II, 1834, стр. 189; И а к и н ф, ор. с., 292, 293.

⁵ D' O h s s o n, II, 189—190; И а к и н ф, ор. с., 281—282.

⁶ D' O h s s o n, II, 190; Histoire générale de la Chine ou annales de cet empire; traduites du Tong-kien-kang-mou, par... Mailla, t. IX, Paris, M. DCCL. XXIX, 237—238.

⁷ D' O h s s o n, II, 266.

⁸ D' O h s s o n, III, 125—127; ср. *ibid.*, II, 265.

⁹ «Монголы называли магометан *sartol*. Это слово, как и название саррацины, происходит от арабского *sharki*—«восточный». Ср. Rockhill (примеч. Малена к Рубруку, стр. 192).

пересчитал и паложил на них дадь шкурами.¹ Северо-восточные летописные своды не сохранили упоминаний об этом перечислении. Имело ли это перечисление местный характер и пришли ли вслед за ним на Северо-восток какие-либо ордынские чиновники, — сказать трудно; во всяком случае, известия за эти годы о «баскаках» (монгольских военачальниках, которые держали «в повинении покоренное население») относится только к Южной России.²

Появление военно-политической организации в Северо-восточной Руси последовало, согласно нашим летописным сводам, вслед за переписью 1257 г.

«Исчисление народу в России» в 1257 г. находилось в известной связи с общеимперскими мероприятиями, предпринятыми в царствование императора Менгу (1251—1259), возведенного на престол после смерти Гуюк-каана. В Китае и в Трансоксиании (1250—1251), а вслед за тем и в Иране (1251—1253) был введен налог (в Трансоксиании и Иране, как известно, он был поголовным), пропорциональный силам плательщиков.³ Решение о реформе подат-

¹ См. П л а н о К а р п и н и, История монголов, пер. Малейна. СПб., 1911, стр. 33. Немного выше П. Карпини говорит: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся... И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества» (ibid., стр. 33); (ср. Воскр. л., под 1238 г.: «тоя же зимы приидоша отъ восточныя страны на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожнии татарове съ царемъ Батыемъ... и оттолѣ (с Онузы А. Н.) послаша послы своя, жену цародѣицу и два мужа с нею, ко княземъ Рязанскимъ, просяще у нихъ десятины во всемъ: во князехъ, и въ людехъ, и въ конехъ, 10-е в бѣлыхъ, 10-е въ вороныхъ, 10-е въ бурыхъ, 10-е въ рыжихъ, 10-е в пѣгыхъ».

² См. в Ипат. л., под 1255 г., о пленении «баскана» Львом: «приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ и приложися Милѣй к нимъ, Данилови же пошедшу на войну на Литву, на Новѣгородокъ, бывшо роскалю, посла сына си Лва на Бакоту, посла Левъ дворяского перед собою; изѣхавше яша Милѣя (и) баскака». Бакота — город в «Понизьи» (Юго-западной Руси). См. Н. Б а р с о в, Материалы для историко-географ. словаря России, Вильна, 1865, стр. 3; см. А. К р ы л о в, Населенные места Подольской губ., Каменец-Подольск, 1905, с. Бакота, Ушицкого у., в 40 в. от уездного города. См. у П. Карпини о разрушении по указанию «башафа» (баскана) какого-то города «в земле Команов» (т. е. половцев, тюрков-степняков): «башафов (bасchathos), или наместников своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город или землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят, без ведома жителей, по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов» (К а р п и н и, изд. 1910 г., стр. 34).

³ D' O h s s o n, II, 262, 263—266; III, 127. «Cette proposition ayant été approuvée, le maximum de l'impôt personnel en Perse fut fixé à sept dinars, et le minimum à un dinar; tandis que, dans la Chine et dans la Transoxiane, les plus pauvres étaient taxés à une pièce d'or et les plus riches à quinze (Raschid). Selon Djouveni en Chine et dans la Transoxiane les plus imposés payaient dix pièces d'or, et les moins imposés en payaient une» (op. c. II, 263); «la taxe sur le bétail, appelée countchour, fut fixée à une tête

ного дела повело за собою новые переписи в империи. В 1252 г. была учинена «перепись народу китайских земель».¹ В 1253 г., по возвращении из Монголии правителя Ирана — Аргуна, произвели перепись в Иране.² Одновременно решено было при дворе произвести перепись и в пределах России: в 1253 г., как сообщает официальная китайская история Юань-ши, император отправил Бицик-Берке сделать «исчисление народу в России».³ Едва ли можно сомневаться, что это был тот самый Берке или Беркай, который, по словам Новгородской летописи, был одним из главных «численников», прибывших в 1258 г. (1259) в Новгород для переписи населения.⁴ В Юань-ши (99 цз.) мы находим именно форму «би-чже» в значении «секретарь».⁵ Армянский историк XIII в. Киракос (1201—1272) переводит «бичикчи» (бицикчи) словом «писец».⁶

par cent de chaque espèce, et ceux qui possédaient moins de cent pièces en étaient exempts (ibid., 264). «После сего, — читаем в Юань-ши (1251), — при дворе введены новые постановления, которых требовали обстоятельства времени. Хан приказал отобрать все печати, которые придворными чинами или князьями без разбора были выдаваемы» (И а к и н ф, ор. с., 308).

¹ По Юань-ши; см. И а к и н ф, ор. с., 316.

² D' O h s s o n, III, 128; ср. К. П. П а т к а н о в, История монголов по армянским источникам, в. II (из истории Киракоса), СПб., 1874, стр. 78; по Киракосу, Аргун был отправлен произвести перепись в 703 г. (1254—1255) армянской эры; ср. К. П. П а т к а н о в, История монголов Магакки, XIII в., СПб., 1871, стр. 23—24. Имеются указания, что за единицу при переписи (в Армении, Грузии, Агвании и окрестных областях) брали мужского пола душу (см. П а т к а н о в, ор. с., в. II, стр. 78 (из истории Киракоса); M. B r o s s e t, Histoire de la Géorgie, p. 1, l. 2, 1850, стр. 552); данные о том, что брали за единицу при переписи населения в Грузии противоречивы (см. B r o s s e t, ор. с., стр. 551).

³ См. И а к и н ф, ор. с., 319; И. Б е л я е в, Лекции по истории русского законодательства, М., 1879, стр. 271.

⁴ См. Новг. I, 1259; P o r., 1259; E. B r e t s c h n e i d e r, Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, v. II, London, 1910, p. 80, примеч. 840. «Тои же зимы приѣхаша оканьнии Татарове сыроядцы Беркай (Берка) и Касачикъ с женами-своими и инѣх много», и далее: «И бысть заутра съѣха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимъ. И влѣхъ свѣтомъ яшася по число» (Новг. I, 1259). «Того же лѣта приидоша изъ Орды въ Новѣгородъ Берка и, Кацикъ десятины просити и выгнаша ихъ не давше» (P o r., 1259); ср. Новг., I, 1257 г.; Касачикъ (Кацикъ?), может быть, — численник, посланный от Батыея, на ряду с Берке, который был отправлен императором; по крайней мере об отправке Касачика вместе с Берке Юань-ши не упоминает; ср. у Киракоса о том, что в 703 г. (1254—1255) армянской эры «Мангу-хан и великий военачальник Бату отправили сановника Аргуна... и другого вельможу из Орды Бату, Тура-Ага, со многими другими чиновниками — произвести перепись...» (П а т к а н о в, II, 78). Кацика (имя человека) значит собачка. Солонское «речение»; на китайском — «хэ-си» (привавление из Исторического словаря династии Гинь; И а к и н ф, ор. с., 395).

⁵ А. И. И в а н о в и Н. В е с е л о в с к и й, Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши; Зап. разряда военн. археологии и археографии Русск. военно-истор. общ., т. III, II, 1914, стр. 22; B r e t s c h n e i d e r, II; ср. Q u a t r e m è r e, ор. с., (R a s c h i d - e d - d i n), стр. 297; «le bitketchi (secrétaire), qui était un des principaux émirs».

⁶ П а т к а н о в, II (Киракос), 49; ср. H a m m e r - P u r g s t a l l, G e s c h. der Gold. Horde, Pesth, 1840, стр. 240.

В Иране «битикчи» (бицикчи) выступали при Гассане как раз в роли численников.¹

В 1257 г., когда, согласно нашим летописям, приступили к переписи в России, император, по словам Юань-ши, назначил в Россию сына своего зятя — Китата² на должность даругаца,³ в их обязанность в провинции, помимо общего надзора за ходом дел по праву хранителей печати, входили: перепись населения, сбор дани и доставка ее ко двору.⁴ Наши сведения о том, как производили перепись, дают основание предполагать, что за единицу считали не мужскую голову, а дом или семейство подобно тому как это издавна было принято в Китае.⁵

¹ D'Ohsson, IV, 380 и др. (Raschid); «il (Gazan) ordonna l'envoi dans chaque province d'un Bitiktchi chargé de dresser un état de toutes ses communes, et de réparer les impôts d'après le dernier recensement, en ayant soin que les impositions soient modérées... Les Bitiktchis allèrent dans les provinces, levèrent le cadastre de chaque commune, et en firent les impositions» (ibid., 380); см. также стр. 375. Ср. Hammer-Purgstall, Geschichte der Ilchane, в. II, Darmstadt, 1843, стр. 171. Как видим, «исчисление народу в России» началось не сразу вслед за отправлением Бицик-Берке в Россию. Батый уже не было в живых; он умер в 1255 г. (653 г. — 10 февр. 1255 г. — 19 янв. 1256 г.); сын его Сартак, утвержденный императорским приказом главою улуса Джучи, правил, вероятно, менее года (См. Лэн-Пуль, ор. с., Тизенгаузен, II, рукоп. б. Ав. муз., III, 295); к осуществлению императорского распоряжения о переписи приступили, таким образом, когда золотоордынским князем был уже несовершеннолетний Улагчи, поставленный по приказу императора во главе джучидских владений после смерти Сартака (см. Лэн-Пуль; Тиз., II).

² Китат (имя человека) значит: Китай и китаец. Монгольское «речение». На китайском — «ци-дай, ци-да-дай» (см. Иакинф, ор. с., показание древних имен и названий, исправленных в историческом словаре династии Юань, стр. 368).

³ По Юань-ши, в 1257 г. «Китата, сына ханского зятя Ринциня (император), назначил в должность Даругаца в Россию» (Иакинф, ор. с., 331).

⁴ «Кроме общего надзора за ходом дел, по праву хранителя печати, дарухачи в провинциях имел еще другие обязанности или права, упоминаемые в Юш. (цз. 7, 16), а именно: 1) перепись жителей; 2) набор войск из туземцев; 3) устройство почтовых сообщений; 4) собрание податей и 5) доставка ко двору дани (говорится о дарухачи в Аннаме как внешнем владении)» (примеч. арх. Палладия к «старинному монгольскому сказанию о Чингисхане» — Юань-чао-ми-ши, Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 256).

⁵ По китайской истории Ганьму, когда было решено (в 1236 г.) учинить перепись народонаселению в Китае, «все чины просили, чтобы каждого совершеннолетнего мужчину считать за дом; но Елюй-Чуцай воспротивился сему. Тогда единогласно сказали ему: «В нашей державе, равно и в западных царствах, везде один совершеннолетний считается за дом. Как можно, оставя уложение великой державы, принять систему царства погибшего?» Елюй-Чуцай сказал на сие: «От древних лет, как существует Китай, никогда одну мужскую душу не считали за дом. Но если в самой вещи принять сие, то успеем собрать подати только за первый год, а потом все разбегутся». Монгольский государь принял мнение Елюй-Чуцай, и Хадаху представил монгольскому государю перепись, по которой оказалось 1 040 000 семейств, или домов» (Иакинф, ор. с., 264). Как видим, во время переписи 1236 г. в Китае принимали за податную единицу, следуя древнему китайскому обычаю, «семейство, или дом» (а не мужскую голову); как было во время последующих переписей в Китае, — мы

Численники ушли, но оставили на территории русского Северо-востока какую-то организацию, смысл которой остается до сих пор неразгаданным в нашей историографии. Летопись сообщает, что численники «исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Мюромьскую... и идоша в ворду». Летопись ничего не говорит, что вместе с этими лицами командного состава, начиная с десятника, пришли бы на Русь и монгольские солдаты; она ясно говорит только, что пришли десятники, сотники, тысячники и темники. Если мы примем во внимание, что на обязанности даругаги, на ряду с организацией переписи, податного дела и устройства почтовых сообщений, лежал набор войск из местного населения, то пойдем,

не знаем (1252 г. и др.). Материал свидетельствует, повидимому, что этот же принцип был принят и во время ордынской переписи в России. Новг. I л. прямо говорит, что численники начали ездить по улицам «пишуче дома христьяньския» («и почаша вэдити оканьнии по уликамъ, пишуче дома христьяньския», Новг. I, 1259). Это известие служит как будто указанием, что за счетную единицу численники брали дом или семейство. Последнее подтверждается текстом жалованной грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю (1356—1387), где население погостов, перешедших к монастырю, исчисляется не по количеству людей (или мужских голов), а по количеству «семей» (тогда дали святой Богородици дому 9 земель бортных, а 5 погостов, Песочна, а въ ней 300 семей, Холохолна, а въ ней полотораста семей, Заячины, а въ ней 200 семей, Веприя 200 семей, Заячковъ 100 и 60 семей (А. И., I, № 2).

В Китае и Трансоксиании и в Иране в 1250—1253 гг. было установлено, как мы говорили, взимание налогов соразмерно силам плательщиков (о величине этих налогов, изменявшейся соразмерно имущественному положению тяглецов, — по Рашиду и Джувейни, — см. выше, стр. 12, примеч. 3). Был ли распространен татарами этот принцип (посильности) обложения и на Россию?

В 1257 г. татарские послы, по рассказу Новг. л., по приезде в Новгород, «почаша просити десятины и тамгы, и не яшася Новгородци». В 1259 г., по приезде в Новгород, татары, еще до начала переписи (судя по ходу изложения летописного рассказа), производили какой-то побор, брали «туску»: «и по волости много зла учиниша, беручи туску оканьнымъ Татаромъ» (Новг. I). (Не побор ли это в пользу численников?)

Может возникнуть предположение, не было ли требование «тамги и десятины» в 1257 г. просьбой дать предварительный побор. Это предположение, впрочем, представляется нам мало вероятным: что такое «туска», мы не знаем и во всяком случае нет основания предполагать под этим термином «тамгы и десятины». Вернее, что просьба дать «тамгы и десятины» была просьбой дать «число» и согласиться платить «тамгы»; на эту просьбу «не яшася новгородци» (Новг. I, 1257); в 1259 г., когда стали грозить на Новгород походом («аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли»), — «яшася Новгородци по число» (Новг. I). В таком случае «десятину», т. е. побор, соразмерный имуществу тяглеца, татары должны были получить в результате переписи. Напомним, что весь о том, что татары хотят «тамгы и десятины», пришла в Новгород (Новг. I) «изъ Руси», т. е. из Северо-восточной России (Новг. I, 1261), где как раз приблизительно в это время началась перепись (Лавр., 1257). Возможно, что «десятиной» летописец называет ордынскую «дань». Летопись вместо «тамгы и десятины» прямо говорит о дани: татары «почаше просити д а н и, и не яшася по то новгородци» (Новг. IV, 1257); ср. в ярлыке Менгу-Тимура: «Д а н ь ли или иное что ни боудеть т а м г а, по-пложное, ямъ, война...»

Далее, под 1259 г., в Новг. I л., после сообщения о начале переписи, сказано: «твориху бо бояре себѣ легко, а меншимъ зло». В этом можно, на

что сын императорского зятя приехал не только для того, чтобы руководить переписью, но и для того, чтобы наладить в завоеванной провинции какую-то постоянную военно-политическую организацию. Дело в том, что монголы составляли, как известно, отряды или полки из иноплеменных народов, например киданей, тюрков и других, назначением которых было не только заменять в войсках и сражениях войска монгольские, но и держать в повиновении покоренные народы.¹ Командный состав (т. е. десятники, сотники, тысячники, темники) полков, набравшихся из населения завоеванных областей, приходил обычно из страны завоевателей и состоял из собственно татар или монголов.² Монгольские воеводы, по арх. Палладию, командовавшие такими отрядами, назывались в Монго-

первый взгляд, видеть указание на «одинаковую для всех подать после переписи, подать поголовную»; так, по крайней мере, понимает дело Н. Чечулин (см. «Начало в России переписей и ход их до конца XVI в.», Библиограф, 1889, № 2). Известие это можно, однако, понять и иначе и видеть, в данном случае, указание на злоупотребление бояр при переписи имущества; так и понимал, повидимому, это место летописного рассказа К. А. Неволин (см. «Об успехах госуд. межевания в России до императрицы Екатерины II». Соч., т. VI, СПб., 1859, стр. 448). В пользу последнего предположения говорит, во-первых, то, что бояре принуждены были содействовать татарам в переписи: «и повелъ князь стеречи ихъ сыну по садничю и всѣм дѣтемъ боярьским по ночемъ», и далее: «вятшии велят ся яти меншим по числу» (Новг. I) и, во-вторых, слова того же летописного рассказа (несколькими строками ниже), вслед за сообщением о переписи: «заве навель бог за грѣхы наша испустыня звѣри дивияя ясти сильных плъти и пити кровь боярьскую» (Новг. I, 1259). Итак, возможно, что, «пишуче домы», численники описывали имущество и при переписи имелось в виду обложение, соразмерное силам плательщиков. Ср. С. Б. Веселовский, Сошное письмо, II; М. А. Дьяконов, Русск. истор. журнал, кн. 2. Ср. в сборнике Кирши Данилова, стр. 13: брал «дани невыходы царски невыплаты с князей и брал по сту рублевъ, съ боярь по пятидесять, съ крестьянъ по пяти рублевъ...» и т. д.

О переписи 1275 г. знаем только следующее: «того же лѣта бысть на Руси и въ Новгородѣ число второе изю Орды отъ царя, и изочтоша вся, точию кромѣ священниковъ и иноковъ и всего церковного причта» (Никон. л.).

¹ См. Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, стр. 255, примеч. (641) арх. Палладия.

² Монах Юлиан, посланный в Восточную Европу перед самым нашествием татар на Северо-восточную Русь и посетивший, между прочим, Суздальскую землю, а также области, уже опустошенные татарами, писал следующее: «Taliter autem cuneum suum ordinant, quod decem hominibus unus Tartar praest, iterum centum hominibus unus centurio. Hoc ideo tali astutia factum est, ne exploratores supervenientes possint inter eos aliquatenus latere, et si forte contingeret numerum eorum dominum per bellum, posset restitui sine mora, et populus collectus ex diversis infidelitatem aliquam non possit facere», Regesta ... Bohemiae et Moraviae, opera C. Erben, p. 1, 600—1253, Pragae, 1855, стр. 475; Normaur Gold.Chronik, II, p. 67; см. также Wolff, op. c., стр. 272—273.

Вассальные отношения в монгольском обществе были организованы в стройную систему Чингис-ханом. Монгольская степная аристократия получала наследственные звания сотника, тысячника, темника; носящие же эти звания получали общий титул поуан, т. е. «господин», «сеньор», «военный сеньор» (см. Владимирцов, Общественный строй монголов, 1934, стр. 103—104).

лии таньмачи, а у нас — баскаки.¹ Прямые следы существования на Руси таких отрядов (составленных из туземного населения), действовавших у нас в последующие годы, мы наблюдаем в летописном рассказе о баскаке Ахмате. Этот баскак имел в распоряжении своем «отряды, которые пополнялись «людьми», сходявшимися «со всех сторон», и состояли частью из «бесермен», а частью — из «Руси»; они жили в особых слободах; в одном из таких отрядов, например, переходившем из одной «слободы» Ахмата в другую, было 30 человек «Руси» и двое «бесермен».² Таким образом, как можно заключить из летописного известия под 1257 г. («ставиша десятники и сотники и тысячники и темпики...»), с уходом численников на Русь были сформированы (набраны) особые отряды, частью из местного населения, с пришлым командным составом, которые поступали в распоряжение баскаков. Эти баскаческие отряды были поставлены в пределах земель Муромской, Рязанской и Суздальской. Последующие показания материала подтверждают наш вывод. Начиная с 1269 г. появляются известия о «владимирском баскаке», действующем «с татарами» в военных экспедициях,³ а в послании митрополита Феогноста по поводу определения границ рязанской епархии видим обращение «к баскакам и сотникам».⁴

О дальнейшем распространении баскаческих отрядов мы сведений не имеем. Можно предположить только, что в последней четверти XIII в. баскачество было введено и в земле Смоленской. Глеб Ростиславович, как известно, подчинялся воле великого князя владимирского, получившего от хана ярлык на великое княжение, и ходил с ним в 1270 г. на Новгород, а в 1274 г. получил от Орды приказание двинуться вместе с другими князьями против Литвы;⁵ вслед за тем в Смоленск начинают наезжать и требовать постоя ханские чиновники.⁶

¹ См. Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, IV, стр. 255, примеч. арх. Палладия (641): «таньмачи были Монгольские воеводы, командовавшие полками из иноплеменных народов, например Киданей, Тюрков и других... Назначение полков таньмачи было заменять в войсках и сражениях войска Монгольские и держать в повиновении покоренные народы. У нас в России таньмачи назывались баскаками». Ср. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 155, 159; Патканов, *op. c.*, II, 39—41; D'Ohsson, *op. c.* III, 103—104. О «баскаках» в Иране во второй половине XIII в. см. D'Ohsson, *op. c.*, III, 191 (1256); IV, 381, 405 (при Газане); ср. Намтер, *Ichane*, II, 171.

² Симеон и Лавр. лл.; ср. Никон. л., 1283—1284, где — позднейший текст, с прибавлениями.

³ Никон., 1269—1270 и 1273; Новг., Соф. I, 1269.

⁴ «Благословенъ Феогноста, митрополита всея Руси, къ дѣтемъ моимъ, къ баскакомъ и къ сотникомъ и къ игуменомъ и попомъ...» и т. д. (1333—1353 гг.). Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии. Памяти. др.-русс. канон. права, ч. I, № 18, стр. 163—166).

⁵ Голубовский, История Смоленской земли, 304; Новг. I, Никон. лл. 1270; Ипат., 1274.

⁶ «...а на которомъ подворьи стоять Немци, или гость Немьцьскин, не постави на томъ дворѣ князю ни Татарина ни иного которого посла». Смоленская Торговая Правда, Русско-Ливонские акты, 440—445; Голубов-

Только Новгород и оставался на особом положении. Судя по летописному тексту, численники не ставили там «десятников, сотников, тысячников и темников»:¹ дальнейшие события также не дают основания предполагать о существовании новгородского баскачества.²

Следы пребывания баскаческих отрядов сохранились, может быть, в названиях некоторых русских поселений. В пределах б. Европейской России мы встречаем целый ряд поселений с названиями: Баскаки, Баскаково, Баскачи и т. п. Топографическое распределение их на территории б. Европейской России позволяет думать, что, может быть, происхождение части этих названий связано с местопребыванием или деятельностью баскаческих отрядов или баскаков.

Мы не встретим их, во-первых, на территории, непосредственно принадлежавшей Золотой Орде, — в Поволжье (начиная с б. губерний Нижегородской и Казанской), в Кипчаке (в южно-русской степной полосе) и в Крыму.³ Во-вторых, мы не встретим их в б. западных губерниях, т. е. в областях, лежавших за пределами золотоордынского владычества, и даже в областях, во всяком случае в части своей лежавших за пределами татарского владычества: в б. губерниях Витебской и Могилевской.⁴ В-третьих, мы не найдем их под Новгородом и на территории новгородских пятин, где, как мы видели, баскаческие отряды поставлены не были.⁵

с к и й, оп. с., 170; ср. *ibid.*, 304, 305. Ср. у Рашид-ед-дина (D' Ohsson, IV, 405): «Tout commandant (B a s c h a k a k) partant pour son poste emmenait plus de cent familles, qui toutes se logeaient dans les maisons des particuliers...»

¹ Новг. I, 1257—1259, Лавр., 1258, и др. лл.

² См., например, события 1269—1273 гг. по Никон. и Новг. I лл.

³ Так, их нет в б. губерниях: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской; нет их также в б. области Войска Донского, в б. губерниях Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической (см. Списки насел. мест Российской империи, сост. и изд. Центр. стат. ком. мин. вн. дел, XXV XIV, XXXIX, XXXVI, XXXVIII, II, XII, XXX, XLII, IX, XLVI, XXXIII, XIII, XLI).

В б. Самарской губ. находим только немецкую колонию Баскаковка (см. Список насел. мест. № 1642; Семенов, Геогр.-стат. словарь, т. I); об урочище Баскак см. Доп. к А. И., II, 149. Поскольку мы пользуемся при определении территории «Списками населенных мест», — сохраняем указания на старые административные деления.

⁴ См. Список насел. мест Витебской губ., изд. Губ. стат. ком., Витебск, 1906, и Список насел. мест Могилевской губ. См. также Алфав. список насел. мест Ковенской губ., изд. Ков. губ. стат. ком., Ковно, 1903; Указатель насел. мест Гродненской губ., изд. Гродн. стат. ком.; Виленская губ., полн. список насел. мест, сост. Гошкевичем, Вильно, 1905.

⁵ По крайней мере в б. Петербургской и Олонецкой губерниях их нет (см. Списки, XXXVII); в б. Новгородской губ., на территории пятин, их нет; в пределах б. Новгородской губ. находим только одно село Баскаково, Череповецкого у. (Воронинской вол.), при р. Шексне, т. е., надо думать, на территории Ростовского, точнее Белоаерского княжества (см. Карту новгородских пятин, К. А. Неволнин, О пятнах и погостах новгородских, 1853; Список насел. мест Новгородской губ., в. IX, 1912).

Значительное большинство этих селений расположено в б. Центральной России. На территории Смоленского княжества, в б. Смоленской губ., находим Баскакова (б. Бельский уезд) — в сторону от дороги из Смоленска на Тверь (через Ржев); затем — Баскаково, недалеко от границы б. Московской губернии — по гжатскому почтовому тракту, и, наконец, Баскаково — по правую сторону р. Угры, на восток от Смоленска; к последнему селению примыкает и с. Баскаково, б. Мосальского у., Калужской губ., расположенное в юго-западной части уезда, недалеко от границы б. Смоленской губ.¹ На территории Тверского княжества находим с. Баскаково под г. Кашиным (в 10 верстах), по дороге из Углича, т. е. из Ростовского княжества, в Кашии, и с. Баскаки — приблизительно в 30—40 верстах к северу от г. Твери.² На территории Ростовского княжества, в одной б. Ярославской губ., обнаруживаем целую цепь селений (десять) с названиями: Баскаково, Баскачево и т. п., продолжение которой на северо-востоке составляют с. Баскаково, б. Вологодской губ., Грязовецкого у., лежащее недалеко от границы б. Ярославской губ., и с. Баскаково, б. Тотемского у., по правую сторону р. Сухоны, т. е. в направлении к Устюгу. Может быть, на территории Ростовского (точнее — Белозерского) княжества лежали также с. Баскаки, б. Новгородской губ., Череповецкого у. на р. Шексне и с. Баскаки, при речке Баскаковке, б. Весьегонского у.³ На территории Рязанского княжества обнаруживаем с. Баскаково, б. Данковского у., и в районе рязанского порубежья — с. Баскачь в б. Тульской губ., Каширского у.; а недалеко от Тулы — с. Баскаково (Лупанье).⁴ По дороге из Костромы на Суздаль находим с. Баскаково в б. Костромской губ., Нерехтинского у.;⁵ на территории Суздальского княжения — с. Баскаки, в 27 верстах от Суздаля, и, наконец, на территории великого княжения Владимирского — с. Баскаки, под г. Владимиром, в 17 верстах (на восток) от города.⁶

¹ См. список насел. мест Смоленской губ., № 1482, 10795, 7140; Список насел. мест Калужской губ., № 3578. Ср. также о с. Баскачь, Каширского у., стана Раставского (Писцовые книги XVI в., СПб., 1877, стр. 1309—1311); ср. также о д. Баскаковой Пусто-Ржевского у. (Ак. И., II, 413).

² См. список насел. мест Тверской губ., № 6491, 856.

³ См. список насел. мест Ярославской губ., № 1319, 1524, 2039, 2324, 6853, 6711, 8823, 9333, 7420, 7825; Список насел. мест Вологодской губ., № 3628, 9049; Список насел. мест Новгородской губ., в. IX, изд. 1912 г.; Список насел. мест Тверской губ., № 2126. Об углицкой д. Баскача см. А. А. Э., I, 9, 41; Акты юрид. быта, I, 93; ср. также о земле Баскача в Закубеньи (вероятно, по дороге от Белоозера на Устюг): Доп. к А. И., I, 13. См. также о с. Баскаково б. Костромской губ. Макарьевского у.: Сп. насел. мест Костр. губ., № 8091.

⁴ Список насел. мест Рязанской губ.; Список насел. мест Тульской губ., № 2588, 1064.

⁵ Список насел. мест Костромской губ., № 8479.

⁶ Список насел. мест Владимирской губ., № 5222, 67. На остальном пространстве Европейской России мы нашли только три села Баскакова в Закамских землях: одно — в Соликамском у., недалеко от р. Камы, в 39 верстах от уездного города, см. Списки насел. мест, XXXI, № 6488 (ср. в Новг.

Баскак «владимирский» (Амраган) назывался «великим», очевидно, в отличие от других баскаков, ему подчиненных.¹ Об этом, с одной стороны, свидетельствует текст летописи Новгородской, в составе Софийской I и Новгородской I летописей, с другой стороны — текст Тверского свода, в составе Никоновской летописи.² Другие баскаки, повидимому, держали баскачество разных княжений, если судить по тому, что Ахмат, согласно летописному рассказу, «держал баскачество» Курского княжения.³ Не сохранилось сведений, сколько их было, и указаний на те города или княжения, в которых они сидели. Отметим только, что в Ростовском владычном своде имеем случайное упоминание о смерти (ростовского?) баскака Кутлубуга.⁴ В чем же выражалась деятельность баскаков в Северо-восточной Руси и какое назначение выполняла эта организация? По своему значению баскаческие отряды заменяли, в сущности, войска монгольские.⁵ В 1269 г. великий князь Ярослав Ярославович, «сдумавъ с новгородци», стал копить против немцев на Низовской земле рать; собрав «всѣхъ князей», он привел их в Новгород; вместе с русскими князьями прибыл и «великий баскак владимирский» Амраган и зять его Айдар «со многими татарами». С прибытием баскака и «татар» война против русских означала, очевидно, войну против Золотой Орды. Узнав о прибытии баскака и татар, немцы, «устрашишася и вострепетавше, прислаша съ великимъ челобитьемъ и со многими дары послы своя, и добиша челомъ на всей воли его,

I л., 1332 г.: «великий князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра Закамьского»), и два — в Уфимской губ., к западу от тракта Уфа — Бирск (причем одно из них — Понамарева-Баскакова; см. Список насел. мест, XIV, № 207, 1543, в земле башкир [?]); затем — с. Баскачаны в Бессарабской губ., Хотимского у., при р. Пруте, приблизительно в 40 верстах от с. Бакоты (ср. в Ипат. л., 1255 г., о баскаке — у г. Бакоты); и, наконец, — с. Баскаково (Орламское) в Псковской губ. и у., в 60 верстах от города, повидимому у б. границы владений Ливонского ордена (см. Списки насел. мест, XXXIV, № 1825).

¹ Секретная история династии Юань (Юань-чао-ми-ши) говорит, что Угедей оставил в Иране «Чормаханя и других в качестве таньмачи» (Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 155). По словам Киракоса, Чармаган (Чормахан) был «главный военачальник их»; другие, по смыслу текста, должны были ему подчиняться (Патканов, II, 39—41; ср. D'O h s s o n, III, 103—104 и др.); эти военачальники, подчиненные «главному» таньмачи, сидели по разным городам или округам: см. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 159; «во всех городах для хранения их поставил таньмачи»; ср. D'O h s s o n, III, 104: «il tuaient les préfets que Tchormagoun, à son passage, avait placé dans les districts de cette province, et recherchaient ceux qui s'étaient attachés aux Mongols (Djouvéini)»; ср. стр. 191.

² Новг. I и Соф. I лл., 1269; см. Никон. л., 1269, 1273 гг.; ср. А. Н. Н а с о н о в, Тверские летописные своды (ДАН СССР 1926); его же, Летописные своды Тверского княжества (Изв. Акад. Наук СССР, 1929).

³ Симеон., 1283.

⁴ Акад. л. (список Моск. дух. акад., № 5/182) год 1305 г.: «того же лѣта преставися баскакъ Кутлубугъ»; ср. А. А. Ш а х м а т о в, Ермол. л. и Рост. влад. свод.

⁵ Ср. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 255, примеч. арх. Палладия (641).

и всёхъ издариша и великого баскака и всёхъ князей Татарскихъ и Татаръ; зѣло бо боахуся и имени Татарского».¹

Можно догадываться, что основной обязанностью баскаков была служба внутренней «охраны». Они должны были «держатъ в повиновении» покоренное население. В самом деле: в 1273 г., когда новгородцы не пожелали принять на Новгородский стол великого князя Василия Ярославовича, поставленного на великое княжение хапом, баскаческие отряды приняли участие в военных экспедициях против Новгорода, в результате которых новгородцы принуждены были принять Ярослава.² Хапские ярлыки не оставляют сомнения в том, что баскаки имели ближайшее отношение к сбору налогов.³ Нет указаний, однако, чтобы в их постоянную обязанность входил сбор налогов. Ярлыки перечисляют чиновников, ведавших сбор ордынских податей: данщиков, поплужников, тамошников.⁴ Ахмат собирал дань, согласно тексту летописи, не по обязанности баскака, а по праву откупщика, поскольку он откупал сбор дани у ордынской администрации.⁵ Вернее предположить, таким образом, что обязанность баскаков заключалась не столько в сборе дани, сколько в поддержке сборщиков, особенно когда требовалось вмешательство военной силы. Напомним, что неуплата дани (как явствует из летописного рассказа под 1270 г.) рассматривалась как неповиновение власти хапа и служила достаточным основанием для вмешательства ордынских войск.⁶

¹ Никон., 1269; Новг. I л. также говорит, что немцы, «увѣдавшѣ», прислали послов «с молбою: «кланяемся на всеи воли вашей, Норовы всеи отступасмя» (Новг. I, 1269).

² Никон., 1273: «князь велики Василей Ярославичь... съ великимъ баскакомъ Володимирскимъ Иаргаманомъ, и со княземъ Айдаромъ и съ многыми Татары царевыми и воеваша Новгородския власти... Того же лѣта князь велики Тферский Святославъ Ярославичь... иде съ Татары царевыми и воеваша Новгородския власти»; ср. А. Насонов, Тверские летописные своды и Летописные своды княжения Тверского (ИАН, 1930, стр. 769).

³ См. в ярлыке Менгу-Тимура: «...и от попов и отъ чернѣцев ни дани и (—) ни иного (—го) чево (=чьего) ни хотять ни възмоуть баскаки княжи писци поплужники (=и) тамошници.» (Приселков, Ханские ярлыки, тексты, стр. 98; С. Г. Г. и Д., 11)

⁴ См. там же: «Менгоути (=е) меро (=ы) во слово людскихъ баскакомъ и княземъ и пол (+ъ) чнымъ княземъ и г (=к) данщикомъ и к писцемъ и к (+ и къ) мимозядящимъ послом...» и далее: «...баскаки княжи писци поплужники (=и) тамошници...» (см. Приселков, ор. с.). Князья, упоминаемые в ярлыке, конечно, князья Орды, а не русские князья. О князе (بك) и княземъ писце или княземъ «битекачи» (بك بیتکچی) см. у

Березина, Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева (Труды вост. отд. Арх. общ., ч. VIII, 1864, стр. 445, 457). Ср. И. Д. Беляев, О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках, Архив ист.-юр. сведений, изд. Н. Калачевым, кн. I, М., 1850, стр. 108.

⁵ Симеон., 1283: «откупаша у Татаръ дани всякия...» и т. д.

⁶ В 1270 г. Ярославу, чтобы получить войско из Орды, пришлось представить царю дело так, будто новгородцы отказались платить ордынскую дань; см. Новг. I л.: «Уже бо бяше царь отпустилъ рать на Новгородъ по Ратиборову лживому слову, рече бо Ратиборъ царю: «Новгородци тебѣ

Внутренняя «охрана» завоеванной провинции являлась, надо думать, ближайшей задачей баскаческих отрядов. Недаром они появились тогда, когда настоятельно требовались средства «охранения». Осторожные и отрывочные сообщения сводов «Суздальской земли» ничего не говорят о том, как был встречен населением приезд численников, и только откровенный и пространный рассказ Новгородской летописи заставляет думать, что далеко не везде и на Низу перепись прошла благополучно. Уже одно только известие из Низовской земли о намерениях татар произвело в Новгороде переполох: «Приде вѣсть изъ Руси зла... смятошася люди чересь все лѣто» (Новг. I, 1257). Когда в город приехали татарские послы, население, на просьбу дать «тамгы и десятины», ответило отказом. Новгородский князь Василий, сын Александра Невского, бывший на стороне населения, «побѣже въ Пльсковъ» (т. е. в Псков).

Александрю Невскому волей-неволей пришлось вместе с татарами усмирять взбунтовавшихся. Он вывел сына (князя Василия) из Пскова и послал в Суздальскую землю, «а Александра (повидимому — новгородца) и дружину его казни: овому носа урѣзаша (т. е. татары, см. ниже), а иному очи выимаша, кто Василия на зло повел».¹ Когда, год спустя, вновь приехали татары, уже в более значительном количестве, собираясь произвести исчисление, с ними прибыли князья — Александр Невский, Борис и Андрей, посетившие предварительно ставку хана.² Снова в городе, по рассказу летописца, начался «мятежъ великъ»; и «чернь» упорно не хотела «дати числа». Опасаясь нападения, татары даже обратились к Александру с просьбой дать им сторожей — «ать не избыють насъ»; и великий князь «повелѣ... стеречи ихъ сыну посадничю и всѣмъ дѣтямъ боярьскимъ по почемъ».³ На другой день, «заутра», новгородцы, наконец, «яшася по число», испуганные, как кажется, угрозой — «аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли».⁴

Итак, до 1257 г. мы не находим никаких следов организации татарского владычества в Северо-восточной Руси. С 1257 г., вслед

не слушають; мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а дома наша розграбили, а Ярослава беществовали»; ср. те обвинения, которые новгородцы предъявили Ярославу (Никон. и Новг. I лл., 1270).

¹ Отрезание частей тела, повидимому, практиковалось татарами в разных случаях. Так, по Джувейни, во время Батьева нашествия после взятия одного города монгольские царевичи «отдали приказание отрезать (убитым) правое ухо. Сосчитано было 270 000 ушей» (цифра, возможно, сильно преувеличена). (Тизенгаузен, II, рукопись).

² Новг. I, 1259 и Лавр., 1257: «Поѣхаша князи в Таттары, Александръ, Андрѣи, Борисъ: чтивше Улавчѣя, приѣхаша въ свою отчину»; под 1258 г.: «Того же лѣта поидоша князи в Таттары, Олександръ, Андрѣи, Борисъ, Ярославъ Тѣбрьский; чтившие Улавчия и вся воеводы, и отпущени быша въ свою отчину... то же зимы приехаша численици в Володимерь и поидоша численици и князя к Новугороду Великому, Александръ, Андрѣи, Борис, ищтоша и поехаша опять в Володимерь...»

³ Новг. II, 1259.

⁴ Ibid.

за «исчислением народа», были поставлены на Северо-востоке отряды, находившиеся в распоряжении баскаков, для «охранения» завоеванной провинции. Владимир попрежнему считался стольным, великокняжеским городом, владимирский князь — великим князем; на ряду с ним появился теперь «великий баскак владимирский», но то, что мы знаем о нем, в связи с событиями того времени, ничего не говорит о попытках с его стороны руководить «великим княжеством», умалить действие великокняжеской власти: в 1269 г. он идет вместе с полками, собранными великим князем, «на Нѣмци». В 1270 г., после личных столкновений великого князя с новгородцами, он не препятствует вызывать из Орды рать на Новгород, хотя посол великого князя, чтобы вызвать из Орды войско, прибегает к неправильному допосу; когда же новгородские послы объясняют хану настоящую причину столкновения их с великим князем, хан приказывает вернуть войско обратно;¹ наконец, в 1273 г., когда новгородцы отказываются принять князя, вновь посаженного ханом на великокняжеский стол, он принимает участие в военных экспедициях против Новгорода.

Не видим мы со стороны Орды, в первые десятилетия владычества, попыток изменить и основное направление «внешней» политики Владимирского стола. Интересы Батые и его ближайших преемников (Сартака, Улагчи) побуждали Орду идти навстречу общерусским притязаниям владимирского князя, поддерживая последнего в его соперничестве с черниговским князем; интересы эти обуславливались опасностью, грозившей владычеству монголов с Запада, и той позицией, которую занял по отношению к Орде черниговский князь Михаил. В условиях ига получила неожиданное завершение старая борьба за Киев и за преобладание на русской равнине между княжеством Черниговским и великим княжеством Владимирским, продолжавшаяся, как мы видели, со второй половины XII в.

В 1237/38 г., в год татарского нашествия, Киев был покинут Ярославом и, вслед за тем, занят Михаилом Черниговским. В том же году к Михаилу прибыли татарские послы, очевидно с предложением войти в соглашение с Ордою. Михаил их «не послушал», но встретиться с татарским войском все же побоялся и вскоре (в 1239 г.) из Киева убежал в Венгрию. Киев занял сначала Ростислав Мстиславович Смоленский, а затем Даниил Галицкий, посадивший в городе тысяцким Дмитрия, которому и пришлось выдержать осаду монгольского войска. Михаил между тем из Венгрии бежал в Польшу, а оттуда к Даниилу Галицкому. Даниил, посоветовавшись с братом, обещал Михаилу Киев. Но черниговский князь, боясь татар, остался при Данииле в его земле, где его приняли на содержание, а когда Киев был взят, поехал в Польшу.² Только после того, как

¹ Новг. 4, 1270; ср. Никон. л.

² Ипат., 1238; ср. Strakosch-Grassman, op. c., 6. О хронологии Ипат. л. см. Грушевский, Хронологія подій Галицько-Волинської літописи, 1901.

пришла весть, что иноплеменники «сопли суть и(зъ) землѣ Руское», он вернулся к Киеву и поселился под городом «во островѣ». ¹ Но зимою 1242/43 г. монгольское войско двинулось обратно на восток; и Михаил перебрался в Чернигов, откуда проехал за рубеж в Венгрию. ² У Михаила, находившегося одно время в тесной связи с галицким князем, выработалась, таким образом, известная общность с ним в тактике по отношению к Орде; в 1245 г. Батый захотел распространить взимание ордынской дани и на Галичскую землю (см. в Ипат. л., 1250 г.: «и дани хотять...» и т. д.). К Даниилу приехал от Могучего (Мауци) татарский посол с требованием Галича: «Приславшу же Могучѣви посоль свои к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговськы: «дай Галичъ» (Ипат., 1250). Даниил принужден был поехать к Батю. ³ На пути галицкий князь застал другого татарского военачальника Куремсу (Коренца), по летописному рассказу, на левой стороне Днепра, за Переяславлем. ⁴ Вслед за тем Куремса перешел, имея, согласно тому, что слышал Карпини, 60 тысяч вооруженных людей, на правую сторону Днепра, ибо уже Карпини застал его на «русской стороне» Днепра, как он называет правую сторону, где, по свидетельству того же автора, Куремса и кочевал (по левую сторону кочевал Мауци); то же явствует и из повествования об обратном пути Карпини. ⁵ Таким образом, произошло передвижение на запад, что подтверждается, повидимому, и тем, что летопись в дальнейшем не раз упоминает о Куремсе, но не упоминает более о Могучем (Мауци). Передвижение Куремсы на запад нельзя не поставить в связь с нажимом татар на галицкого князя (требование: «дай Галичъ») и опасениями вторжений с запада. «А этот вождь, — прямо пишет Карпини про Куремсу, — является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох» ⁶. Даниил принужден был ехать к

¹ Ипат., 1240.

² Ср. Ипат. л. под 1240 и 1245 гг. («возвратися Чернигову»).

³ «Бысть в печали велицѣ, ване не утвердилъ бѣ землѣ своя города: и думавъ с братомъ своимъ, и поѣха ко Батиеви, река: «не дамъ полуотчины своей, но ѣду к Батиеви самъ» (Ипат., 1250). Последняя фраза заставляла предположить, что Даниил, отправляясь к Батю, желал оттянуть время и тогда уже допускал возможность обмена в отношении к Батю; или что в требованиях Могучего, предъявленных Даниилу («дай Галичъ»), дело шло о чем-то большем, чем дань; труднее всего согласуется с материалом высказанное в литературе предположение (см. Грушевск и й, 1112, 64), что татары хотели передать Галич другому князю (Михаилу Черниговскому).

⁴ Ипат., 1250; Карпини говорит, что Мауци был старше Коренцы (ор. с., 47).

⁵ Карпини, ор. с., 48, 60.

⁶ Карпини, ор. с., 47. Дальнейшие показания материала подтверждают наши предположения. Мы располагаем данными для того, чтобы, во-первых, предполагать, что Куремса продолжал свое продвижение далее, к западу, и во-вторых, чтобы полагать, что в связи с этим продвижением часть земель Юго-западной Руси подпадала под непосредственную власть татар. Мы знаем, например, что еще под 1241 г. летопись упоминает о болоховских

Батью, но по возвращении вскрылись истинные намерения Галицко-надежного князя, когда он завязал переговоры с папой Иннокентием IV

князьях; и под тем же годом сообщает о Болоховской земле: «оставили бо ихъ Татарове, да имь орють пшеницу и проса; Даниль же на нѣ болшую вражду (держа), яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху» (Ипат.); их «оставили», т. е., вероятно, освободили от набора в войско, двигавшееся на запад. Земля эта тогда не находилась под непосредственной властью татар, судя по тому, что летопись упоминает о «болоховских князьях»; наконец, согласно летописному рассказу, татары ушли на запад; описываемые события (под 1241 г.) имели место до их возвращения с похода. С обязательством же пахать на них «пшеницу и проса» были связаны какие-то льготы: «яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху». Эту льготу они ожидали, очевидно, получить (или что она будет продлена) по возвращении татар с западного похода. Но уже в событиях начала 50-х гг. «болоховские князья» более не упоминаются, а говорится, что к Даниилу приходили «все болоховци» (Ипат., 1257). С другой стороны, летописный рассказ позволяет заключить, что этот район (верхнего Лобужья) подпал под непосредственную власть татар, подобно Каневу, о котором Карпини прямо говорит, что он был «под непосредственной властью татар» (ор. с. 45). В ответ на рать Куремсы Даниил (и Лев) «воздвиже рать противу Татаромъ»; рать «противу Татаромъ» выразилась в том, что люди Даниила и Льва взяли Межибожье, воевали Болохов, «Побожье и люди Татарьския»; а всею были взяты «всѣ города, сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева» (Ипат., 1257). Можно думать, что новое положение перечисленных в летописи мест (об их местоположении см. в статье Н. Д а ш к е в и ч а, в Универс. известиях, № 6, 1884 г.), подпадавших под непосредственную власть татар, стояло в связи с появлением (в конце 40-х — начале 50-х гг.) людей Куремсы в непосредственном соседстве с ними, в «поле». Под 1259 г., летопись говорит, что Куремса из-под Лучска возвратился «во станы (вар.: въ страны) своя, рекше в поле». Известен материал с данными XV в., а также второй половины XVI—XVIII вв., свидетельствующий о следах пребывания татар от Буга до Нижнего Днестра (см. проф. Ф. П е т р у н ь, Нове про татарську старовину бозькодністрияньского степу, Східній світ, № 6, 1928; там же — сообщение С. Д л о ж е в с ь к о г о об археологическом материале Гошкевича; а также Ф. П е т р у н ь, Степове Побужья... в Журн. научно-исслед. кафедр в Одессе, т. II, 1926). Так или иначе, но в 1420 г. Зосима из Бряслава на Буге, куда он прибыл из Киева, двинулся в направлении к Нижнему Днестру, на Белгород, и из Бряслава вышел «въ поле Татарское, и идохом 50 миль тою дорогою Татарскою, еже зовется: на Великий Донъ» (см. Н. С а х а р о в, Сказания русского народа, т. II, 1849, стр. 60).

Собиравшие специально сведения о политических взаимоотношениях татары не могли не знать, что болоховские князья были склонны к совместным действиям с галичанами (т. е., повидимому, с галицким боярством) и враждебны Даниилу (Ипат., 1235, 1241). В 1235 г., т. е. незадолго до Батьева нашествия, они выступали против Даниила; и при своем движении татары именно с ними вошли в соглашение, как мы выше видели (о том, чтобы пахать на татар «пшеницу и проса»). Известия 1235 и 1241 гг. обнаруживают характер социально-политической борьбы в Юго-западной Руси (а также «грабительское» поведение местных феодалов).

Видимо, татары учитывали враждебное отношение местного феодального боярства к Даниилу, опираясь на окраинные области Юго-западной Руси (юго-восточные окраины Галицко-Волынского княжества). Доказательством служат, во-первых, судьбы Бакоты в Понизьи, во-вторых — Межибожье в Побожье. В Бакоте на сторону татар переходит Милей после приезда баскака (отношения Ипатьевского и Хлебниковского списков к их общему протографу позволяют полагать, что верное чтение имеем в Хлебниковском списке, где перед словом б а с к а к а стоит союз «и»: Милей и баскака); Молчановский правильно отмечает признаки принадлежности Милей именно к местным сильным людям (см. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г., Киев,

в расчете получить от него военную помощь против татар. ¹ Подобно Галицкому князю, Михаил Черниговский также не желал выражать покорность Орде и также только в 1246 г. приехал в Орду к Батю «прося волости своей от него» (Ип., 1245; Лавр., 1246).

Между тем соперник Михаила — Ярослав Суздальский сразу же по возвращении Батю с западного похода (в 1243 г.) приехал к нему с выражением покорности. Как видим, в интересах Батю было выдвинуть в противовес Михаилу, занявшему неприязненную позицию по отношению к татарам, его соперника — владимирского князя и пойти навстречу общерусским притязаниям последнего. По словам летописи, Батый поставил его в положение старейшего «всѣмъ княземъ в Русскомъ языкѣ» и передал ему Киев, как князю, за-

1885, стр. 149—151). Как в Бакоте на сторону татар переходит Милей, так и на стороне татар и Межибожье, где ранее (еще в 1234 г.) летопись упоминает галицкого боярина Бориса Межибожского, принимавшего участие в борьбе с Даниилом.

Итак, переход Болохова, Межибожья и ряда других окраинных районов Юго-западной Руси (юго-восточных окраин Галицко-Вольнского княжества) под непосредственную власть татар стоял в связи, как мы думаем, с продвижением Куремысы на запад в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в. Вовлекая в сферу своего непосредственного влияния эти области, татары учитывали враждебное отношение местного феодального боярства к Даниилу.

¹ После возвращения из Орды Батю Даниил Галицкий, видевшийся перед тем с миссией Карпини, «вблизи ставок Картана» (зятя Батю), и осведомленный уже о предположении подчиниться панской власти, выразил на это предложение свою готовность через какого-то «своего аббата». Очевидно, на это известие последовала ответная булла папы (см. Н. Д а ш к е в и ч, Переговоры папы с Даниилом Галицким об уни Юго-западной Руси с католичеством, Универс. известия, 1884, № 8, стр. 159; К а р п и н и, ор. с., 61), в которой он, «склоняясь на просьбу» князя, принимал его и «его царство» под «покровительство св. Петра» (*Historica russiae Monumenta*, т. I, изд. А. И. Тургенева, СПб., 1841, № LXII, стр. 57). На обратном пути, таким образом, миссии не пришлось уже уговаривать братьев (Даниила и Василья), и после совещания «между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми» они, по словам Карпини, ответили, «что желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом, а святую римскую церковь владычицей и учительницей», и отправили с ними к папе «свою грамоту и послов» (К а р п и н и, ор. с., 61). Иннокентий IV получил в то же время ответное насмешливое и вызывающее послание Гуюк-каана (подлинник этого письма, написанного на персидском языке арабскими письменами, не так давно открыт в Ватиканском архиве; он опубликован акад. P. Pelliot; см. P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, Paris, 1923, extrait de la *Revue de l'orient chrétien*) и убедился, что домогаться преданности монгольского владыки и обращать его в католичество — дело почти безнадежное и что опасность монгольского нашествия отнюдь не миновала (каан писал, между прочим, что силою бога вся территория земли им определена, и «теперь, — обращался он к папе и к королям, — вы должны сказать с открытым сердцем: мы будем [вашими] подданными; мы [вам] отдадим нашу силу. Ты лично во главе королей, все вместе, без исключения, приходите к нам предложить службу [«service»] и признание своей вассальной зависимости [«hommage»]); с тем большей радостью отнесся он к возможности распространить свою власть на Востоке через посредство русского князя и получить от него сведения о намерениях татар. Принимая покровительство папы, Даниил имел в виду получить военную помощь через Иннокентия IV для борьбы с татарами (Ипат., 1255; *Historia Monumenta*, т. I, № LXIII, LXVII, LXVIII и др.; Д а ш к е в и ч, ор. с., 165—177).

нявшему первенствующее положение на Руси.¹ Ярослав послал в Киев своего наместника боярина Еиковича (надо думать, в том же 1243 г.), на пребывание которого в Кieve указывает летописный рассказ о поездке Даниила Галицкого в 1246 г. (1245—1246) к Батю: «и приде Киевоу обдержашоу Киевъ Ярославоу б о я р и н о м ъ с в о и м ъ Еиковичемъ Дмитромъ» (Ипат., 1250).² Таким образом, в соперничестве князей владимирского и черниговского Батый стал на сторону первого; в противовес князю черниговскому, он утвердил Ярослава в правах на Киев и в положении князя старейшего «в Русскомъ языкеѣ». Вслед за тем Батый сделал и дальнейшие шаги в том же направлении. Не доверяя черниговским князьям, поскольку они держались западной ориентации, и уступая проiscaм князя владимирского, он приказал умертвить представителей Черниговского княжества. По приказу Батия был убит, прежде всего, прибывший в Орду Михаил. У Карпини мы встречаем упоминание о казни и другого черниговского князя, а именно Андрея;³ по словам Карпини, Андрей «все-таки был убит», хотя преступление, в котором он обвинялся, «не было доказано». ⁴ Известие Карпини находит неожиданное подтверждение в летописном материале. В тексте Тверского свода XV в., в составе Рогожской летописи, мы находим известие о том, что в один год с Михаилом Черниговским был убит и Андрей Мстиславович.⁵ Владимирский свод, как видим, совсем умалчивает об этом событии. Historики обычно объясняли смерть Михаила отказом выполнить языческий обряд. Причины его гибели лежали глубже, чем принято думать. Документы дают возможность вскрыть исторически сложившиеся отношения, которые привели Михаила к смерти. Отказ пройти через огонь мог только послужить предлогом для казни. Впрочем, даже Карпини свидетельствует, что сам по себе обряд очищения огнем не мог сыграть роковую роль в судьбе черниговского князя; он послужил только удобным «случаем»: «для некоторых, — пишет Карпини, — так же они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими». ⁶ Вместе с тем материал сохранил конкретные штрихи, указывающие на участие владимирского князя в кровавой расправе. Предупреждение о казни, по рассказу Карпини, передал Михаилу сын владимирского князя Ярослава. Согласно летописным данным, в это время в Орде

¹ Лавр., 1243.

² Ср. Густ. л. (П. С. Р. Л., II).

³ «Андрей князь Чернигова (Cherneglove)», Карпини, ор. с., 9; ср. Р. В. Зотов, О Черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время (Летоп. зан. Археогр. ком., в. IX, СПб., 1893, стр. 91—94).

⁴ См. Карпини, ор. с., 9.

⁵ См. Рогожский «летописец» (П. С. Р. Л., т. XV, в. I, Петр-д, 1922) под 6754 (1246) г.: «то же осѣни преставися Ярославъ вел(икни), сын Всеволодоч (ь) въ Татарѣхъ сен (тевриа) 30, и оубиенъ бысть отъ Батия князя Андрей Мъстиславич (ь)».

⁶ См. Карпини, ор. с., 34.

как раз находился сын Ярослава Святослав.¹ Итак, владимирский князь мог торжествовать победу: его соперник в борьбе за преобладающее положение на русской равнине — князь черниговский — был уничтожен, а Черниговское княжество политически разбито.² Этим успехом северо-восточный князь был в значительной степени обязан Батю.

Отношение Батю к Ярославу не изменилось, повидимому, и тогда, когда великий князь попал в плен при императорском дворе. Монгольская империя считалась собственностью целого рода (потомков Чингис-хана), члены которого должны были съезжаться вместе для обсуждения общеимперских дел на сеймы (курултаи); но

¹ Ibid., стр. 8, Лавр., 1246.

² Отметим также, что после утверждения монгольского владычества черниговская епархия была закрыта; см. Строев, Списки русских иерархов; Макарий, История русской церкви, т. IV, СПб., 1886, стр. 108.

Не позднее начала 60-х гг. XIII в. политический центр Черниговщины переносится в Брянск, — как предполагают, вследствие прилива населения в этот северный, окраинный, лесной район, в связи с приходом татар (см. Лубавский, Областное деление..., стр. 43—44). Князь Роман Михайлович именуется в летописи уже князем брянским. Судя по тому, что в 1275 г. Роман, которого татары «вельми жадахуть», с Глебом Смоленским пришли «с великою силою» к Новгородку (Ипат., 1274), можно думать, что Роман располагал еще значительным количеством людей (о числе «темь» людей, оставленных его сыном, см. ниже, в главе IV). Характерно почти полное отсутствие сведений за конец XIII и первую половину XIV в. о Черниговщине (и Переяславщине). Об интересных для нас событиях в Курской области, помещенных в летописи под 1283—1284 гг., см. ниже, в главе IV.

В ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду 1506—1507 гг., восходящему, как полагают, к архетипу конца XIV в., мы читаем: «Курскую тму з выходы и данми и з землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюб (Рагодеш) з выходы и данми и з землями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянск со всеми их выходы и данми и з землями и водами...» и т. д. (А. З. Р., т. II, № 6; ср. подобное же перечисление там же, в грамоте под № 200, 1540 г.). Проф. Петрунь предлагает толкование: тма Сараева сына Егалдая: Милолюб, Мужеч, Оскол («Ханські ярлики на Українські землі», Східній світ, № 2, 1928). Однако грамота № 6 ставит под сомнение такое понимание (грамота № 200 совершенно исключает его), ибо, приняв его, пришлось бы включить в ту же «тму» и Стародуб и Брянск. [В «росписи польским дорогам» (времен Федора Ивановича) указано: «а от Ливен же до Оскола, до Еголдаева городища через Муравскую дорогу и через речку Опоньки ездю 2 дни. А от Еголдаева городища до Муравской дороги до верх Осколу ездю верст с 40, а верховье оскольское у Муравской дороги (см. Д. И. Багалея, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, Харьков, 1886, стр. 2).] Равным образом грамота № 6 не дает оснований для отождествления Курской тмы с тмью Еголдая, ибо в тексте они обозначены, как две разные тмы. К сожалению, мы не знаем, существовал ли Еголдай в эпоху литовского владычества и был ли он выходцем из Золотой орды, посаженным Литвою на землю; неизвестно, равным образом, отражает ли данное название отношения древнего (долитовского) времени, являясь следом деятельности какого-то лица, деятельности военно-административного характера или финансового.

Так или иначе, нет оснований предполагать образования местных феодалов-землевладельцев из татар по порубежью Литвы и Московского государства помимо политики этих государств. Известно, что Витовт сажал пленных татар на землю, обязав их нести военную службу (см. Лубавский, ор. с., стр. 527; А. Багалея, Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы,

вместе с тем монгольской империей управлял избравшийся на курултае император — преемник Чингис-хана.¹ В основе верховного управления лежала известная двойственность, которая дала себя знать после смерти Угедея (1241 г.).² С одной стороны, верховным авторитетом для потомков Чингис-хапа, по принципу родового владения, был старший в роде, а именно Батый (с кончиной

СПб., 1885, стр. 95). Нам известно, что князя Олелько и Семен раздавали остерские имения, между прочим, «Татаром киевскимъ» (Акты Западн. России, т. I, № 77, стр. 98—99). Известно о пожаловании московским правительством Касиму Городца (городка) мешчерского с образованием особого рода феодального ханства в интересах обороны от враждебных Москве татар и борьбы с ними (см. В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863, стр. 26—43). Мы не можем утверждать, что происходило оседание землевладельцев-феодалов из татар по порубежью не в порядке правительственной деятельности Московского государства или Литвы. И сведения родословной книги о Глинских, на которую ссылается проф. Петрунь, не противоречат представлению о кочевом феодализме монголов, как оно складывается в науке, о кочевом феодализме в Золотой Орде (до литовских завоеваний), сочетавшемся, сосуществовавшем с торговым городом или военно-торговым городом: «Мансур-Кият князь, — читаем в родословной книге, — зарубил три города Глинск, да Полдову, да Глеченицу, дети же Мансур-киятовы: меньшей сын Скидерь князь, поймав стадо коней и верблюдов, и покочевал в Перекопи, а большой сын его Алекса князь, а остался на тех градах прежереченных городех».

Когда Витовт приехал к Киеву, он послал к князю Алексе, в крещении Александру, и к сыну его Ивану. И отец с сыном приехали к Витовту и «били челом ему в службу и своими предреченными тремя городъ» (Временник Моск. общ. ист. и др. росс., кн. X, М., 1851, стр. 195—196). Оставляя в стороне вопрос, в какой мере рассказ соответствует исторической действительности, обращаем внимание, что самый рассказ следует как будто понимать в том смысле, что Мансур-Кият и его дети были кочевыми феодалами, в сфере власти которых (в непосредственной власти татар) находились три городка. После того как указанная территория перешла к Литве, князья (согласно «хотению» Витовта) оказались у него на службе и получили от него в пожалование вотчины: «и дал им на приказ вотчины волости: Станку, Хорозов, Серекон, Гладновича». Далее следует особый рассказ о пожалованиях Александру и его сыну (см. Временник, X, стр. 196).

¹ По мнению акад. В. В. Бартольда, «единство империи сохранялось до тех пор, пока еще было живо влияние личности ее основателя, пока еще действовали воспитанные им люди, что продолжалось еще 30 лет после его смерти» (Бартольд, Образование империи Чингис-хана. Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. X, 1897, стр. 118); Ср. его же *Bathu-khan* (*Enzycl. des Islâm*).

² Чингис-хан назначил себе преемником своего сына Угедея, который после смерти отца был избран императором на курултае (см. Джувейни, *D'Ohsson*, II, 9; *Mailla*, *Histoire générale de la Chine*, IX, 131). Угедей оставался верным заветам своего предшественника, и при нем единство империи не нарушалось. «Имея в виду, что Джучи, на основании прежнего высочайшего повеления Чингис-хана, должен был отправиться с войском, завоевать все области Севера», он «на основании того же указа поручал это (дело) Батыю», а другим царевичам повеле «собраться всем у Батыя» (см. Тизенгаузен, *Материалы*, II, не изд., Рашид-ед-Дин). Когда во время похода сын Угедея Гуук и внук Джугатай Бури повздорили с Батыем, император высказал беспристрастие, принял сторону Батыя и сначала приказал даже сослать своего сына «на отдаленные границы» (см. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IX, 155—157; *Barthold*, *Bathu-khan*).

четырёх сыновей Чингис-хана); с другой стороны, по принципу личного наследования, высшей властью пользовался тот из них, который занимал императорский престол, переходивший от Чингис-хана по прямой линии (Гуюк). Памятник житийной литературы, появившийся (как определил Н. И. Серебрянский) во второй половине XIII или не позже начала XIV в., признает, что русская земля принадлежит не только Батыю, но и каану; на ней «не подобаёт жити... не поклонившеся има; мнози бо ꙗхаша и поклонишася канови и батыеви». ¹ Первые десятилетия владычества татар, когда Золотая Орда не отделилась еще от империи, «царем» для наших князей был именно «каан», или император, и его, а не золотоордынского князя, именовали они этим титулом; ² «тое же зимы, — говорит, например, летописная запись времен Менгу-каана, — приеха Глѣбъ Василковичъ ис Кану земли отъ цесаря» (Лавр., 1257); ³ составитель свода дает понять (в другом месте), что «служба цесарю» является необходимой обязанностью владимирского князя (см. Лавр. л., 1252 г.). Эта «служба» прежде всего обязывала русских князей ездить в далекую Монголию.

«Они посылают также за государями земель, — писал Карпини о монгольских императорах, — чтобы те являлись к ним без за-

¹ См. сказание о Михаиле Черниговском (Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, тексты, стр. 55).

² Ни Лавр. ни Ипат. летописи ни разу не называют Батыя, а так же Сартака и Улагчи «царем» или «цесарем» (см. Ипат. л. о Батые, 1237, 1240, 1243, 1250, 1255, 1259 гг.; Лавр. л. о Батые, 1242, 1244, 1245, 1246, 1247 гг.; о Сартаке—1249, 1250 гг.; об Улагчи—1256, 1257 гг.). Только со времени Менгу-Тимура (1266—1280), когда Золотая Орда окончательно отошла от империи, мы видим, что титул «цесаря» перенесен (русскими) на золотоордынского хана. В самом деле: с 1263 по 1283 г. в Лавр. л. — пропуск (недостает нескольких листов); последующих золотоордынских ханов (в тексте, начиная с 1283 г. Лавр. л. называет уже «цесарями»; см. Лавр. л. о Телебуге, под 1284 г.: «го ты коли рать была, со мною еси ко цесарю не бѣжал...» и далее: «... не идешь ни к своему цесарю, ни к Ногою на исправу»; о Токтомере (?), 1294 г.: «тое же зимы цесарь Татарский приде в Тѣѣрь, имя ему Токтомеръ» (с 1287—1294 гг. в Лавр. л. тоже пропуск). Недостающий текст в Лавр. л. (1263—1283 и др.) может быть в общем восполнен текстом Симеон. л. (или Троицк. л.), которая, как показал А. А. Шахматов, начиная с 50-го г. XIII в. очень близка в Лавр. л. В этом тексте Симеон. л. (1250—1301) впервые «царем» назван Берке в известии 1265 г. о его смерти: «умре царь Татарский Беркаи»; вслед за тем золотоордынских ханов летописи называет уже «царями»; см. под 1275 г. о Менгу-Тимуре (1266—1280 [?]): «поѣха великии князь въ Татары къ царевии»; под 1277 г.: «поѣхаша на войну съ царем Менгу-темеромъ», и далее: «царь же почтивъ добръ князей Русскихъ»; о Телебуге, под 1283 г.: «царь же Телебуга...» и т. д.; о Токтомыре, под 1293 г., о Тохте, под 1294 г.: «царь Тохта съде на царстве въ ордѣ». Итак, по отношению к золотоордынским ханам русские стали применять титул «царя» или «цесаря», начиная с Берке-хана; во всяком случае не ранее 60-х гг. XIII в.

³ Т. е. Менгу-каана (1251—1259). См. также Лавр., л., 1262 г.: «бѣ бо тогда Титямъ приѣхалъ от цесаря Татарьского, именемъ Кутлубий, вол сый бесурменинъ» (ср. Воскр. л.: «бѣ бо того лѣта приѣхал Титямъ посломъ на Русь от царя Татарского, именемъ Кутлубѣа, волъ сый бесурменинъ»); «цесарь татарский» Кутлубий (Кутлубѣй) — это, очевидно, Хубилай (1259—1294).

медлепия». ¹ Так, местные туземные правители Ираца впервые поехали в Каракорум еще в 1233 г., где были утверждены в своих владениях. ² Царица Грузии Рузудан, провозгласив царем своего сына Давида, отправила его к Батю, а тот, с своей стороны, послал его к Гуюк-каану. ³ Армянский царь Гетум, как известно, отправил своего брата к Гуюк-каану, а по воцарении Менгу Батый послал предписание царю Гетуму, чтобы тот явился на свидание с ним и с Менгу-кааном. ⁴ Некоторых князей в Монголии задерживали; у других же, которым они позволяли вернуться, по словам Карпини, вытребовали сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускали, «как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов и весьма многими другими». ⁵

Мы можем установить, что почти непрерывно у «Каповичей» пребывал кто-нибудь из наших князей. Уже в период междуцарствия, при Туракине, первым «къ Капови» поехал Олег Рязанский (Новг. IV, 1242). Повидимому, он прожил в Монголии довольно продолжительное время, так как только в 1252 г. его «пустиша Татарове... в свою землю» (Лавр.). ⁶ В первый же год, когда великий князь Ярослав посетил Орду, он послал своего сына «к Капови» (Лавр., 1243). Константин остался там с 1243 вплоть до 1245 г. Когда же он возвратился, ему на смену был вызван (поехал) сам Ярослав — как раз тогда, когда готовились выборы нового императора.

Императорский престол после смерти Угедея оставался вакантным; около трех лет делами правила старшая из жен Угедея — Туракина, и выборы откладывались, так как старший в роде — Батый, будучи в плохих отношениях с сыном Угедея Гуюком, уклонялся от приглашений на курултай под предлогом болезни. ⁷ Наконец, Туракина и Гуюк начали действовать решительнее, пытались поскорее решить судьбу императорского престола (несмотря на натянутые отношения с Батыем) и в его отсутствие устроили выборы Гуюка. Ко дням избрания Туракина поспешила вызвать из провинций империи некоторых местных правителей и среди них великого князя Ярослава. Карпини видел их во время торжеств. ⁸ Решаясь на

¹ Карпини, ор. с., 34.

² D'Ohsson, III, 106—107.

³ Патканов, II, 67—68. Ср. Histoire de la Géorgie, trad. par Brosset, p. I, 1850, стр. 528, где говорится, что Бату отправил Давида к Менгу-каану.

⁴ Патканов, II, 80.

⁵ Карпини, ор. с., 34.

⁶ От Сарая до Каракорума считалось пути 4 месяца (см. Рубрук, Путешествие в восточные страны, пер. Малеина, 1911, стр. 100). Этот путь обычно и проезжали, приблизительно, в этот срок (см. Патканов, II, стр. 128, примеч. 31).

⁷ Тивенгаузен, Материалы, II (не изд.), Рашид-ед-дин: «вследствие отсутствия его (т. е. Батыя) как старшего из всех (родичей), дело (о назначении нового) каана не устраивалось около трех лет»; вернее — более трех лет: Угедей умер в 1241, а Гуюк был избран императором только в 1246 г. (см. Лэн-Пуль, ор. с., 179).

⁸ Карпини, ор. с., 54.

избрание императора в отсутствие Батые, хотели, очевидно, иметь из отделенных областей, принадлежащих к территории Батыева удела, влиятельных представителей местной власти; Батый, с своей стороны, не мог, очевидно, воспрепятствовать поездке Ярослава в Каракорум, так как формально не порывал с Туракиной и Гуюком.¹ Прибывший из Батыева удела Ярослав показался по тем или иным соображениям опасным;² согласно рассказу Карпини, великого князя отравили (наши летописи также свидетельствуют, что Ярослав погиб в Монголии «нужною», т. е. насильственной смертью) и стали спешно вызывать ко двору Александра Ярославовича, намереваясь передать ему «землю отца»: «мать императора, — читаем у Карпини, — без ведома бывших там людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы он явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать и остался, а тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца».³ Как видим, не Батый был виновником смерти Ярослава. Можно думать, что Батый не изменил своего поведения по отношению к Ярославу, и до последних дней жизни владимирского князя пытался поддерживать с ним связь: возвращаясь из Каракорума, Карпини встретил Угнея, который «по приказу жены Ярослава и Батые» ехал «к вышеупомянутому Ярославу»⁴. Источники рисуют Батые, как осторожного и выдержанного политика; любопытно, что современники называли Батые саинхан, т. е. добрый, прекрасный хан⁵, а из персидских источников мы узнаем, что его считали не только щедрым, но проникательным и умным.⁶

По смерти Ярослава монголы попрежнему поддерживают общерусские притязания Владимирского стола. Ярославу, как мы видели, Батый возвратил Киев; Александр Невский также получает в Монголии право на «Киев и всю Русскую землю», а спустя некоторое время Батый сажает его на великокняжеский (Владимирский) стол. Как Карпини, так и русские летописи одинаково свидетельствуют, что Александр, вызываемый в Монголию, где ему хотели передать

¹ Ср. G r o u s s e t, Histoire de l'Asie, Paris, 1922; по мнению автора, Батый послал Ярослава, своего вассала, вместо себя (т. II, стр. 50); ни летописи ни Карпини об отъезде Ярослава не упоминают.

² Ср. версию Карпини, *op. c.*, стр. 57 («чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»); см. о том же у C o r d i e r, Histoire générale de Chine, II, 1920, p. 257; ср. версию, сохранившуюся в Соф. I и Воскр. лл. («обаженъ же бысть Феодоромъ Яруновичемъ царю»).

³ К а р п и н и, *op. c.*, 57; Лавр., 1246.

⁴ К а р п и н и, *op. c.*, 61.

⁵ См. Т и з е н г а у з е н, Материалы, II; ср. История монголов инока Магакия, XIII в., пер. Патканова, стр. 18, 32; см. также Воскр. л. (II. С. Р. Л., VII), стр. 241: «Батый Сеинъ».

⁶ Т и з е н г а у з е н. Материалы, II. См. Вассаф, об «обширном уме его» (Батые) и о том, что он отличался «проникательностью»; Д ж у в е й н и (1228—1283) о Батые: «исчислить дары и щедроты его... невозможно...» и т. д.; см. также в Истории Ельджуаджани; ср. Рашид-ед-дин (*ibid.*); см. также Б а р т о л д, Batu-khan (Enzycl. des Islâm); см. также Histoire de la Géorgie, trad. par M. Brosset., v. I, 1850, p. 528.

«землю отца», медлил с отъездом. ¹ Надо думать, что после смерти Ярослава па Владимирский стол был уже посажен Святослав Ярославович, согласно завещанию отца и утверждению Батыея; это обстоятельство, вероятно, и побудило Александра уклониться от прав на «землю отца»; право сесть «в Володимери на столѣ» получил Андрей, поехавший в Монголию вместе с Александром, а Александру дали «Кыевъ и всю Русьскую землю». ² По приезде на Русь Андрей, имея предписание из Каракорума, согнал Святослава с Владимирского стола. Но вскоре после смерти Гуюк-каана и восшествия на императорский престол Мунке — друга и ставленника Батыея — Андрей принужден был бежать в Швецию, отказываясь, по словам великокняжеского свода, «цесаремъ служити», т. е. новому императору, причем перед бегством он сделал как будто попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая, очевидно, на военную помощь от папы. ³ Папа, как известно, готовясь объявить крестовый поход против татар, находился, в связи с этим, в переговорах с Даниилом. ⁴ Помощь против татар была оказана папой толь-

¹ К а р п и н и, ор. с., 57; ср. Лавр., 1246—1247.

² Лавр., 1249.

³ Лавр., 1250; Щ е р б а т о в, История России, т. II, стр. 65; W o l f f, ор. с., 389—390; Д а ш к е в и ч, ор. с., стр. 165—175.

Даниил, повидимому, готовился к организации большого движения против монголов, рассчитывая на крестовый поход с Запада и, может быть, на восстание в Северо-восточной Руси. Можно думать, что союзника Даниил нашел в лице владимирского князя Андрея. В 1250 г. на «Суздальскую землю» приехал митрополит Кирилл. Лавр. л. рассказывает, что «тое же зими о ж е н с я князь Ярославичъ Андрѣй Даниловичю Романовича: и вѣнча и митрополитъ в Володимери у святое Богородици, съ епископомъ Кириломъ и много веселья бысть» (1250). Эти отношения стали известны, повидимому, в Орде. В 1252 г. Александр пошел «в Татары»; на этот раз он получил от Батыея «старѣйшинство во всей братьи его» и возвратился «с честью великою»; непосредственно вслед за тем из Орды на Андрея Ярославовича нагрянула «Неврюева рать». Великокняжеский свод прямо указывает, чем был вызван погром: «Андрей не хотел «цесаремъ служити». «В то же лѣто, — читаем в Лавр. л. — вздума Андрѣй князь Ярославичъ с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити, и побѣже на невѣдому землю со княгынею своею и с бояры своими; и погнаша Татарове в слѣдъ его, и постигоша и у города Переславля, богъ же схрани и молитва его отца. Татарове же рассушываясь по земли, и княгыню Ярославлю яша, и дѣти изымаша, и воеводу Жидослава ту убиша и княгыню убиша, и дѣти Ярославли в полонъ послаша; и людей бес числа поведоша, до конь и скота и много зла створше отъидоша» (Лавр., 1252). В новгородских летописях события (нашествие рати и бегство Андрея) изложены таким образом: «тогда же прииде Неврюи на Суздацкую землю, на князя Андрѣя; и бежа князь Андрѣй Ярославич в Свийскую землю» (Новг. I, 1251): «приде Неврюй царевичъ ратью татарскою на Суздаль, и прогна Андрѣя Ярославлича за море в Свѣю» (Новг. IV, 1252). «Того же лѣта приде Неврюи и Котья и Олабуга храбры на землю Суждальскую со многими вои и силоу Татарскою на великого князя Андрѣя Ярославича...» Далее сообщается о битве Андрея с татарами под Переяславлем, о бегстве его в Новгород, затем в Псков, оттуда в Кольвань и, наконец, в «Свийскую землю» (Соф. I, 1251).

⁴ Мы видели, что по возвращении из Орды Даниил вступил в открыто враждебные отношения с татарами. Возвращаясь из Орды, как мы говорили выше, Даниил принял покровительство папы, надеясь, очевидно, на его по-

ко па бумаге: союз же с папой означал шаг навстречу желаниям главы католического мира использовать в своих интересах затруднительное положение Руси. Александр, также получивший послание от папы, выступил решительным противником союза с папой Иннокентием III. Это, надо думать, побудило Батюю оказать поддержку Александру Невскому и выдвинуть его на великокняжеский стол. В том же 1252 г. Александр поехал к Батюю и по возвращении был посажен во Владимире.

Итак, в первые десятилетия владычества монголы не делали попыток умалить значение великокняжеского стола, руководить «великим княжением». Вслед за переписью 1257 г. на Северо-востоке появилась военно-политическая организация, по основным ее назначением была служба «внутренней охраны» в пределах завоеванной провинции. Вмешательство монголов во «внешнюю» политику великокняжеского стола также не имело целью изменить ее основное направление: общерусские притязания. Владимирского стола находят даже поддержку со стороны Орды. И тем не менее во внутренней жизни края произошел глубочайший сдвиг в результате тех событий, которые были связаны с нашествием татар.

мощь в борьбе с татарами. Уже в конце, повидимому, 40-х гг. папа прислал легата с королевским венцом, а в 1253 г. состоялось коронование Даниила (Ипат., 1255; Грушевский, Хронологія подіи Галицько-волинської літописи, 1901, стр. 36—37), и папа разослал грамоту ко всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании с проповедью крестового похода против татар (см. Hist. Russ. Monum., I, 1841, стр. 78). Итак, Даниил занял независимое в отношении к татарам положение.

До конца 50-х гг. (до 1256—1258) татары пытались, во-первых, удержать в сфере своего непосредственного владычества окраинные области Галицко-Волынского княжества (см. выше); во-вторых, они совершали «рати» на владения Даниила: «рать татарская, дондеже престаея злѣ живущи с нами...» (Ипат., 1255; слова относятся предположительно к концу 40-х гг.). Татар боялись, зная их поведение во время войны, о чем свидетельствуют слова Даниила: «аще сами будутъ татарове, да не видеть ужас во сердце ваше» (Ипат., 1255). Но силы, которыми располагал Куремса, не позволяли ему привести к покорности Даниила. Мы знаем о неуспехе Куремсы под Кременцом в 1254 г., о неудачной осаде Лучска в конце 1255 г. (Ипат., 1255 и 1259). И Даниил, как прямо говорит летопись, Куремсы не боялся: «Данило же держаше рать с Куремсою. и николи же не бояся Куремсь: не бѣ бо могль зла ему створити никогда же Куремьса, дондеже приде Буранда со силою великою» (Ипат. 1260). Он, во-первых, боролся с Куремсой и даже воевал и «взял» окраинные области в 1254—1255 гг. (Ипат., 1257—1258). Во-вторых, он «грады иныя заждай противу... татаромъ» (Ипат., 1259). Таким образом, он начал успешно бороться с татарами и без помощи папы. Дело изменилось, когда пришел Буранда «со множеством полковъ татарьскихъ, в силѣ тья.ьцѣ и ста на мѣстѣхъ Куремсьиныхъ» (Ипат., 1260). Приход Буранды составляет новую веху в политике татар на Юго-западе (ср. Грушевский, I, Історія України — Руси, III², стр. 83).

Приход Буранды определяется периодом 1256—1258 гг., т. е. как раз совпадает с событиями на Северо-востоке — исчислением населения и организацией баскачества, стоявшими в связи с общеимперскими мероприятиями, как мы показали выше

Буранда требовал полной покорности и прежде всего участия в походе против Литвы, что шло вразрез с политическими видами Даниила. На сле-

На русском Северо-востоке на Владимир хотели смотреть как на общерусский центр, столицу «Русской земли», но фактически Владимир теперь был страшно обескровлен: ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись, кажется, такому разграблению, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. Когда к великому князю Юрию пришла весть, что Коломна и Москва захвачены татарами, было решено часть сил сосредоточить во Владимире, а часть — отвести на северо-восток, за Волгу. Во Владимире были оставлены князья Всеволод и Мстислав; сам же Юрий с князьями Васильком, Всеволодом и Владимиром отступил за Волгу, к реке Сити, и стал там «станом», стягивая туда же остальные силы. («И ста на Сити станомъ, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы, и Святослава с дружиною своею; и нача Юрьи князь великий совкупляти все противу Татаром»).¹ 3 (2) февраля неприятель подошел к г. Владимиру; владимирцы затворили городские ворота, вступить в переговоры с татарами отказались, и город был осажден. Осада Владимира продолжалась около 5 дней; за это время татары успели взять ближайший к Владимиру город Суздаль, укреплен-

дующий год пришло требование уничтожения городских укреплений: «оже есте мои мирници, розмечете же города свои все». Городские стены ряда городов были разметаны; а стены г. Владимира-Волынского сожжены; присланный же Бурандой татарин Баимура потребовал «городъ раскопати» (см. Ипат. л. под 1261 г. — о том, что г. Холм избежал уничтожения своих укреплений). Известия о событиях XIV в. Литовской летописи подтверждают как будто факт уничтожения укреплений, свидетельствуя о Подолии, что там тогда «не был ни одинъ городъ ни древомъ роубленный, а ни камениемъ боудованный» (см. П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 99, ср. стр. 170, 278, 389, 496).

Мы не знаем, чтобы подобные требования были предъявлены князьям северо-восточным. Правда, нам известно, что, когда в 1410 г. татары подошли к г. Владимиру-Залесскому, «града тогда не было»; но нет данных полагать, что отсутствие стен было результатом требования татар. Сведений об укреплении г. Владимира-Залесского за XIV в. у нас нет, но о московском кремле, сгоревшем от пожара в 1331 г., они имеются (см. Симеон. л.).

Нет сведений о поездках галицко-волынских князей во второй половине XIII в. в ставку ханов. Но летопись сообщает о передаче территории по завещанию «при царех и при его рядыцѣхъ» (см. Ипат. л., под 1287 и 1289 гг.; ср. также Ипат. л. под 1287 г.: «а чего восхочешъ искати по животѣ брата моего и своего, осе же ти царевѣ, а се царь, а се аз, молви со мною, што восхочешъ»: см. также Л и н и ч е н к о, Замечания на статью Режабка в сборн. «Болеслав-Юрий II», изд. Акад. Наук. 1907). Ср. о свинцовой печати, привешенной к душевной грамоте Ивана Калита, которую А. В. Орешников считал, «без сомнения», татарской (Труды Моск. нумизм. общ., т. III, стр. 119—120). Весьма вероятно предположение Орешникова, что приложение этой печати было сделано на царевом (т. е. ханском) дворе в Московском кремле (там же).

Вместе с тем на приезд в Галицко-Волынскую землю из Орды «данщиков» материал не дает указаний. Знаем, что в 80-х гг. XIII в. «татарщина» шла «ко князю»: «а побором и татарыщиною ко князю», — читаем в завещании Владимира Васильковича (Ипат., 1287). К сожалению, ни о переписи населения в Галицко-Волынской земле, ни о баскаках при Буранде сведений не имеем. Отношения же данничества сохранились, повидимому, и в XIV в. (см. Л и н и ч е н к о, ор. с., стр. 111; см. также показания в тексте буллы папы Бенедикта XII, 1341 г. в сборн. «Болеслав-Юрий II», стр. 156).

¹ Лавр., 1237; Воскр., 1238; Ипат., 1237.

пый деревянною степою, а людей — частью умертвить, а частью увести в плен. Наконец, 7 февраля утром начался приступ. Сначала был захвачен «Новый градъ», а вслед за тем и «Печерный городъ», куда побежали князья и «все людье». Епископ, обе княгини с детьми, бояре и народ заперлись в церкви св. Богородицы, но были «без милости запалени огнем». Церкви и монастыри подверглись разграблению. Население было частью перебито — «от уного и до старца и сущаго младенца», а частью уведено татарами «босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразом. И бѣ видѣти, — говорит летописец — страхъ и трепеть, яко на хрестьяньскѣхъ родѣхъ страхъ и колебанье и бѣда упрострапсия». ¹ После взятия Владимира оставалось только стягивать все силы за Волгу, к р. Сити. Это была следующая позиция, где князья решили оказать сопротивление татарам. Туда прибыл Святослав «с дружиною»; туда же двинулся и Ярослав со своими полками. ² Где был в это время князь Иван Всеволодович, мы не знаем; по смыслу общего стратегического плана он должен был также двигаться на северо-восток, к р. Сити. Тагищев сообщает, на основании, может быть, неизвестного нам текста летописи, что Иван Всеволодович «самъ лесами хотел к Юрию с малым войском пройти, но не успел». ³ Во всяком случае, по ходу событий, города, лежавшие между Владимиром и Верхней Волгою, были, как видно, оставлены войсками князей. Население спасалось бегством; оно уходило на север, в направлении к р. Сити: летопись говорит, что после того, как Владимир пал, к Юрию пришла весть, «яко Володимеръ взятъ... а избывшии люди к тебѣ идутъ» (Воскр. л.). Весьма вероятно, таким образом, что города Ярославль, Ростов, Углич, Тверь и другие были сданы без боя и вследствие этого, согласно правилам монгольской войны, ⁴

¹ Лавр., 1237; Воскр., 1238; в южном Ипатьевском своде изложение событий значительно сокращено и допущены искажения (источника Ипат. летописи?); см., напр., обращение Батая(?) к горожанам (г. Владимира): «гдѣ суть князи Рязанстии, вашъ градъ...» и т. д. (Ипат., 1237).

Всеволод и Мстислав, взятые в плен, были убиты «внѣ града», («а старѣйшая сына Всеволодъ съ братомъ внѣ града убита» (Лавр., 1237, ср. Воскр. л.); при каких обстоятельствах их захватили в плен, — мы не знаем; Ипат. л. говорит, что уже во время приступа Всеволод, «убояся», «самъ изъ града изыде с маломъ дружины, и несъ со собою дары многии» (Ипат., 1237); возможно, что нечто подобное и имело место, но, во всяком случае, произойти это могло только тогда, когда весь «Новый» город был уже в руках татар: «и взяша градъ до обѣда (ср. выше — «по заутрени приступиша к городу»); от Золотых ворот у Святаго Спаса видѣша по примету чересъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Орининыи воротам и к Мѣдяным, а сюдѣ отъ Клязмы к Волжьскимъ воротом; и тако вскорѣ взяша Новый град. И бѣ ж а Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бежаша в Печерный городъ» (Лавр. л., ср. Воскр. л.).

² Лавр., 1237.

³ См. Тагищев, История Российская, III, 472—473.

⁴ D'Ohsson, II, 46; «d'après une loi de Tchinguiz-khan, toute ville investie, qui ne se rendait pas avant d'être attaquée, devait être mise à feu et à sang». В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 39—40: «Баласуган, повидимому, был занят монголами без сопротивления, так как по»

пощажены татарами: летопись, по крайней мере, ничего не говорит об их разгроме. ¹

С этой точки зрения могут представить некоторый интерес сведения, дошедшие до нас из местного угличского материала (критическая разработка которого пока не произведена); по этим данным, на общем совете города (Углича) было решено, что после отъезда угличского князя Владимира Константиновича, ² когда Батый подойдет к Угличу «и потребует сдачи его, то немедленно сдать город, встретить Батыя за городом и просить пощады людям и городу... Угличский князь и бояре слышали, что Батый не истреблял покорившихся ему городов, лишь бы это покорение не стоило татарской крови». ³ Когда неприятель стал приближаться, «многочисленные толпы народа... рассыпались по лесам и укромным местам». Навстречу Батыю вышли с дарами; город был занят, но разгрому не подвергся. Когда же Батый ушел и приехал угличский князь, возвратились «из дремучих лесов и спасавшиеся бегством горожане». ⁴

Надо полагать, таким образом, что далеко не все города были так разгромлены, как Владимир, далеко не все испытали такое страшное избиение своих обитателей; оставшееся население Владимира бежало, как мы видели, на север, за Волгу, на территорию Ростовского княжества. Подобную эмиграцию или, вернее, бегство перед наступающими монголами можно было наблюдать и на За-

лучил от них название Гобалыка, т. е. хорошего города; такие прозвания монголы вообще давали городам, сдавшимся им добровольно (ср. Зап. Вост. отд., VIII, 29—30)» и далее: «Мы видели, что Семиречье вместе с Восточным Туркестаном подчинилось монголам добровольно и потому, в противоположность Китаю, Мавераннагру и Западной Азии, нисколько не пострадало от монгольского нашествия» и т. д.

¹ См. Лавр. л. под 1237 г.: «... и ови идоша къ Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плѣншиа все по Волзѣ, доже и до Галича Мерьского; а ини идоша на Переяславль, и тѣ взяша... и нѣсть мѣста, ни вси, ни сел тацѣх рѣдно, идеже не воеваша на Суждальской земли; и взяша городовъ 14, опрочъ свободѣ и погостов, во один мѣсяць февраль...» Воскр. л. говорит только о сопротивлении и разгроме Торжка, который ждал помощи от Новгорода, и о сопротивлении Козельска, вслед за взятием которого последовало избиение его жителей (Воскр. 1238).

² Как видно из Лавр. л., Владимир Константинович отошел вместе с Юрием к р. Сити. О дальнейшей судьбе его см. Лавр. л., 1237, 1239, 1244 гг.; Воскр. л., 1238, 1244 гг.

³ Ср. выше, стр. 36, примеч. 4.

⁴ Ф. К и с с е л ь. История города Углича, Ярославль, 1844, стр. 46—49, 54. Для своей «Истории Углича» Киссель собрал разные местные рукописи: «все сказанное мною, — пишет он в Истории Углича, — основано на древних манускриптах, находящихся в разных руках угличских граждан, также при церквях и монастырях» (стр. 12). Между прочим, у него была местная угличская летопись («древняя угличская летопись»), которую он называет «Серебряниковой» (см. стр. 101 и др.) и другая, которую он называет «Супоневская» (см. стр. 84—85). Обе летописи изданы им не были. Но то же читаем мы и в изданном Угличском летописце (по списку Археогр. ком. № 18): «видя Батый, яко покоряются граждане и самовольно градъ сдаютъ, запрети своимъ воемъ, дабы никакого кровопролития и разорения не чинили граду Угличу» (Труды Ярослав. губ. уч. археогр. ком., в. I, стр. 92).

паде. С уходом монголов беженцы возвращались вскоре на свои места; по рассказу хроника Матвея Парижского, из одной только Дании вернулось на родину беженцев более 40 кораблей; ¹ опустошенные поселения имели возможность, таким образом, быстро восстановиться. В ином положении находился г. Владимир. Ярослав Всеволодович сделал попытку «собрать людей» в опустошенный город. ² Но не прошло и двух лет, как татары вновь появились в районе Клязьмы; с приближением татар население в ужасе бежало: летописец говорит, что, когда в 1239 г. татары стали «воевать» по Клязьме, «бѣ пополохъ золь по всей земли и сами не вѣдаху и гдѣ хто бѣжитъ». ³

Дальнейшее исследование не оставляет сомнения в правильности нашего предположения и показывает, что Владимир был сильно опустошен и разгромлен, что Ростов был, повидимому, в ином положении. Местное владимирское летописание (местные владимирские записи) почти непрерывно ведется вплоть до 1239 г. и после татарского погрома как бы умолкает. Скучные и отрывочные известия первых десятилетий послетатарского периода не обнаруживают систематических летописных записей во Владимире; летописный материал этого времени заполняют главным образом ростовские известия. ⁴

В опустошенный Владимир не считали даже нужным поставить епископа: в течение нескольких десятилетий после погрома 1238 г., когда убит был владимирский епископ Митрофан, и вплоть до 1274 г., когда был поставлен еп. Серапион, г. Владимир пребывал совсем без епископа; ⁵ ростовская епископия оставалась единственной епископией в пределах всей Ростово-Суздальской земли, и Ростов, таким образом, сделался снова церковным центром всего края. ⁶

¹ «Post quorum internecionem rex Dacie (Waldemar) et rex Hungarie (Bela) fines per predictos Tartaros quasi in desertum redactos fecerunt christianis populis, quos illuc miserant, inhabitari. De quibus ex sola Dacia naves plus quam quadraginta exierunt» (Mon. Germ. Hist., Script., t. XXVIII, Ex Mat. Par. chron maior, 185). См. также о заселении графом Шауенбурга еп. Бруно (1245—1281 гг.) областей, опустошенных татарами (Wolff, op. c., 193 и примеч. 45).

² Воскр., 1238.

³ Лавр., 1239.

⁴ Лавр., 1231—1301; ср. в Симеон. л. известия XIII в.; ср. Н а с о н о в, Летописные своды Тверского княжества, таблица (схем. изобр. гезезиса тверских летописных сводов).

⁵ См. Строев в Списки иерархов; ср. Г о л у б и н с к и й, op. c., т. II, ч. I, 57—58. В 1274 г., по Симеон. и Троицк. лл., Серапион был поставлен «епископом Ростову, Володимерию и Новгороду»; ростовским епископом, между тем, еще по известию 1273 г., был Игнатий (Симеон., 1273); в следующем году (1275) Серапион умер; а в 1276 г. был поставлен Федор, уже «епископом Володимерию и Суздалю» (Симеон., 1276), в Ростове же видим епископа Игнатия (ibid, 1276). По Воскр. л. Серапион был поставлен «Володимерию и Суздалю и Новгороду Нижнему» (1274).

⁶ Начиная с 1250 г., объезжая свою митрополию, на Северо-восток нередко приезжал из Киева митрополит Кирилл. Так, в 1250 г. он приехал из Киева через Чернигов и Рязань; на следующий год поехал в Новгород (а за-

Итак, именно Владимир был страшно обескровлен. Ни Ростов, ни Углич, ни Ярославль, ни Тверь, ни Кострома, ни Переяславль не подверглись, кажется, такому опустошению и разорению. История Владимирского княжества до монгольского нашествия тесно связана с историей роста г. Владимира, с историей этого нового вечевого, общеземского центра. Во второй половине XII и в начале XIII в. документы рисуют его многолюдным городом, с многочисленным военно-торговым населением, представлявшим собою (как город) значительную военную силу. Татарское завоевание нанесло ему сокрушительный удар. Ярослав, как мы видели, сделал попытку «собрать людей» в опустошенный город. И он и Александр продолжали жить еще во Владимире.¹ Но уже их преемники — «вел. князья Владимирские и Новгородские» — Ярослав Тверской, Василий Костромской, Димитрий Александрович Переяславский предпочитали, судя по отрывочным летописным известиям, оставаться в своих «отчинах» (в Твери, в Костроме, в Переяславле).² Владимир как город потерял свою силу и значение; он попрежнему оставался городом стольным, великокняжеским, но не мог уже более служить реальной опорой великокняжеской власти.

Но не только в этом надо видеть решительный сдвиг, который принесло с собою татарское завоевание в первые десятилетия.

Исследование обнаруживает, что деятельность митрополичьей кафедры в значительной мере лишилась своего политического значения, а вместе с тем и обладание Киевом как митрополичьей резиденцией теряло прежние политические преимущества.

В самом деле, хану, главе золотоордынского государства, необходимо было поддерживать непосредственные сношения с русским митрополитом, с представителем русской иерархии, или «главным попом», как называли его, по свидетельству русского источника, монголы; это требовалось и для успешного разрешения вопросов церковной жизни и церковно-политических отношений в пределах самой России, а также вопросов внешней политики, поскольку митрополит был связующим звеном между византийским императором и патриархом, с одной стороны, и русской митрополией — с другой, был как бы посредником между Русью и Византией.

В первые годы владычества татар, вплоть до 1250 г. (1246—

тем обратно во Владимир); в 1274 г. он приехал из Киева для поставления епископа Серапиона; в 1280 г. приехал из Киева и в том же году умер в Переяславле-Залесском; кроме того, мы видим его во Владимире в 1252 и 1255 гг., причем на следующий год он едет в Новгород; а также в 1261/62 г. — в Ростове (поставление еп. Игнатия), а в следующем году во Владимире, где он хоронит Александра Невского; возможно, таким образом, что в 1252 и в 1261 гг. он также приезжал из Киева (Лавр. и Симеон. Новг. 1 лл.; ср. Голубинский, *ор. с.*, II ч. I, 57); ср. также Соколов, *Русск. архиеп. из Византии*, Киев, 1913, стр. 163 и сл., где Кириллу по недосмотру приписана лишняя поездка в Новгород вместе с великим князем Александром (стр. 163—164).

¹ Лавр., 1238, 1239, 1252, 1255, 1258, 1259.

² Новг. I. 1264; Симеон. 1271, 1276, 1280, 1281, 1293, 1294.

1250), на Руси не было поставленного патриархом митрополита,¹ и сношения с русской церковью в Орде поддерживались через ростовского епископа Кирилла.²

В 1250 (1246—1250) г. на русскую митрополию был поставлен, наконец, митрополит. Новый митрополит (Кирилл) в полной мере был ставленником князя Даниила Галицкого. Он был избран Даниилом задолго еще до поставления его на митрополию: уже в 1242 г. мы видим его сопутствующим Даниилу в качестве будущего главы русской церкви.³ Мало того, летописные известия свидетельствуют, что после возвращения митрополита Кирилла из Никеи⁴ через Венгрию, он выступил в роли доверенного лица Даниила в попытке заключить какой-то союз между Даниилом и великим князем Андреем, — как можно предполагать, основываясь на дальнейшей судьбе Андрея, враждебный татарам, — и содействовал устройению брака Андрея с дочерью Даниила Галицкого.⁵ В качестве доверенного лица Даниила он не мог, конечно, пользоваться доверием в Орде, тем более что направленный против татар союз галицкого князя с папой был окончательно разорван только в 1257 г.⁶ Таким образом, деятельность нового митрополита с самого начала совершенно скомпрометировала его в глазах Орды: хан не вступал с ним в непосредственные сношения, и за все свое долготелное управ-

¹ Кандидат галицкого князя — митрополит Кирилл был поставлен патриархом только в 1246—1250 гг., а до этого времени был, в сущности, лишь кандидатом на митрополичью кафедру. О времени поставления Кирилла см. Ипат. л., 1250 г.; Лавр. л. 1250 г.; Г о л у б и н с к и й, История русск. церкви, т. II, в. I, II. — М., 1900, стр. 53—55; ср. Ф. Т а р н о в с к и й, Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси, в. II, Киев, 1876, стр. 12.

² Это представляется уже вероятным в виду того, что после татарского нашествия (со смертью в 1238 г. владимирского епископа Митрофана) ростовский епископ оставался единственным главою церкви в Северо-восточной Руси; но мы имеем и прямые указания источников на непосредственные сношения русского епископа с Ордою: о его поездках в Орду в 40—50 гг. XIII в. сообщает «Повесть об ордынском царевиче Петре», составленная в первой половине XIV в. См. текст повести: Православный собеседник, ч. I, Казань, 1859, стр. 360—361; В. К л ю ч е в с к и й, Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871, стр. 40. См. также ниже, стр. 41, прим. 1.

³ По словам Ипат. л., когда к Даниилу пришла весть о том, что Батый вернулся «изъ Угор» и послал отряд на поиски галицкого князя, последний, захватив Холм, проехал к брату Васильку, «пойма с собою К у р и л а м и т р о п о л и т а» (Ипат., 1243).

⁴ Как известно, патриарх в это время пребывал в Никее; Константинополь с 1204 г. был захвачен крестоносцами.

⁵ Лавр. л., 1250, 1252, ср. Новг. I, 1251; М. Щ е р б а т о в. История Российская с древнейших времен, СПб., 1805, т. II, стр. 65; W o l f f. op. c., 384—390; см. выше, стр. 33, прим. 3.

⁶ Д л у г о ш, lib, VII, 779, цит. по Н. Дашкевичу. Переговоры папы с Даниилом Галицким об унии Юго-западной Руси с католичеством. Универс. известия, № 8, Киев. 1884, стр. 175. См. также К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н, О составе русских летописей до конца XIV в., СПб., 1868 (русские известия Длугоша до 1386 г.).

ление митрополней Кирилл, сколько нам известно, ни разу в Орде не был. ¹

Между тем в 1261 г. произошло событие большой политической важности, имевшее крупное значение в мировой истории, — Михаил Палеолог овладел Константинополем. ² Эти события настоятельно потребовали так или иначе определить вопрос об отношениях между Византией и русской митрополией: в новой обстановке сношения золотоордынского государства с Царьградом получали исключительное политическое значение.

Уже начиная с 1262 г. между ханом Берке и египетским султаном устанавливается прочная дипломатическая связь: с этого года между Золотой Ордой и мамелюками идет непрерывный обмен посольствами и дружественная дипломатическая переписка. Основная цель этих сношений красной нитью проходит через все известия арабских источников: это — военный союз против иранских монголов. ³ Значение Византии в системе золотоордынской политики, отношения между Царьградом и правительством Сарая в значительной мере определялись связями между Византией и иранскими монголами, сближением восточного императора с иранским властителем (Хулагу, а затем сыном его Абакой) — общим врагом как египетских мамелюков, так и золотоордынских ханов. Конфликт 1263—1265 гг., когда Михаил Палеолог задержал послов султана к Беркехану, несомненно был вызван дружественными отношениями императора к Хулагу; оправдываясь перед послами, Михаил прямо ссылался на «опасения, чтобы Халагу не знал об этом» и чтобы в пропуске послов к Берке не заподозрил нарушения мира и не начал военных действий. ⁴ Поход татарского войска на византийские владения (совместно с силами болгарского короля Константина Теха), предпринятый в 1265 г. по приказу Берке, ⁵ стоял также в известной

¹ Вместе с тем, ростовский епископ Игнатий (1262—1288) неоднократно ходил в Орду; см. Акад. л., 1282 г.: «ходи Игнатий епископ второе въ Орду за причет церковный»; см. Православный собеседник, 1859, ч. I, стр. 363 (текст «Повести об ордынском царевиче Петре»).

² P a s h u t e s e s, 2, 26—32; Nicephorus Gregoras, 4,2; ср. В. Васильевский, Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, стр. СХСVII (Летоп. зан. Археогр. ком., в. IX, СПб, 1893).

³ Тизенгаузен, Материалы, I.

⁴ По Эльмуфаддалю: «Застали они у него послов от Хулавуна, и он (Михаил, медля отправкой послов египетского султана) оправдывал перед ними замедление в отправлении их опасением, чтобы Хулавун не узнал об этом»; по Ибнелфорату: «Из опасения перед Хулавунном, что он узнает, что они прибыли по поводу его». По рукописи Ибнелфората Михаил извинял «удерживание их от отправки (в Кипчак) тем, что земля его далека от стран, соседних с царством султана Рукнеддина, но блика к землям, соседним с царством Хулаку, (который) услышав, что я позволил послам царя египетского отправиться к царю Берке, заподозрит (в этом) нарушение мира между мною и им и поспешит огрбить соседние ему земли мои» (Тизенгаузен, Материалы, I, 190). Напомним, что дружественные отношения с Хулагу Михаил пытался даже закрепить браком монгольского князя на своей побочной дочери (P a s h u t e s e s, 3,3).

⁵ Вопрос о хронологическом определении этого похода едва ли должен вызывать какие-либо сомнения. Послы султана (по Ибнабдеззахру) от-

связи с отношениями между Михаилом и правительством персидских монголов. Трудно сказать, в какой мере имело значение в данном случае задержание послов султана; во всяком случае, мы имеем свидетельство Эльмуфаддала, что предводитель войск Берке потребовал от египетского посла (Эльфариса) письменное удостоверение в том, что тот «остается (в Константинополе) по доброй

правились 17 рамазана 661 г. (25 июля 1263 г.) (Тиз., I, 62). В рамазане следующего — 662 г. (27 июня — 26 июля 1264 г.) султан получил известие о задержании послов. Уже после этого известия султан написал Михаилу Палеологу составленное в резких выражениях письмо, в котором, между прочим, указывал на бесчинства, совершаемые войсками Берке в византийских владениях: «если причина задержки моих послов — дурные отношения твои к царю Берке и бесчинства, совершаемые войсками его в твоих владениях, то я улажу дела между тобою и им» (Тиз., I, 62—63). Султан, как рассказывает Ибнабдезахыр, «написал (также) письмо к царю Берке по этому поводу, отослал его к эмиру Фариседину Акушу Эльмасуди, отправившемуся с подарками к царю Берке, и приказал ему уладить мир» (Тиз., I, 63). Ибнабдезахыр умер в 1293 г., 72 лет; его сочинение — одно из основных арабских первоисточников (*ibid.*, 46). По сведениям Эльмуфаддала, после того как послы пробыли в Константинополе 1 год и 3 месяца, одного из них — шерифа Имадеддина Абдеррахима Эльхашеми Эльабаси отпустили обратно в Египет (т. е. приблизительно в ноябре 1264 г.). Судя по тому, что письмо султана о военных действиях Берке было отправлено именно к Фариседину (оставшемуся в Константинополе), можно предположить, что оно было написано уже после приезда шерифа в Египет, совершившегося, таким образом, или в ноябре или в июле (по Ибнабдезахыру) 1264 г. (*ibid.*, 61—63, 190). Получив распоряжение от султана «уладить мир», оставшийся в Константинополе Фариседдин помог заключить императору мир (или перемирие) с татарским военачальником, и когда татарские войска ушли, он был отпущен Михаилом к Берке-хану. Так как (по Эльмуфаддалу) пребывание Фариседдина в Константинополе длилось не менее 2 лет, то, следовательно, он отправился из Константинополя не ранее осени 1265 г. Итак, согласно рассмотренным арабским источникам, золотоордынцы производили набеги, возможно, уже в 1263 г., но поход, освободивший иконийского султана Иззеддина, имел место в 1265 г., но не позже, т. е. еще при жизни Берке. Этот вывод вполне подтверждается и указанием других источников. Так, по Рашид-эд-дину, «к Стамбулу прибыло войско Беркая», освободившее Иззеддина (см. Тиз., I, рукопись; см. также персидский текст в изд. E. Blochet, 1911 г., стр. 549; см. примеч. на стр. 54—56); приблизительно к тому же времени относит событие и Никифор Григора, кн. 4. В изд. С. В. Рашутереса, освобождение Иззеддина татарами отнесено к 1265 г. (v. II, Вопнае, 1858, р. 754). К этому приблизительно времени относит поход и Бейбарс («Уже выше мы упомянули, что Берке, царь Татарский, перед смертью своею снарядил войско для завоевания Стамбула» — Тиз., I, 103; Берке умер в 1266 г.), и турецкий историк Мюнедджим баши (М ю н е д д ж и м б а ш и, II, 572; В. Д. С м и р н о в, Крымское ханство, СПб., 1887, стр. 21). Ср. также о набегах Берке около 1265 г. у Ибнелъфората: «в шеввале 663 г. (17 июля — 14 августа 1265 г.) хаджиб Шуджа-эд-дин Ибнедаие отправился к царю Берке послом от султана для прекращения набегов царя Берке на земли Ласкариса, согласно просьбе Ласкариса об этом» (Тиз., I, 358).

Некоторые, сравнительно более поздние историки относят поход татар и освобождение Иззеддина к 1269—1270 гг. Это дало повод В. Д. Смирнову склониться к мнению, что поход татар и увод Иззеддина совершился не при Берке, а при Менгу-Тимуре (см. В. Д. С м и р н о в, *op. c.*, стр. 21—22). Действительно, Энугейри (ум. в 1333 г.) и Элайни (ум. в 1451 г.), а также историк XVII в. Мустафа-аль-Дженнаби относят поход татар и освобождение Иззеддина к 1269—1270 гг. (Тиз. I, 153, 154, 511; С м и р н о в, *op.*

воле своей и что ему не препятствуют отправиться к Берке». ¹ Непосредственная причина похода — сношения иконийского султана Иззеддина (которого Михаил не выпускал на родину) с болгарским королем и татарами — подробно изложена у Пахимера; ² но и он

с., 21). В тексте сочинения Эльмакризи (ум. в 1441—1442 гг.) имеем приписку, как предполагает Тизенгаузен, сделанную самим Эльмакризи в подлиннике сбоку, чтобы указать, что событие, помещенное им под 662 г. (т. е. около 1264 г.), «собственно должно быть перенесено под 668 г.» (т. е. в 1269—1270 гг.) и затем уже позднейшим переписчиком ошибочно включено в общий текст (Тиз., I, 422). Место это помогает нам понять хронологическую ошибку некоторых арабских историков. Дело в том, что около 1270 г. был тоже совершен набег (другой) татар на Византию. О нем прямо говорит византийский историк Пахимер в гл. 4, 30 (см. P a s h u t e g e s, С. В., р. 757); о том же, повидимому, набеге говорит и Ибнхальдун под 670 (1271—1272 г.) (Тиз., I, 380). Этот второй набег на Византию и дал, очевидно, повод некоторым, главным образом более поздним историкам хронологически смешать оба похода, т. е. отнести первый поход ко времени второго.

Подобную же ошибку, но уже при чтении боннского издания Пахимера, допустил и Н. И. Веселовский. «У Пахимера, — пишет Веселовский, — общается, что в 1270 г. татары способствовали кралоу Константину захватить сельджуцкого султана Иззеддина, пришедшего из Малой Азии на помощь грекам, и тогда болгарскому кралоу достались большие сокровища, из которых он щедро одарил татарское войско», и делает ссылку на боннское издание, т. I, гл. III, § 25, стр. 229—240 (Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 6, II-д, 1922, стр. 40). На стр. 229—240 боннского издания мы действительно находим рассказ о походе татар и освобождении Иззеддина (хотя кстати сказать, о том, что болгарский краль «щедро одарил татарское войско» из доставшихся ему сокровищ, в тексте ничего не говорится). Но в хронологической таблице этого издания под 1270 г. указано нашествие на Византию татар, когда они были призваны великим коноводом Тарханиотом, о чем Пахимер говорит в гл. 4, 30. Поход же татар, во время которого был освобожден Иззеддин, отмечен в том же издании, вопреки утверждению Веселовского, под 1265 г., со ссылкой на гл. 3, 25 (см. стр. 754, 757).

Не подлежит сомнению также, что войско посылалось по приказанию самого Берке-хана, о чем свидетельствуют арабские источники; мы не знаем даже, участвовал ли Ногай в этом походе; и во всяком случае, как можно заключить из рассказа Пахимера, если и участвовал, то шел по приказанию Берке-хана. «Этот народ, — пишет Пахимер, — во время управлялся самовластно, так как не совсем еще пока (тохарцы) подчинились Ногаю; ибо этот Ногай начал первый отлагаться от деспотов; живя с Тохарцами дружелюбно и обходясь запросто, он вместе с ними и при их содействии завоевал области не в пользу хана, как они его называли, к о т о р ы й п о с ы л а л е г о, но все, что приобретал, усвоил себе и им» (P a s h u t e g e s 3, 25, стр. 231). Ср. перевод под ред. проф. Карпова, который передает текст весьма неточно, искажая смысл отношений: «не в пользу хана, который посылал его, как о н и д у м а л и, но все, что приобретал, усвоил себе и им»; а также «ἀποστάτην τῶν δεσποτῶν» переведено: «низвергать деспотов» (см. «Византийские историки», пер. с греч. при СПб. дух. акад., Георгий Пахимер, СПб., 1862, 241; ср. P a s h u t e g e s, С. В., стр. 231, со слов: «οὐδὲν ἄλλως» до слов «ἐκείνους ἐσφραγίζετο»). Такое чтение может дать повод для неосновательного утверждения, что Ногай действовал уже при Берке самостоятельно.

¹ Тизенгаузен, ор. с., 191.

² P a s h u t e g e s, 3, 25; о мотивах выступления Константина см. также Nicephorus Gregoras, 4.6. О родственных связях Берке с Иззеддином как мотиве заступничества Берке за Иззеддина, см. Смирнов, ор. с., 49—21.

говорит, что Иззеддин знал о тайных условиях императора с Абакой, по которым надлежало оттянуть его возвращение на родину.¹

Меньше нам известно о причинах набега татар на византийские владения при Менгу-Тимуре (около 1270 г.).² Желая предотвратить возможность подобных же нападений в дальнейшем, Михаил Палеолог, учитывая, очевидно, возраставшее влияние военачальника Ногай в делах Золотой Орды, выдал за него свою незаконнорожденную дочь Ефросинию (1273 г.) и, таким образом, приобрел в его лице союзника.³

Но в 70-х гг. XIII в. вопрос о сближении Византии с иранскими монголами стал в новом соотношении. Надеясь на военную помощь против своего врага — египетского султана, Абака завязал оживленные переговоры с папой и давал понять как будто о своей готовности принять латинскую веру, рассчитывая на успех нового крестового похода против египетских мамелюков, владевших «святой землей». ⁴ Церковная уния 1274 г. между папой и византийским императором несла с собою непосредственную угрозу совместных действий византийского императора и иранских монголов против войск египетского султана. На Лионском соборе (1274 г.), где между папой и императором состоялось соглашение о подчинении греческой церкви Риму (император признал догмат *filioque*, опресноки и главенство папы; греческий клир подчинялся папскому владычеству, и право решений папы по церковным делам было принято даже без ограничений, которые входили в условия Ватаца), ⁵ император заверил о своей готовности принять участие (войсками, деньгами и продовольствием) в предполагаемом общем крестовом походе на освобождение «святой земли». ⁶ Эти успехи папской политики в Царьграде не могли ближайшим образом не беспокоить золотоордынскую дипломатию, тем более что папа Николай III делал дальнейшие шаги к укреплению зависимости Византии от папского престола ⁷ и, энергично действуя среди иранских монголов, ⁸

¹ «ἤδει γὰρ ἄλλα τὸν βασιλεῖα πραγματούμενον καὶ τὸ κῆδος ἐπειθε τὸ πρὸς τὸν Ἀπαγαῦν ὡς οὐκέτι ὑποστρέψειεν» P a c h y m e r e s, 3, 26; русский перевод Карпова, стр. 209. Абака вступил на престол в 663 г. (24 окт. 1264—12 окт. 1265 г.).

² О нем см. P a c h y m e r e s, 4, 30; Ибнхальдун (Тиз., ор. с., 380). О задержании послов царя Берке императором в 1264 г. см. Ибнелъфорат (Тиз., ор. с., 359).

³ P a c h y m e r e s, 5, 3, 4; 6, 3, 6, 8.

⁴ *Annales Ecclesiastici*, Od. Raynaldus, t. III, 1267, № 70, 71; 1274 гг., № 21, 22; Н. К р а с н о с е л ь ц е в, Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан, Казань, 1872, стр. 71—73; P e l l i o t, *Mongols et papes aux XIII et XIV siècles*, Paris, 1922, 11—12; ср. P. P e l l i o t, *Les Mongols et la papauté* (extrait de la *Revue de l'Orient chrétien*, 3 ser., t. III, № 1 et 2), Paris, 1923, p. 2.

⁵ W. Norden. *Das Papstum und Byzanz*. Berlin, 1903, S. 524—525 u. ff., ср. 369—370.

⁶ *Ibid.* 532, 520—536.

⁷ *Ibid.*, 597—598; P a c h y m e r e s, 6, 14—15; ср. стр. 762.

⁸ M o s h e i m. *Hist. tartar. ecclesiast.*, app. № XXI, p. 71—76; К р а с н о с е л ь ц е в, ор. с., 74—75; *Annales ecclesiastici*... Od. Raynaldus,

пытался вместе с тем распространить свое влияние и среди «скифских татар», в областях, лежавших близ Юго-западной России.¹

Итак, в то время как митрополит Кирилл, как мы видели, совершенно скомпрометировал себя в глазах Орды, и ханский престол не вступал с ним в непосредственные сношения, вопрос о посредничестве между русской митрополией и Византией, после утверждения византийского императора в Константинополе, не мог не получить серьезного политического значения с точки зрения золотоордынской дипломатии.

В 1261 г., в тот самый год, когда Михаил Палеолог овладел Константинополем, в Сарай был перенесен центр южной (перемыславской) епископии.² Положение Сарайского епископа определяли новые, но достаточно характерные признаки; он выступает перед нами, как близкое ко двору, доверенное лицо хана; документы канонического права заставляют предполагать, что ему приходилось следовать за ханской ставкой даже в те периоды года, когда Орда кочевала.³ Сарайский епископ явился как раз тем лицом, ко-

1278, № 22; ср. № 24 («excitati erant gentiles Tartari ad saracenicam superstitionem excindendam fidemque christianam amplectendam, ut vidimus egregie animati...» и т. д.).

¹ См. о том, что папа отдал приказ среди «скифских татар» «в пределах татарских» (говорится и о куманях) поставить епископа («Nonnulli vero alii ex eadem familia divini verbi semen inter Tartaros scythas feliciter sparserant, ac plures gentilitiis erroribus involutos, ad christi cultum traxerant: cumque nullus episcopus in iis regionibus ageret, et civitas, quae in Tartarorum limite sita erat, jamdiu deleta esset; unde Minoritae ad sacros ordines non poterant promoveri, qui iisdem Minoritis in iis regionibus praeerat, exposuit Pontifici episcopum in iis partibus magnas utilitates rei Christianae allaturum. Quibus permotus Nicolaus Philippum episcopum Firmanum A. S. L. instituere episcopum jussit (b) ac si qui proventus ad sedem Apostolicam spectarent, eos ad sustinendam dignitatem episcopo attribuere». (Od. Raynaldus, III, 1278, № 22). Самого епископа фирманского Филиппа папа уполномочил как в самом королевстве Венгрии, так и в смежных с нею частях («ac Poloniae, Dalmatiae, Croatiae, Ramae, Serviae, Lodomeriae, Galatiae et Cumaniae partibus illi conterminus») действовать между представителями церкви и людьми мирскими (Od. Raynaldus, op. c., 1278, № 23).

² О поставлении Митрофана в 1261 или в начале 1262 г. см. Лавр., Ерм. лл.

³ См. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1, Русск. истор. библи., VI, СПб., 1908, № 12 (Ответы... на вопросы сарайского епископа Феогноста), стр. 136; «Въпрос. Подобаеть ли, священъ трапезу, преносити отъ мѣста на мѣсто, и на ней литоргисати? Отвѣтъ. Подобаеть, занеже по нужи есть. Ходящие людие не имѣють себѣ упокойна мѣста; но стрещи съ страхомъ и трепетомъ: въ чистѣ мѣстѣ поставити ю, и служити на ней»; ср. *ibid.* на стр. 136, примеч. 6 («ходящие», т. е. кочующие, кочевники). Ср. вопрос 23: «приходящимъ отъ татаръ, хотищихъ креститися, и не будетъ велика съсуда, в чемъ погружать ему?» Ярлык Менгу-Тимура был написан, например, во время кочевки; в конце его читаем: «на Талы писано». Тала значит по-монгольски «равнина», «степь»; поэтому «на талы» значит: на степи, в степи. См. В. В. Григорьев, О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству, в сборн. «Россия и Азия», стр. 234; ср. также конец грамоты Тайдулы: «на желтой трости орда кочевала написано». О кочевках ханской ставки см. у Ибнбатути (Тиз., I, 289), Шерефеддина (Т и з., II, не изд.) и др.

тому в качестве представителя русской иерархии было поручено непосредственно сноситься с Византией, выполнять обязанности посредника между Царьградом и русской митрополией.

Из летописи мы узнаем, что сарайский епископ (с 1269 г.) Феогност ездил в Царьград не менее трех раз.¹ Первая поездка относится ко времени 1269—1276 гг.;² точнее определить время поездки невозможно, хотя по некоторым данным допустимо предположение, что посольство это состоялось около 1273 г., т. е. незадолго до Лионского собора.³ Вторую поездку мы имеем основание с полной уверенностью приурочить к 1276 г. Дело в том, что до нас дошел акт, сохранившийся в греческом подлиннике; из него мы узнаем, что в 1276 г. епископ сарайский Феогност принимал участие на собрании в Константинополе, в церкви св. Софии, состоявшем из митрополитов и патриарха Иоанна Векка, поставленного за год перед тем на патриаршество, после того, как он (в церковных несогласиях) перешел на сторону императора.⁴ Епископов на собрании, кроме Феогноста, судя по тексту акта, не было (были еще только владычные слуги);⁵ сарайский епископ представлял собою, очевидно, исключение. Третья поездка состоялась в 1279 г. (или 1278—1279 гг.) т. е. в год, когда из Константинополя отправлялось посольство к папе Николаю III в ответ на его требования гарантий укрепления (светской) власти папы в Византии.⁶ В обстоятельства этой поездки вводит нас рассказ русской летописи: «Того же лѣта, — читаем в Ни-

¹ Никон., 1279. О епископе сарайском Митрофане (1261—1269) мы почти никаких сведений не имеем (см. Симеон. л. под 1269 г.: «того же лѣта Митрофан, епископ Сарский, отписася епископья Сарския и пострижеся в скиму. В него мѣсто постави митрополить епископа Феогноста Русскому Переяставлю и Сараю»).

² 1269 г. — год, когда Феогност был хиротонисан; к 1270 г. относился вторая поездка Феогноста.

³ По Ибнелфорату, «в шаабане 671 г. (21 февраля — 21 марта 1273 г.) султан отправил послов царя Менгутемира... в сообществе их он отправил (также) послов Ласкариса. Т и в., I, 361; ср. 1, 57, 62.

⁴ См. Пам. др.-р. канон. права, ч. I, Прилож., № 1, стр. 5—12. О патриархе Векке см. P a s h u m e g e s, 5, 13—15, 24—28; Nicephorus G r e g o r a s, 5, 2. Ср. известие Ибнелфората о посольстве Менгу-Темур в 1275—1276 гг.: «в 674 г. (27 июня 1275—14 июня 1276 г.) султан... (отпустил) послов царя Менгутемира, которых отправил к государю их... и отрядил с ними послов» (Т и в., 1, 361).

⁵ Кроме патриарха и митрополитов (перечисление) присутствовали: *παριστάμενοι καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων, ὁ θεοφιλέστατος ἐπίσκοπος τοῦ Σαράη* (Пам. др.-р. канон. права, 1, Прилож., стр. 6). Любопытно, что в позднейшем славяно-русском переводе этого акта прибавлено имя митрополита (Максима), будто бы присутствовавшего на соборе, и 4-й индикт изменен на 14; в 1276 г. митрополитом был не Максим, а Кирилл (ум. в 1281 г.), а также *παριστάμενοι καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων* переведены (или, вернее, заменены): «избранным попом и диаконом» (см. *ibid.* ч. I, № 12, стр. 130—131, и Прилож., стр. 6).

⁶ Послы папы Николая III к Михаилу Палеологу были отправлены (инструктированы) в 1278 г. См. N o r d e n, op. c., 597—600; P a s h u m e g e s, С. В., стр. 762; о папских послах в Византии и о посольстве Михаила к папе см. P a s h u m e g e s, 6, 14, 18; N o r d e n, op. c., 601.

коновском своде под 1279 г. — прииде Феогнаст епископ Сарайский, втретии изъ Греческия земли изо Царяграда; посылае убо его преосвященный Кирилъ, митрополитъ Киевский и всеа Руси, и царь Ординский Менгу-Темиръ къ патриарху и къ царю Михаилу Палеологу Греческому, отъ пресвященнаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя Менгу-Темира грамоты и поминки отъ обою» («тое же зимы, — читаем в Симеоновской и Троицкой летописях, — приѣха Феогность, епископъ Сарайский, из Грекъ, посылае митрополитомъ к патриарху и царемъ Менгутамеремъ ко царю [греческому] Палеологу»).¹

Летописный рассказ о третьей поездке Феогноста вскрывает, как видим, одну из основных задач посредничества между Царьградом и русской митрополией — исполнение дипломатических поручений к императору (или к императору и патриарху) от хана Менгу-Тимура. Поездкам представителя русской иерархии в Царьград давалось политическое назначение, и эта миссия возлагалась не на митрополита, а на сарайского епископа.

Исключительным положением, в которое была поставлена Сарайская епископская кафедра, таким образом, создавался до известной степени как бы новый церковный центр русской митрополии.² Надо думать, что и в делах внутренней политической жизни Северо-восточной Руси сарайский епископ должен был играть значительную роль, выполняя те или иные дипломатические поручения хана; к этой мысли, впрочем, приводят нас некоторые конкретные штрихи в известиях летописного материала. Так, митрополичий летописец, в составе Львовской летописи, сообщает под 1296 г., что на съезде князей, состоявшемся после приезда ордынского посла Неврюя, благополучному разрешению вопросов содействовали, во-первых, местный владимирский епископ Симеон и, во-вторых, не митрополит, как следовало бы ожидать, а «владыко Сарайский Измайло» (Льв. л.).

Так, мало-помалу, обладание опустевшим и разгромленным Киевом как митрополичьей резиденцией теряло свои политические преимущества. Александр Невский, получив Киев, не поехал на юг, а остался в Новгороде. В дальнейшем, в XIII в., мы не слышим о князьях в Киеве, но не можем с уверенностью сказать, что князей там не было: о Киеве последующих десятилетий мы почти ничего

¹ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 77, примеч. 1. О посольстве египетского султана к Менгу-Тимуру около того же времени см. у Ибнелфората: «в месяце ребильэввеле 679 г. (июле 1280 г.) султан отправил морем Шемседина... и... окольныхчяго Тюрского послами к царю Менгу-Темиру и написал с ним письмо Гыяседдину» (ответное посольство?) (Т и в., I, 361).

² Любопытно, что даже после того как власть митрополита приобрела полный авторитет в Орде, сарайский епископ пользовался еще, повидимому, некоторым преимуществом между епископами в деле сношения с Царьградом. Так, в 1354 г. рекомендательные об Алексее грамоты от русских епископов патриарх получил через епископа сарайского (см. Пам. др.-р. канон. права, Прилож., стр. 54).

не знаем. ¹ Оторвавшаяся в условиях, созданных феодальной раздробленностью и в зависимости от условий, созданных татарским нашествием, Юго-западная Русь безнадежно уходила из поля зрения Владимирского стола.

Итак, после татарского завоевания во внутренней жизни края произошел глубокий сдвиг в результате тех событий, которые были связаны с нашествием татар. События эти обрекали на гибель как раз те идеи, в торжество которых верили во Владимире и которыми были воодушевлены составители северо-восточных летописных сводов перед татарским нашествием (XII—XIII вв.). На Владимир хотели смотреть, как на общерусский центр, столицу «Русской земли», но фактически именно Владимир был страшно обескровлен; ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись, кажется, такому разгрому, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. На владимирских князей в первые годы ига продолжали еще смотреть, как на защитников не только земель Ростово-Суздальской, Новгородской и Смоленской, но и земель киевского юга, а фактически Киевщина все более и более уходила из сферы владимирских интересов. Церковно-политический центр в некотором отношении был перенесен в Сарай. Деятельность митрополичьей кафедры в значительной мере лишилась своего политического значения, а вместе с этим и обладание опустевшим Киевом как митрополичьей резиденцией теряло прежние политические преимущества. Оторванная татарским погромом Юго-западная Русь безнадежно уходила с поля зрения Владимирского стола.

Это крушение практических возможностей к осуществлению общерусской роли Владимирского стола оплакивалось как «погибель Русской земли». Таким плачем является сохранившийся отрывок памятника «Слово о погибели Русской земли» — памятника, по существу, чисто владимирско-перемышлянской литературы. «Отсельъ, — говорит автор, — до оугоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и от ятвязи до литвы до немецъ, от немецъ до корѣлы, от корѣлы до Оустыюга, гдѣ тамо бяхоу тоимици погани и за дышочимъ моремъ, от моря до болгаръ, от болгаръ до боур-

¹ О политической судьбе Киева во второй половине XIII в. ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, Киев, 1891, стр. 445—450, ср. стр. 465—470; его же, История Украины — Руси, III, стр. 170—171 и др. Ср. Зотов, *op. cit.*, стр. 207.

О том, что Киевская Русь подверглась «запустению» только после татарского нашествия, см. у С. Середонина, Историческая география, П-д, 1916, стр. 193—195, и рец. А. А. Шахматова в Русском истор. журн., кн. 1—2, 1917, стр. 207; не следует забывать о составе населения некоторых городов в связи с защитой окраин с помощью самих кочевников (домонгольский период). Ср. Грушевский, *op. cit.*, стр. 144—161. Под 1300 г. отмечен в Лавр. л. переезд митрополита в Суздальскую землю «со всѣм своимъ житьемъ»; «митрополитъ Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збѣжа ис Киева, и весь Киев розбѣжались».

Когда в 1331 г. владыка Василий проездом прибыл под Чернигов, «ту пригнашеса киевскіи князь Федоръ съ баскакомъ татарьскимъ в 50 человекъ разбоемъ» (Новг. 4 л.).

тась, от боуртась до чермись, от чермись до морьди: то все покорено было богомъ христианскому языкоу, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду...»¹

Северная, Северо-восточная и Юго-западная Русь, по представлению автора, были объединены перед татарским нашествием под единой властью, составляли единое государственное целое. Носителем этой общерусской власти был великий князь владимирский, и общерусским центром, следовательно, — г. Владимир, где сидел потомок и политический преемник киевских князей Юрия и Владимира Мономаха.² Нашествие татар, в сознании составителя «Слова», несло с собою, очевидно, «погибель», поскольку разрушалось государственное единство Русской земли и «погибало» значение г. Владимира как общерусского центра.

С разгромом и опустошением г. Владимира после татарского нашествия центр жизни Ростово-Суздальской земли передвинулся на север. Средоточием церковной и общественной жизни края сделался Ростов — древний вечевоу центр волости. Туда, на территорию Ростовского княжества, потянулось, как мы видели, сбитое со своих мест население. И оттуда, со стороны старого Ростова, поднялась в 60-х гг. XIII в. волна вечевоу мятежей против порядков ордынского владычества.

¹ См. Серебрянский, ор. с., тексты, стр. 109; ср., далее: «то половоци дѣти своя ношаху в колыбѣли...» и т. д. Автор, таким образом, полностью очертил территориальные пределы всей «Русской земли»; в пределы описанного им круга входят все русские области XIII в. О существовании в XIII в. (на Северо-востоке) других памятников с подобным же перечислением народов см. И. Н. Жданов, Русский былевой эпос, СПб., 1895; ср. Серебрянский, ор. с., 163—165.

² «То все покорено было богомъ... великому князю Всеволоду, отцю его Юрю, князю киевоу, дѣду его Володимеру и Мана [ма] ху...» (Серебрянский, ор. с., тексты, 109).

ГЛАВА II

Выступление северо-восточных городов (1262 г.) ближайшим образом было направлено против мусульман-откупщиков, появившихся с распространением откупной системы. Наши сведения о Берке-хане (1258—1266) ¹ говорят за то, что с его стороны можно было ожидать скорее поправок по отношению к откупщикам-мусульманам: Берке (первый золотоордынский правитель, принявший мусульманство) имел тесные связи с мусульманами Ближнего Востока; по свидетельству Эльджузджани, он еще в юном возрасте обучался корану в Ходженте. ² Но оказывается, что в данном случае откупщики приезжали не от Берке, не из «Золотой Орды».

Мы видели, что организация сбора налогов с провинций империи, и в том числе с России, по крайней мере частью, непосредственно относилась к деятельности центрального управления, зависела от великого хана (каана), или императора. Признаки этой зависимо-

¹ В. В. Бартольд склоняется к мысли, что Улакчи умер в 1257 г. и что «этот год, вероятно, надо признать годом вступления на престол Беркея» (Лэн Пуль, 191; по Лэн-Пулю, Берке вступил на престол в 1256 г.). Но не правильнее ли принять 1258 г. как год вступления Берке во владение Золотой Ордой, так как в Лавр. л. не только под 1257, но и под 1258 г. говорится о том, что князья в Орде «чтивше Улавчия» (Лавр. 6767 — год мартовский).

² Эломари (египетский писатель первой половины XIV в., занимавший должность секретаря при султানে), который почерпнул свои сведения о Золотой Орде главным образом из личных расспросов лиц, ездивших туда по торговым и дипломатическим делам, передает, что Берке еще при жизни Бату познакомился с исламом в Бухаре и принял новую веру из рук шейха Эльбахерзи (Т и з., I, 245). Но, как узнаем мы из истории Эльджузджани, Берке обучался корану еще тогда, когда достиг «срока обучения и наставления», что обучение происходило в Ходженте и это делалось в согласии с указанием его отца (Джучи). Но и по Эльджузджани, выросши, Берке ездил в Бухару (Т и з., II, рукопись); ср. также показания Рубрука (пер. Маленина, стр. 95); см. также Barthold, Berke (Enzycl. des Islām). О распространении мусульманства при Берке см. Т и з., I, 99, 64, 194 (Бейбарс, Ибнабдезахыр, Эльмуфаддаль). Распространение мусульманства в Золотой Орде нельзя, между прочим, не поставить в связь с культурным воздействием восточных купцов-мусульман, хотя утвердилось оно в Золотой Орде только при Узбеке. Недаром существовал рассказ (придуманый впоследствии), который дошел до Абулгази (XVII в.), что сам Берке познакомился с мусульманством благодаря двум бухарцам торгового каравана; этот караван направлялся в Бухару, и Берке повстречал его, возвращаясь из Сарайчика (A b o ul- G h à s i, Histoire des Mongols et des tatars, p. 181).

сти мы встречаем и в 1262 г.; летопись рассказывает, что в то время в Северо-восточную Россию (в Ярославль?) прибыл от «цесаря татарского Кутлубия», т. е., как можно полагать, от императора Хубилая (1259—1294),¹ «золь сый» мусульманин Титям (Титяк); его «поспѣхом» действовал некто Изосима, также принявший мусульманство, и «творил великую досаду» местному населению; он был убит в Ярославле, по словам летописи, в тот самый момент (в 1262 г.), когда по городам избивали или изгоняли мусульман, откупавших «дани».² Таким образом, откупщики приезжали на Русь в начале 60-х гг. XIII в. от императора монгольской империи, а не от Берке.

В начале 60-х гг. XIII в. в монгольской империи начались смуты — борьба между Хубилаем и Арикбугой,³ золотоордынский правитель Берке, сначала как будто державший сторону Хубилая,⁴ поддерживал Хайду против Алгу, который изменил Арикбуге и перешел на сторону Хубилая в 1262 г.⁵ Эти смуты положили начало отделению «Золотой Орды» от империи. Сведения о событиях в империи должны были быть вскоре получены на Руси.

Какой практический вывод могли сделать на Руси из указанных событий? Деятельность откупщиков на Руси была страшным на-

¹ Об императоре Хубилае см. Jule, The book of ser. Marco Polo, ed. by Cordier, v. I—II, London, 1903; D' O h s s o n, II, 338—505; H. N o w o r t h, History of the Mongols, I, London, 1876, 216—283; B l o c h e t, Introduction à l'Histoire des Mongols, 1910. R. G r o u s s e t, Hist. de l'Extrême-Orient, t. II, Paris, 1929.

² См. Лавр. л., 1262 г. «Томъ же лѣтъ убиша Изосиму преступника, то бѣ мнихъ образомъ точью, сотонѣ съсудъ; бѣ бо пьяница и студословець празднословецъ и кощоньникъ, конечное же отвержеся Христа и бысть бесерменинъ, вступивъ в прелесть лжаго пророка Мамеда (Махмеда); бѣ бо тогда Титямъ приѣхаль отъ цесаря Татарьского, именемъ Кутлубий, воль сый бесурменинъ, того поспѣхомъ оканный лишеникъ творяше хрестьяномъ велику досаду, кресту и святымъ церквамъ поругаяся; егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены, изгнаша, иныхъ избиша, тогда и сего незаконного Зосиму убиша в городѣ Ярославли, бѣ тѣло его ядь псомъ и ворономъ». Ср. Симеон. л.; в Воскр. л.; «бѣ бо того лѣта приѣхаль Титямъ посломъ на Русь отъ царя Татарьского ...» и т. д. В Никон. л.: «и приять поспѣхъ отъ посла царева Титяка». Ср. Устюжское известие 1262 г. в составе Архангелогородской летописи: «занеже умножихася Татарове во всѣхъ Рускихъ, ясащики живуще не выходя». («Летописецъ, содержащий в себѣ Россійскую историю от 6360 до 7106 г.», Москва, 1819, 6770 г. Ср. G a u b i l, Hist. de Gentschiscan et de toute la dynastie... tirée de l'histoire chinoise, p. 140—141 [О Хубилае]).

³ Хубилай и Арикбуга были сыновья Тулуя и внуки Чингис-хана.

⁴ В 1260 г. Арикбуга поставил в улусе Джагатая Алгу, поручив ему охранять границы Кипчака от вторжений иранского князя Хулагу и золотоордынского князя Берке, которые могли двинуться на помощь Хубилаю (Р а ш и д - е д - д и н; D ' O h s s o n, II, 350).

⁵ В 1262 г. Алгу изменил Арикбуге; в 1263 г. Хайду, внук Угедая, поддерживаемый наследниками Батыея, двинулся против Алгу, но был отброшен. На следующий год Арикбуга отдался в руки брата Хубилая; над Арикбугой был произведен суд; Хулагу Берке и Алгу скрепили постановления суда (см. D ' O h s s o n, II, 352—358).

родным бедствием; откупая дань, они «велику пагубу людемъ творили»: тем, которые не могли платить, они давали деньги в рост, а недоимщиков уводили в рабство («роботяще рѣзы ¹ и многы души крестьяньскыя раздно [розно] ведоша»). ² Теперь тот император, который их прислал, вел борьбу со своим соперником. Момент для призыва к восстанию мог быть благоприятным.

Древнерусское городское вече давало уже готовую форму для выражения народных настроений. Выступления городов «Ростовской земли» и вылились, естественно, в форму вечевых волнений: «избави Богъ от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганых, изволиша вѣчь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, ис Суздаля, изъ Ярославля» (Лавр., л. 1262).

Волнения 1262 г. вспыхнули одновременно во многих городах «Ростовской земли». Устюжский летописец (в составе Архангелогородской летописи) свидетельствует, что вечевые выступления начались не только в Ростове, Ярославле и Суздале (по Воскр. л. — и во Владимире), но одновременно и по другим городам: «Въ лѣто 6770 бысть вѣчье на Бесермены по вѣм градом Русским, и побиша Татаръ вездѣ, не терпяще насилья от нихъ». Одновременность в выступлениях многих городов против «бесермен» указывает на известную согласованность их действий. Текст устюжского известия сохранил даже прямое указание на какую-то грамоту, подававшую сигнал к восстанию: «и прииде на Устюгъ грамота от великого князя Александра Ярославича, что Татаръ бити».

Анализ материалов в новом свете показывает отношение Александра Невского к событиям. Если положение в империи позволяло надеяться, что изгнание за пределы Руси откупщиков, присланных от императора, не вызовет карательных мер со стороны татар, присланных из «Золотой Орды», то прикосновенность к делу Александра Невского как инициатора восстания становится вполне правдоподобным. Едва ли грамоты, рассылавшиеся по городам с призывом «татар бити», были подписаны Александром и им рассылались, но участие его в этом деле, отраженное летописью, теперь не представляется нам более плодом народной фантазии. ³ Александр Невский мог первый узнать о событиях, имевших место в монгольской империи, сделать практический вывод из полученных сведений и подать сигнал к восстанию. Ошибаются историки, когда полагают, что в 1263 г. Александр ездил в Орду, чтобы предотвратить кару, ожидавшуюся после восстания: в этом, как мы

¹ «Рѣзь», как известно, значит — рост, процент; ср. выражение — давать «въ рѣззы», «рѣзоимание»; см. И. И. Срезневский, Материалы, III.

² См. Лавр., Воскр., и Симеон. лл. Эта фраза «и многы души крестьяньскыя раздно (розно) ведоша» означает, что откупщики недоимщиков уводили в рабство, как объяснял Щербатов (История России, III, 87), а вслед за ним — Карамзин (История Гос. Росс. IV, 55). Это объяснение подтверждается указанием Карпини.

³ Ср. И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), СПб., 1882, стр. 127.

видели, не было нужды. Сравнительный анализ летописного и житийного материала устанавливает, что причиной последней поездки Невского в Орду являлось не желание предотвратить кару после восстания (об этом нет данных), а происходивший усиленный набор среди русских. ¹

В составе населения Батыева юрта, будущего золотоордынского государства, даже в центральной части его — Кипчака и Нижнего Поволжья — монголы представляли собою сравнительно небольшую группу, и Золотая Орда только условно могла называться татарским государством. «Четырех упомянутых эмиров — писал Рашид-ед-дин на рубеже XIV в. — с четырьмя тысячами войска Чингис-хан отдал Джучихану; теперь большая часть войск Тохты и Баяна суть из рода этих 4-х тысяч, а то, что прибавилось (к ним), состоит из присоединившихся к ним войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и других, да во время междоусобий родичей некоторые из них

¹ В литературе укрепилось ошибочное мнение, будто Александр Невский ездил в 1262 (1262—1263) г. в Орду для того, чтобы предотвратить кару, ожидающуюся после народного восстания, о котором сообщает летопись под 1262 г. См., например, у Соловьева: «понятно, что в Орде не могли спокойно снести этого события, и полки татарские уже посланы были пленить христиан; тогда Александр, чтобы отмолить людей от беды, отправился в четвертый раз в Орду» (История России, т. III, 842); то же у Иконникова — (Опыт русск. историогр., т. II, кн. I, 934); то же у Преснякова: после изгнания «бесермен» из городов великий князь Александр поспешил в Орду к хану, «дабы отмолил люди от бѣды» (Образование великорусского государства, 57). Источником такого толкования служит известие Воскр. л., что Александр поехал, «дабы отмолил люди от бѣды», причем летопись не объясняет, в чем заключалась эта «бѣда». В древнейших церковно-летописных житиях Александра Невского, составленных (по определению Н. Серебрянского) во второй половине XIII или в начале XIV в. с помощью светской биографии князя, написанной вскоре после его смерти, мы находим прямое указание на причины последней поездки Александра в Орду: «Бѣ же тогда нужна велика от поганыхъ и гоняхуть люди, веляхоуть с собою воинствовати Князь же великий Олександро поиде ко царю, дабы отмолил людѣ отъ бѣды, а брата своего моложьшаго Ярослав и сына своего Дмитрея с новгородци посла на западныя страны и по вси полкы своя с ними» (рукоп. Псково-Печ. мон., С е р е б р я н с к и й, 118). Также читаем мы и в редакции жития 2-й Псковской летописи: «бѣ же тогда нужна велика отъ иноплеменикъ и гоняхуть христианъ веляше съ собою воинствовати...» и т. д. (П. С. Р. Л., V, стр. 5). Редакция жития Лавр. л., по составу одинаковая с церковно-летописным житием Псково-Печерского списка, дошла в дефектном виде и обрывается на середине из-за отсутствия нескольких листов в сборнике. Летописно-церковная редакция жития, в той или иной обработке, была впоследствии использована и другими сводами: при сравнении жития Воскр. л. с Соф. 1 л. В. Максикка указал, что в разбираемом нами тексте в Воскр. л. мы имеем сокращение (см. В. М а к с и к к а, Житие Александра Невского, Пам. др. письм. и искусств, CLIII, 1913, стр. 81, 82—83). В составе Воскр. свода в ряду известий, взятых из Новг. л. под 1262 г., знакомый нам житийный рассказ изложен так: «того же лѣта князь великий Александръ восхотѣ поити в орду ко цареви, дабы отмолил люди отъ бѣды, а брата своего меньшаго Ярослава и сына своего Дмитрия посла съ Новгородци на западныя страны, и всѣ плѣкы свои съ ними» (1262 г.). Как видим, автор Воскр. л. выпустил как раз существенные детали в объяснении причин отъезда великого князя в Орду и этим дал повод к неправильному толкованию текста.

ушли туда». ¹ Монгольская армия формировалась из всех покоренных народов. «Они вербуют, — читаем мы о татарах в письме вице-министра миноритов Богемии и Польши, — себе сторонников из побежденных и подчиняют себе, заключая с ними союз». ² Рассказывая о народе «моксель» (т. е. мокшанах, обитавших, приблизительно, в районе б. Пензенской губ.), Рубрук сообщает, что «их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию». ³ Путешествовавший в Поволжье доминиканец Юлиан рассказывает, что большую часть татарского войска составляют степные народы тюркского племени, которые сами себя охотно называют татарами; ⁴ а хроника Матвея Парижского сохранила письмо двух католических монахов, из которого мы узнаем, что, хотя воины монгольской армии и «называются татарами, в войске их много куманов и псевдохристиан (*pessimi christiani*)». ⁵

Собственно монголы составляли в стране административное ядро, играя среди своего войска (чрезвычайно пестрого в национальном отношении) роль дисциплинирующей, организующей силы. По свидетельству Юлиана, монголы ставились начальниками войсковых частей, начиная с десятка, чтобы предупредить измену в армии, набранной из различных поработанных народов. ⁶ В число этих народов вошли, конечно, и русские.

Лаврентьевская летопись рассказывает, что взятого в плен при реке Сити князя Василька Константиновича «нудипа и много проклятии безбожнии Татарове обычаю поганьскому быти въ ихъ воли и воевати с ними». ⁷ При взятии одного города он, по Рогеру, был окружен множеством плененных русских, куманов, венгров и меньшим числом татар; сначала были посланы вперед венгры, а когда их перебили, послали в битву русских, «измаильтян» и

¹ См. Тизенгаузен, II (не изд.); ср. D'O h s s o n, II, 5. О том же говорит и персидская рукопись Муизза: «большая часть войска в Дешт-кипчаке, Сарае и Хаджитархане до Руси и Чернесии происходят от этого народа» (т. е. 4 тысяч); к войску его присоединилось еще много других эмиров, но в подробности имена их неизвестны (Тиз., II, не изд.). По словам путешествовавшего монаха Юлиана, татарское войско, которое надвигалось на Россию, делилось на четыре части (См. *Regesta Bohemiae et Moraviae*, I, 474).

² Mat. Par. Ex Chron. Maior. M. G., т. XXVIII, p. 208.

³ Рубрук, Путеш. в вост. страны, пер. Малеина, стр. 88.

⁴ *Regesta Bohemiae et Moraviae*, I, 474—476. Ср. былинку о Калине-царе, старой записи (в сборн. XVIII в. Кирши Данилова): «а с Калиномъ сылы написано не много не мало на сто версть во все четыре стороны, еще со Калиномъ сорок царей со царевичемъ сорок королей с королевичемъ подь всяким царем силы по три тмы по три тысячи, по праву руку ево зять сидить, а зятя зовут у него Сартакомъ» и т. д. (см. изд. Публ. библ., СПб., 1901, стр. 101).

⁵ Mat. Par. Ex Chron. Maior. M. G., т. XXVIII, p. 208; «*Pessimi christiani*» — псевдо-христиане: так католические монахи называли христиан восточной церкви.

⁶ Wolff, *Geschichte der Mongolen oder Tataren*, Breslau, 1872, стр. 272—273.

⁷ Лавр., 1237.

куманов.¹ Первый набор, таким образом, был произведен среди русских еще в период 1238—1241 гг.

Но опасность мобилизации не исчезла и после возвращения монголов из западного похода. Из истории Киракоса мы знаем, что уже после того, как грузинским князьям (находившимся под властью иранских монголов) были возвращены их владения, их стали «притеснять... податями, требованием рекрутов и постоянными посещениями».² По сведениям Вардана, татары (при Хулагу), выступив в поход против Мартирополя (Неперкерта), взяли «с собою грузинские войска под начальством Авага и Шаханшаха, к которым присоединился также Еликум».³ Это было в 1259—1260 гг.⁴ Как оказывается, и русскому населению в дальнейшем пришлось также подвергнуться попыткам усиленной военной мобилизации.

На исходе 1262 г. войско иранского правителя Хулагу, переправившись через р. Куру, вторглось в кавказские владения Беркехана. Известие о появлении иранского войска вызвало в Золотой Орде большую тревогу. «Когда Берке услышал, — сообщает египетский автор XIII столетия Ибнвасиль, — что войско Хулавуна уже вторглось в страну, он сделал воззвание к войску своему, чтобы сядилса на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду».⁵ Был отдан приказ и о наборе войск среди русских. «Въ же тогда нужда велика от поганыхъ», — читаем в древнейшей редакции жития Александра Невского, — «и гоняхуть люди, веляхоуть с собою воинствовати. Князь же великий Олександр поиде ко царю, дабы отмолил люд отъ бѣды».⁶ Александр «отмаливал люд от беды», под которой разумелась «великая пужа» — попытка Орды «гнать» русских людей «с собою воинствовати»; очевидно, он считал, что для русского народа этот набор будет большим бедствием.

Итак, мы не находим оснований, чтобы решительно отрицать участие Александра Невского в восстании 1262 г. в качестве инициатора этого восстания. Но кто же организовал восстание?

✓ Вечевая деятельность городов «изначала» подчинялась известной организации. Ростов был старый вечевой центр волости, когда-то оказывавший пригородам даже военную защиту, посылавший в при-

¹ Wolff, op. c., 331.

² Из истории Киракоса (Патканов, История монголов по армянским источникам, в. II, стр. 39).

³ Из истории Вардана (Патканов, op. c., в. I, 35).

⁴ См. История монголов инока Магакии, XIII в. (Патканов), стр. 29 и примеч. 51; D'Ohssoп, III, 353—357. Позднее, в XIV в., согласно указаниям Юань-ши, мы встречаем военные части, сформированные из русских, в Китае; так, например, в 1330 г. был образован русский гвардейский отряд (см. E. Bretschneider, op. c., II; А. И. Иванов, Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши, СПб., 1914, стр. 9—10); ср. А. И. Иванов, История монголов (Юань-ши), об асах-аланах (Христианский Восток, т. II, в. III, СПб., 1914, стр. 281—300).

⁵ Ибнвасиль (Тизенгаузен, I, 74).

⁶ Житие Александра Невского по рукописи Псково-Печерского монастыря, XV в. (Сербянский, op. c., стр. 118).

города посадников и выносивший вечевые постановления, к которым должны были присоединяться в своих решениях вечевые сходы младших городов: «на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть» (Лавр., 1176); только новый, сравнительно, город Владимир незадолго до татарского нашествия оспаривал у Ростова право на положение земского центра. Но теперь, когда Владимир был разгромлен и опустошен и более не существовал как многолюдный город и как вечевой центр края, когда часть населения ушла на север, как раз в район Ростовского княжества, Ростов только и мог, в силу старой традиции, стать руководителем выступлений северо-восточных городов. Из текста летописного известия под 1262 г. можно понять, что именно из Ростова поднялась волна вечевых восстаний; встал Ростов, а вслед за ним и другие города «Ростовской земли». Дальнейшие известия, конца XIII и начала XIV вв., действительно, не оставляют сомнения в том, что старый Ростов сделался настоящим очагом народных, вечевых восстаний.

Известия о волнениях в Ростове, проскользнувшие в летописный текст, носят случайный характер и сообщают о событиях глухо и осторожно. Из Ростовской владычной летописи, отразившейся, между прочим, в Типографской, Академической и Воскресенской летописях, мы случайно узнаем о вечевой вспышке в Ростове в 1289 г., о которой умолчал составитель великокняжеского свода (ср. Симеон., Лавр. лл.). «Того же лѣта, — читаем в Типографской летописи, — князь Дмитрий Борисович сѣде в Ростовѣ. И умножися тогда Татарь в Ростовѣ и гражане сътвориша вѣчие, изгнаша ихъ, а имѣние ихъ разграбиша» (1289). Под 1315 г. летопись осторожно сообщает о том, что татарские послы Тайтемерь, Махрожа и Инды были в Ростове и «много зла створиша»; то же повторилось и на следующий год; еще опустя два (три) года из Орды была (вновь?) прислана какая-то карательная экспедиция: «приеха Конча в Ростов и много зла створи и церковь святыя Богородицы пограби и вси церкви и монастыревѣ и села и люди плѣпиша» (Акад., 1318). Наконец, под 1320 г., — к сожалению, в лаконической заметке, — летописец прямо говорит о новом вечевом восстании: «быша зли Татаровѣ в Ростовѣ; и собравшеса людие, изгониша их из града» (Акад. л.).

По примеру Ростова подымался и ближайший к Ростову пригород Ярославль; возможно — и другие пригороды на территории Ростовского княжества. Мы знаем, например, что ярославцы не пожелали однажды впустить в город «царева посла» и принимать на стол Федора Ростиславича: «посол же поиде на Русь отъ царя къ граду Ярославлю, и прииде к граду с силою, и хотяше внити во градъ. Они же посла царева не послушаша и его не прияша на стол его». ¹

¹ Вел. Четию Минеи, собр. митр. Макарием, сентябрь, изд. Археогр. ком., СПб., 1869, стр. 1265. Ср. о князе Федоре Ростиславиче и о г. Ярославле (Симеон., 1293); ср. «вѣчие на Костромѣ» в 1305 г. (Симеон., 1305); ср. Симеон., л., 1283 г.

Каким же слоям населения были обязаны эти восстания против татарского владычества? Ряд конкретных указаний материала позволяет думать, что боярство или с самого начала не играло руководящей роли в восстаниях или со временем перешло на сторону Орды (поездки боярства вместе с князем в Орду, отдача ханом «бояр-русь на послужение» князю, возвращения из Орды в Ярославль князя с татарами и боярами и усмирение восставшего города).¹ С другой стороны, баскаческой организацией на Руси руководила монгольская военно-феодалная аристократия (темники, тысячники, сотники в роли баскаков), согласно добытым нами данным (см. гл. I). На вопрос, каким слоям населения были обязаны восстания против татарского владычества, мы можем ответить только догадками. Данные о восстании в Твери (против Шевкала) 1327 г., разразившемся в праздничный день, когда, очевидно, в городе (на «торг») стекалось много народу («в полоутра как торгъ сънимается»), не исключает возможности, что в восстании принимали участие окрестное крестьянство, мелкое и среднее купечество и низшие слои городского населения.² Собранные нами показания материала приобретают особенно важное значение, во-первых, как мы говорили, в сопоставлении с выводами нашего исследования о том, что делом угнетения непосредственно руководила на Руси монгольская военно-феодалная аристократия (в положении баскаков), а во-вторых, на ряду с указаниями, относящимися ко времени Дмитрия Донского, о воле низов населения к борьбе с татарами. Мысль о сопротивлении Тохтамышу не была поддержана (во всяком случае — единодушно) князьями и боярами.³ И, вместе с тем, летопись рассказывает, что происходило в Москве, брошенной великим князем перед осадой ее Тохтамышем в 1382 г. Тохтамыш приближался к городу. Великая княгиня и митрополит хотели покинуть город. Собирались покинуть город и многие другие — повидимому, преимущественно бояре, лица близкие ко двору. Желание «въ градъ сѣдѣти», бороться с Тохтамышем высказывали, повидимому, не боярство, а преимущественно низы населения. Летопись прямо говорит, к каким слоям населения перешла власть в городе: они «ниже боярь великихъ устрашишася» и запрещали бегущим выезд, даже убивали их, а имущество «взимаху».⁴

Поскольку откупщики приезжали от императора, из Монголии,

¹ Подтверждением такого положения служит также роль боярства в аналогичных или сходных событиях на севере, в Великом Новгороде; я разумею различие в позициях высших слоев населения и «черни» в Великом Новгороде в 1259 г., что было уже отмечено М. Н. Покровским, отождествлявшим «горожан» в вечевых восстаниях (по другим городам) с «демократическими элементами веча» (Русская история, т. I).

² О восстании в Твери см. в гл. III, ниже.

³ В результате совещания с боярами и другими князьями Донской «не ста на бои противу царя»; помимо оскудения земли после Мамаева побоища материал прямо указывает на «разньство и разпрю» в князьях, в боярах Донского и во всех «воинствах» его (Никон., 1382).

⁴ Никон., 1382.

а зависимость Золотой Орды от имперского центра как раз в это время начала фактически порываться, восстания 1262 г. могли остаться безнаказанными. Но они открыли, как мы видели, ряд восстаний против порядков ордынского владычества во второй половине XIII и нач. XIV в. Очагом восстаний был Ростов, исконный вечерней центр волости. Волнения не могли не вызвать энергичных мероприятий со стороны Золотой Орды в отношении к Ростову, и именно к Ростовскому княжеству как к очагу народных волнений. Эти мероприятия в пределах Ростовского княжества прежде всего, конечно, должны были выразиться в усиленной организации баскаческого «охранения». ¹

При изучении географической номенклатуры центральных губерний России исследователю бросается в глаза один примечательный факт. В то время как в других губерниях Центральной России мы встречаем только по одному, по два или, самое большое, по три селения с названиями Баскач или Баскаки, или Баскаково, в пределах Ярославской губернии, занимавшей как раз (большую часть, повидимому не всю) территорию Ростовского княжества, мы встречаем десять селений с названием Баскаково, Баскачево, Баскач. ² Если мы нанесем на карту указанные селения, то увидим, что два из них лежат недалеко от самого Ростова (в б. Ростовском у.), а остальные составляют цепь, которая проходит через территорию Ростовского княжества. Примыкая к селению Баскаково, б. Тверской губ., Кашинского у. (на Угличском тракте), эта цепь проходит через всю б. Ярославскую губ., пересекая б. уезды Угличский, Романово-Борисоглебский, Даниловский и Любимский, причем продолжение ее на северо-востоке составляет с. Баскаково, б. Вологодской губ., Грязовецкого у., лежащее недалеко от границы б. Ярославской губ., и с. Баскаково, Тотемского у., по правую сторону р. Сухоны, т. е. в направлении к Устюгу; ³ оба селения, повидимому, тоже не выходят за пределы территории Ростовского княжества; можно думать, что на территории Ростовского (точнее — Белоозерского) княжества лежат также с. Баскаки, Новгородской губ., Череповецкого у., на реке Шексне, и с. Баскаки при р. Баскаковке, Весьегонского у. ⁴ Это явление совершенно невозможно объяснить случайностью. Перед нами, надо думать, следы усиленной концентрации баскаческих отрядов в районе Ростовского княжества.

Мероприятия, связанные с усилением баскаческого «охранения» в пределах Ростовского княжества, не могли, однако, сами по

¹ Под Ростовским княжеством мы разумеем в данном случае территорию, перешедшую к сыновьям и внукам Константина Всеволодовича (Ростов, Белоозеро, Углич, Ярославль, Устюг, Мологу); ср. выше. Ср. Э к в е м п л я р с к и й, Великие и удельные князья..., II.

² См. Список насел. мест Ярославской губ. (L) по сведениям 1859 г., СПб., 1865, Д. у. № 1319, 1524, 2039; Л. у. № 2324; Р. у. № 6853, 6711; У. у. № 8823, 9333; Р. у. № 7420, 7825.

³ См. Список насел. мест Вологодской губ., № 3628, 9049.

⁴ См. Список насел. мест Новгородской губ., в. IX, изд. 1912 г.; Список насел. мест Тверской губ. (XLIII), СПб., 1862, № 2126.

себе уничтожить самый источник «непокорства», коренившийся в укладе местных отношений. Выполнение такой задачи требовало проведения какой-то политической программы. Поскольку баскаки действовали, как мы видели, совместно с князьями, надо было сделать местных князей в полной мере татарскими «служебниками»; поскольку непосредственным источником «непокорства» были вечевые выступления, надо было оторвать князей от местной бытовой почвы, сблизить с Ордою и этим самым в значительной мере обезвредить эти выступления и, наконец, использовать князей для борьбы с непокорными. В основе своей прием этот не был новостью в политической практике монголов. Мы знаем, например, что когда грузинский князь Аваг был вызван ко двору каана, последний оказал ему радушный прием и, женив на татарке, отправил восвояси; «при этом, — свидетельствует Киракос, — он писал своим полководцам возвратить Авагу его владения и посредством его стараться подчинить людей строптивых, что и случилось впоследствии». ¹ Этот прием — действовать через местных князей — который в основе своей не был новостью в политической практике монголов, по отношению к Ростовскому княжеству, в виду указанных обстоятельств, получил особенное значение с точки зрения ордынских интересов; вопрос о поведении ростовских князей несомненно имел для Орды весьма важное значение.

Начиная с 60—70 гг. XIII в., как мы наблюдаем, ростовских князей ставят в совершенно исключительное положение; на них направляется усиленное внимание Орды. ² Прежде всего мы видим, что, начиная с 60-х гг. XIII в., в Волжскую Орду из Северо-восточной России приезжают почти исключительно князья ростовские, да и верный союзник князь Андрей Городецкий. О поездках последних мы имеем следующие данные. Под 1268 г. Симеоновская летопись сообщает, что Глеб Василькович Ростовский приехал «ис Татар», причем умалчивает об его отъезде. Случайно узнаем, что в 1271 г., во время похорон вдовы Василька, Глеб был в Орде: «а Глѣбу тогда сущу в Татарѣхъ (Симеон. л.), что в 1277 г. ходил в Орду князь Борис «с княгинею и с дѣтми». Глеб Ростовский с сыном Михаилом, князь Федор Ростиславович и Андрей Городецкий и что князь Борис разболелся в Орде и там умер; наконец, что в 1278 г. князь Глеб Василькович послал «въ Татары» Михаила Глебовича «съ сватомъ своимъ Феодоромъ Ростиславичемъ» (Симеон. л.).

¹ Из истории Киракоса (П а т к а н о в, История монголов по армянским источникам, в. II, 39).

² В близкое соприкосновение с Ордой ростовские князья вошли и ранее, особенно в годы, когда предпринималась перепись. В 1256 г. Борис Ростовский ездил «в Татары» (Лавр. л.); в 1257 г. Борис вместе с Александром Невским и Андреем вновь поехал в Орду; в тот же год Глеб Василькович вернулся из Монголии (Лавр. л.); это был год переписи на Северо-востоке; в 1258 г. Борис вместе с Александром Невским, Андреем и Ярославом Тверским поехали «в Татары»; в тот же год Борис и Глеб вернулись в Ростов; в этом же году Борис вместе с Александром Невским и Андреем сопровождали численников в Новгород (Лавр. л.)

В дальнейшем летопись сообщает, что в 1289 г. Константин Борисович Ростовский (Акад. л. — сп. Моск. дух. акад.), а также Дмитрий Борисович Угличский ходили в Орду к царю «и с женами своими; царь же держаше их во чти» (Никон. л.); что в 1293 г. в Орду поехали Константин Борисович, Дмитрий Борисович, Иван Дмитриевич, Михаил Глебович, Федор Ростиславович, Андрей Городецкий и епископ Тарасий Ростовский (Никон., Акад. лл.), что в том же году Михаил Глебович скончался в Орде «и принесенъ бысть в Ростовъ» и что в 1307 г. в Орде застала смерть и Константина Борисовича (Акад. л.). Вместе с тем, как оказывается, их все более и более связывают с Ордой узы родственных отношений. Еще в 1257 г. Глеб Васильевич по возвращении из Монголии «оженися в ордѣ» (Лавр. л.). Об его племяннике Константине Борисовиче Ростовском мы узнаем, что он «оженися въ ордѣ у Кутлукорты» (Акад., 1302), о Ростовском князе Федоре Михайловиче тоже отмечено, что он «оженися» в Орде «у Вельбласмыша» (Акад., 1302). Наконец, на дочери Менгу-Тимура, согласно тексту житийного рассказа, был женат князь Федор Ростиславович Ярославский. Дальнейшее изучение материала показывает, что отношения ростовских князей с Ордою приобрели большую прочность, коренившуюся в политическом характере их содержания.

Важным источником для выяснения истории отношений между Ордою и ростовскими князьями служит житие Феодора Ростиславовича Ярославского в редакциях конца XV и XVI вв. — Антониевой (Вел. Четии Минеи, сентябрь) и Степенной книги: обе редакции использовали однородный источник, какой-то новый летописный материал, представляющий для историка существенный интерес.¹ Нет ничего удивительного, что в ранних редакциях жития Феодора Ростиславовича, составленных в XIV в. (Проложное житие), не упоминалось о близких связях князя с Ордою: поскольку была свежа еще ненависть к татарам, подобные факты его биографии могли только скомпрометировать покойного в глазах населения, и их приходилось замалчивать.² Но составители редакций конца XV и XVI вв. привлекли не дошедший до нас летописный памятник, где были рассказаны события его жизни, как раз связанные с Ордою. В тексте второй из этих редакций мы находим и прямое указание на новый источник житийного рассказа: «о немъ же свѣдетельство имать въ лѣтописаниихъ»;³ повидимому, в руках у составителей упомянутых редакций конца XV и XVI вв. была какая-то местная ярославская летопись. Сведения этого источника попали в житийный рассказ в несколько сокращенном виде, и отношения между князем

¹ В. О. К л ю ч е в с к и й, Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 172—173; Н. И. С е р е б р я н с к и й, ор. с., 222—234.

² Ср. текст проложной редакции жития Александра Невского (С е р е б р я н с к и й, ор. с., тексты, 90—92).

³ См. Книга Степенная царского родословия (П. С. Р. Л., т. XXI, ч. I), СПб., 1908, изд. Археогр. ком., стр. 307.

и ханом получили освещение, выгодное для князя. Тем не менее основной фактический материал житийного рассказа вполне согласуется с показаниями летописных сводов и укладывается в рамки летописных известий, дополняя их и поясняя. Во-первых, по тексту жития, Федор Ростиславович получил Ярославль в согласии («сообщениемъ») с ростовскими князьями Борисом и Глебом. Из летописей (Лавр., Симеон., Акад.) мы также знаем, что уже в 1276 г. Федор Ростиславович был ярославским князем и что, находясь в отношениях свойства с Глебом Васильковичем (был его «сватом»), слушался последнего или, во всяком случае, действовал в согласии с ним (в 1278 г. Глеб «посла сына своего в Орду съ сватомъ Федоромъ Ростиславичем» (Симеон. л.). Во-вторых, по тексту жития, Федор Ростиславович жил продолжительное время в Орде, и хан приблизил его к себе. По данным летописей, близость князя к Волжской Орде также не подлежит сомнению (в 1278 г. он принимает участие в походе на Кавказ с войсками Менгу-Тимура; в октябре идет в Орду для участия в новой войне; в 1281 г. вместе с татарами делает набег на Переяславль). После 1281 г. и вплоть до 1293 г. летопись о нем ни разу не упоминает, и весьма возможно, как предполагает А. В. Экземплярский, что к этому периоду относится то продолжительное пребывание князя в Орде, о котором рассказывает житийный текст.¹ В-третьих, по тексту жития, Федор Ростиславович пользовался большим расположением ханши; по ее настоянию, между прочим, состоялся его брак с ханской дочерью (после смерти первой жены князя), и от этого брака у него был сын Давид; сын же от первой жены умер при жизни князя. Из летописи мы также знаем, что после смерти Федора Ростиславовича остался сын Давид, княживший в Ярославле. В-четвертых, по тексту жития, г. Ярославль стал враждебно относиться к князю и не хотел его принимать. С помощью татар он вновь сел в Ярославле, причем оппозиция князю в городе была подавлена татарским войском. Летопись тоже свидетельствует, что в 1293 г. Федор Ростиславович пришел из Орды вместе с «Дюденовой ратью», опустошившей северо-восточные города, и затем, по словам древнейших сводов, сел «на Ярославли» или «сѣдѣ на княжение въ Ярославли» (ср. Лавр., Симеон., Акад. лл., 1293—1294); как видим, из летописи также явствует, что г. Ярославль был князем Федором временно утерян; с другой стороны, летописные известия также обнаруживают, что в Ярославле имели место вечевые выступления (ср. Лавр., Симеон. и др. лл., 1262 и 1322 гг.). Таким образом, тот новый фактический материал о ростовских князьях, который дает нам житие Федора Ростиславовича в редакциях Антониевой и Степенной книги, вполне согласуется с теми сведениями, которые сообщают дошедшие до нас летописные своды.

Другим важным источником для истории отношений между Ордою и ростовскими князьями служит повесть об ордынском царе-

¹ А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, СПб., 1891, стр. 78.

вече Петре. По исследованию В. О. Ключевского, она написана не позже половины XIV в., и ее составитель «жил не слишком далеко от начала XIV в.» «Легенда, — по словам того же исследователя, — остается довольно прозрачной и плохо закрывает действительные события, послужившие для нее основой». ¹ Поскольку этот рассказ принадлежит современнику «Ахмыловой рати» (1322 г.), он представляет собою исключительную ценность как материал для истории отношений между Ордой и Ростовским княжеством в XIII и в начале XIV в. Изучение указанных источников, наряду с летописными, а также материалом золотоордынским, вскрывает истинный характер и смысл отношений между Ордою и Ростовским княжеством.

Прежде всего Ростовские князья не только должны были часто приезжать в Орду, но и подолгу там оставаться. Федор Ростиславович, как мы видели, несколько лет подряд провел в ставке Менгу-Темура. Некоторые из ростовских князей умерли в Орде; так, смерть застала в Орде Глеба Васильковича, Михаила Глебовича, Константина Борисовича. В Орду они отправлялись обычно «со своими мужи» или «с бояры и со слугами своими». «Живущимъ же имъ у царя во Ордѣ, — рассказывает о ростовских князьях Никоновская летопись под 1278 г., — великому князю Глѣбу Васильковичю Ростовскому... з братаничемъ своимъ со княземъ Константиномъ Борисовичемъ и со княземъ Феодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ... и со княземъ Андрѣемъ Александровичемъ... и со иными многими князи и з бояры и со слугами своими, и возхотѣ царь Менгу-Темирь ити на войну, и повелѣ княземъ всѣмъ преже речешнымъ и з бояры своими и съ слугами наряжати с нимъ». ²

В Орде ростовских князей, в той или иной мере, приближали к ханскому двору. Некоторые из них могли удостаиваться высокой чести. Мы знаем, например, из Жития Федора Ростиславовича, что сначала царь «всегда повелѣ ему предстояти у себе и чашу отъ руку его примаше» (или он «всегда у царя предстояше и чашю подаваше ему»). ³ Поднесение чаши «царю» и принятие чаши царем «отъ руку» было знаком большой чести в придворном быту хана; позднее выработался даже особый ритуал ханского питья: поднесение чаши во время «царской» трапезы сложилось в сложную церемонию, описание которой сохранилось у Ибнбатуты. ⁴ По

¹ В. О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития..., стр. 41—42.

² Никон., 1278; Симеон., 1277.

³ Степенная книга; Вел. Четии Минеи, сентябрь 1265.

⁴ «Когда султан захочет пить, то дочь его берет кувшин в руку, присягает и потом подает ему кувшин. Он пьет, а затем она берет другой кувшин и подает его старшей хатуни, которая пьет из него. Потом она подает (его) остальным хатуням по старшинству их. Затем наследник престола берет кувшин, кланяется и подает его отцу, который пьет (из него), потом подает хатуням и (наконец) сестре, кланяясь всем им. Тогда встает второй сын, берет кувшин, угощает брата своего и кланяется ему. Затем встают старшие эмиры; каждый из них подает пить наследнику престола и кланяется ему. Потом встают царевичи и каждый из них подает пить этому второму сыну и кланяется ему. Затем встают младшие эмиры и подают пить царевичам» (Т и в., 1, 300).

сведениям того же жития, после женитьбы князя Федора на ханской дочери, царь «всегда противу себе седѣти повелѣваше ему» (или «повелѣ ему садитися противу себе»).¹ Это тоже было признаком высокой чести: у монголов распределение «мест» за столом (или за столами) подлежало особому распорядку и имело особенное значение.²

Положение ростовских князей как «служебников» хана, в ревностной службе которых ханская ставка была весьма заинтересована, обуславливало тот радушный прием, то внимательное отношение, которое они встречали, и ту честь, которую им оказывали в Орде; но то же положение их как ханских служебников ставило и определенные границы близости ростовских князей к ханскому двору. Сами ростовские князья подчеркивали усердную «службу» свою татарам.³

Летопись неохотно сообщает о походе татар в 1275 г. на Литву с участием «русских князей»; поход этот, между прочим, сопровождался опустошением тех русских земель, через которые проходили ордынские войска, а успех похода был более чем сомнительным;⁴

¹ Степенная книга; Вел. Чети Миней, сентябрь, стр. 1260.

² Ср. у Киракоса описание приема кн. Авага у Чармагана (XIII в.): «Как только Чармаган его увидел, то спросил: «Ты Аваг»? Тот отвечал: «Я самый». Военачальник спросил: «Что же ты не пришел ко мне, когда я вступил в твои пределы»? Князь отвечал: «Когда ты был вдали, отец мой, бывший тогда в живых, служил тебе большими приношениями. После смерти отца моего я служил тебе по моему состоянию. А теперь, как только ты прибыл в страну мою, я явился к тебе. Делай со мной, что тебе заблагорассудится». На это военачальник: «Говорится в пословице: подошел я к окну, ты не вышел ко мне, подошел я к двери, тогда только ты вышел». И он приказал ему сесть ниже всех вельмож, сидевших перед ним. В то же время он устроил пир в честь князя». И далее: «На другой день он посадил его выше многих вельмож, и так с каждым днем он оказывал ему более почета» (Патканов, ор. с., в. II, 33—34).

О Чармагане см. выше, стр. 20, прим. 1. Ср. у Ибнбатуты (посетил в XIV в. Золотую Орду — ставку Узбена во время кочевки). «Направо от трона поставлено сидение, на котором сидит Тинабек (старший) сын султана, а налево сидение, на котором сидит Джани-бек, второй его сын. Поставлены справа и слева еще другие сидения, на которых сидят царевичи эмиры старшие, а потом эмиры младшие, например тысячники, т. е. командующие тысячью человек» (Т и в., 1, 300).

Ср. «местную грамоту» кн. Дмитрия Константиновича 1368 г. в рукоп. XVIII в. (Моск. арх. мин. ин. дел. № 822, л. 57—59); ср. список в Истории России Соловьева (XX, приложение), где указывается, в каком порядке сидеть его боярам (ср. К л ю ч е в с к и й, Указская Дума, стр. 118 и прилож. V); ср. Н. А. К о р к у н о в, Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким XV в. (Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. V, в. VII, СПб., 1857, стр. 351—366).

³ Симеон., 1278.

⁴ «Того же лѣта ходиша Татарове и Рустии князи на Литву, не успѣвши ничтоже, възвратишася назадъ. Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христианомъ, идуще на Литву, и паки назадъ идуще отъ Литвы того злѣе сътвориша, по волостемъ, по селомъ дворы грабяще, кони и скоты и имѣние отъемлюще, и гдѣ кого стрѣтили и облуж-

мы не знаем даже, кто из русских князей в нем участвовал. Другое дело — поход (Менгу-Тимура) на Кавказ 1278 г.; великокняжеский свод — повидимому, по тексту ростовского известия — рассказывает о нем подробно и охотно: «князь же Ростовский Глѣб Василковичъ с братаничемъ своимъ съ княземъ Константиномъ, князь Феодор Ростиславичъ, князь Андрѣй Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поѣхаша на войну с царемъ Менгугемеромъ, и поможе Богъ княземъ Русскимъ взяша славный градъ Ясскый Дедяковъ, зимѣ мѣсяца феврала въ 8, на память святого пророка Захарии, и полонѣ и корысть велику взяша, а супортивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгоша. Царь же почтивъ добрѣ князей Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ многою честью, каждо въ свою отчину». ¹ Глебу Васильковичу, как узнаем мы из последующего рассказа, позволили даже привести с собою в Ростов «полонѣ многъ»: очевидно, яских (т. е. осетинских) пленников (Симеон., 1278: «князь Глѣб Василкович Ростовский приѣха ис Татаръ, бывъ на войнѣ съ сыномъ своимъ Михаиломъ и съ сыновцемъ своимъ Костянтиномъ, приведе съ собою полонѣ многъ, приѣха въ свой градъ Ростовъ въ чести велицѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ, мѣсяца иуня въ 12, на паять святого отца Ануфрия пустытника, и бысть радость велика въ градъ въ Ростовѣ») в том (1278) году, когда Орда снова начала военные операции, Глеб Василькович отправил на войну своего сына вместе с своим «сватом» Федором Ярославским. ²

Но в качестве ханских «служебников» ростовские князья не могли при дворе царя равняться с потомками царского «корени». Так, в конце XIII века ростовские князья, по «Житию» царевича Петра, жили, «зазирающе Петровымъ дѣтемъ, еже въ ордѣ выше ихъ честь принимаху». ³ Между князьями не только ордынскими, но и русскими шло, возможно, соревнование в том, кто из них будет «выше честь принимать в Орде». Даже потомки тех ордынских

пивше нагого пустячь, а около Курска и кострове ляннии въ рукахъ потерли, и всюды и вси дворы, кто чего отбѣжалъ, то все пограбиша погани, творящеса на помощь пришедше, обрѣтошася на пакость. Се же написахъ памяти дѣля и ползы ради» (Симеон., 1275).

¹ Симеон., 1277. Вместе с ростовскими князьями, как видим, идет еще их постоянный союзник князь Андрей Городецкий; под «иными князьями» летописец прежде всего, вероятно, подразумевает тех ростовских же князей, об участии которых в походе мы узнаем из последующего рассказа (сынъ Глеба — Михаил и Константин). Во всяком случае, на основании летописного материала можно установить, что великий князь Дмитрий Александрович в походе Менгу-Темира на Кавказ участия не принимал (Симеон., 1277; Новг. I и Новг. IV, 1277—1278; Карамзин, Ист. Гос. Росс., т. IV, примеч. 159); вероятно, что и ряд других «низовских» князей в походе Менгу-Темира не участвовали; нам известно, что в это время был организован поход новгородцев вместе с «суздальцами» (или с «низовцами») на корелу (Симеон., 1277; Новг. I: «князь Дмитрии с Новгородци и со всею Низовскою землею казни Корѣлу...» и т. д.).

² Симеон., 1278.

³ См. текст повести; Православный собеседник, 1859, ч. I, стр. 372.

князей («царского» происхождения), которые обосновались в России и крестились, судя по тексту повести, принимали в Орде выше честь, чем князья русские.¹

Тем не менее в качестве «служебников» хапа ростовские князья, можно думать, могли и сами, по воле хана, получать бояр и даже князей «на послужение». «Житие» Федора Ярославского в древней части своего текста сохранило нам драгоценнейшее указание на подобные попытки со стороны Менгу-Тимура поставить или утвердить некоторых князей и бояр в положение служебной зависимости по отношению к Федору Ярославскому: «ему же, читаем в житии, вдасть князи и боляре русь на послужение». ² Само выражение «князи и боляре русь» указывает на древность текста. «Русь», в данном случае, противопоставляется татарам или «бесурменам», как мы встречаем и в Лаврентьевской летописи, в тексте конца XIII в. «Два бесурменина ис свободы в другую свободу, а Руси с нима боле 30 человекъ» и далее: «... а Руси избилъ 25 и 2 бесурменина» (см. рассказ о баскаке Ахмате, Лавр., 1284).

К себе на родину ростовские князья, «служебники» хана, приезжали в значительной мере отатарившиеся, принося с собою атмосферу ордынских интересов. Вслед за ними в Ростовское княжество стала наезжать ордынская знать, может быть близкая к ним по служебным или родственным связям. Эти татарские «вельможи» оседали в пределах Ростовского княжества и даже получали, по видимому, тем или иным путем от ростовского князя во владение земли. Нам известно, например, что, в то время как принявший христианство ордынский царевич Петр получал от Ростовского князя (Бориса?) «грамоты» на «множество земли отъ езера воды и лѣсы», в Ростове жили уже ордынские вельможи: «князь же помимъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, бѣша бо тогда в Ростовѣ ординьстии вельможи». ³ «Уже при жизни царевича Петра, — пишет Ф. И. Буслаев, — заметно со стороны ростовского князя противодействие татарскому элементу, пускавшему свои корни в Ростове. Князь сначала не дает Петру земли, а потом продает ее за самую дорогую цену и только тогда перестает питать к нему подозрение, когда женил его и таким образом сделал его оседлым в Ростове; наконец, подружился с ним, и дружба их обоих была освящена обрядом побратимства». ⁴

¹ Напомним одну любопытную черту в истории московского местничества, хорошо известную нашей историографии: «азиатские безземельные (служилые) цари и царевичи были в распорядке местничества (как общее правило) выше всех древних боярских и княжеских родов» (см. Маркевич, О местничестве, Киев, 1879, стр. 597; Д. Валуев, Сибирский сборник, М., 1844, стр. 29). О приходивших в Москву или пленных татарских царях и царевичах, иногда крестившихся, считавшихся выше бояр, см. Маркевич, История местничества, Одесса, 1888, стр. 178; ср. стр. 184—185, 223.

² Вел. Четию Минеи, сентябрь, стр. 1266.

³ См. текст повести, Православный собеседник, 1857, ч. I, стр. 370.

⁴ Ф. И. Буслаев, Др.-русс. нар. лит. и иск., СПб., 1861, т. II, стр. 168.

Чем более ростовские «служебники» хана сближались с Ордою, тем легче и успешнее они могли быть использованы у себя на родине татарами в интересах ордынского владычества и в конечном счете — для борьбы с «непокорными». Еще в 50—60 гг. XIII в., как выясняется из одного княжеского жития, составленного в Ростове по поводу построения новой церкви, ростовские князья Борис и Глеб и мать их Мария, воздвигая церковь во имя замученных в Орде Михаила Черниговского (деда их по матери) и боярина Федора, обращались с просьбой к «мученикам» помолиться об избавлении «от нужа сия поганыхъ («...мирно державу царствия ихъ оуправити на многа лѣта и отъ нужа сия поганыхъ избавити»¹). Но мало-помалу ростовским князьям все более и более приходилось входить в роль ревностных служебников хана, и уже в 70-х гг. XIII в. они вынуждены были выступить с официальным оправданием и политическим осмыслением своей деятельности; это «оправдание» прямо ставило в заслугу князьям их ревностную службу ханам и выдвигало мотив этой службы — защиту населения от татарских «обид»: «сесь отъ уности своея, — читаем в Симеоновской летописи после сообщения о смерти Глеба Васильковича, жившего «отъ рожения своего лѣтъ 41», — по нахождении поганыхъ Татаръ и по плѣнении отъ нихъ Русскыя земля, нача служити имъ и многи христьяны, обидимыя отъ нихъ, и збави и печальныя утѣшая, брашно свое и питие нещадно требующимъ подавая» (Симеон., 1278). Но уже в конце XIII в. ростовские князья не смогли бы выступить и с таким «оправданием» своей деятельности. Когда (в конце XIII и в начале XIV в.) в Ростове и в Ростовском княжестве начались новые волнения, ростовские князья принуждены были выступить на стороне тех, кто оружием подавлял сопротивление города ордынскому владычеству в Ростовском княжестве и искоренял вечевые навыки старого Ростова. После восстания ярославцев (они не приняли Федора Ростиславовича, а затем отказались исполнить требования ордынского посла), согласно рассказу «Жития» Федора Ярославского, князь пришел «изъ Орды отъ царя къ граду Ярославлю с силою великою воинства своего и гражане же вдапаша за него». Город был «взятъ». Вместе с князем Федором пришли «многы силы Русские земли, князи и боляре, множество людей душъ христьянских, и царева двора прииде с нимъ множество татар, и кои быша были ему обиды отъ гражанъ и онъ же царевымъ повелѣниемъ мести обиду свою, а татаръ отпусти в свою землю в Орду съ честью великою къ царю.² Подобные же события должны были разыгрываться с особенной силой и в старом Ростове. Отголоски их сохранила даже летопись. В 1289 г., например, в Ростов прибыл князь Дмитрий Бо-

¹ См. ростовскую редакцию сказания о князе Михаиле Черниговском (Серебрянский, *ор. с.*, тексты, стр. 51); см. Серебрянский, *ор. с.*, исследование, стр. 110—111.

² Вел. Четию Минеи, сентябрь, стр. 1266—1267.

рисович; летописец ставит в непосредственную связь с прибытием в Ростов князя Дмитрия Борисовича — «умножение» татар, вечевое восстание и попытку изгнания татар из города (Воскр. и Типогр. лл.), наконец, в 1318 г., по сведениям того же свода, татарских послов, присланных в Ростов из Орды и «створивших» в городе «много зла», сопровождал князь Василий Константинович (Типогр. и Акад. лл.).¹

Политика Орды по отношению к Ростовскому княжеству была сопряжена, как видим, с сознательным вмешательством монголов во внутренний политический распорядок северо-восточного края. Это вмешательство вело за собою существенные последствия. Во-первых, вмешательством во внутреннюю политическую жизнь северо-восточного края Волжская Орда создала себе в северных провинциях прочную базу на территории именно Ростовского княжества и приобрела себе послушных союзников и верных вассалов в лице ростовских князей. Во-вторых, было окончательно уничтожено значение Ростова как старого вечевого центра всей Ростово-Суздальской волости и задавлена вечевая жизнь в городах Ростовского княжества. В-третьих, наконец, из Ростовского края от ордынских властей и под страхом разорения от татарских ратей, приходивших с юго-востока, население разбегалось и сбивалось на западные окраины Северо-восточной Руси.² Западные источники дают представление о том, какое передвижение населения, какую массовую эмиграцию вызывало появление татарских отрядов в XIII в.³ Ростов, как мы видели, во второй половине XIII и в начале XIV в. не раз подвергался нападениям татарской рати; население вынуждено было спасаться бегством, тем более что татарские отряды появлялись в роли отрядов карательных (в 1318 г., например, приехавший посол, «лють» Конча, убил у Костромы 120 человек и «оттолѣ шедъ пограби городъ Ростовъ, и церковь святую Богородицу разграби и монастыри пожже и села и люди плѣни» (Воскр. л.). Местная угличская летопись (Супоневская) так описывает, в передаче Ф. Кисселя, разорение Углича во время Дюденевой рати 1293 г.: «злии Татарове внезапно нападоша на Угличъ, начаша зорити его мечемъ и огнемъ, гражданъ истребляя, имѣния

¹ Поведение боярства, ставшего или переходившего на сторону Орды вместе с князем, вероятно, обостряло ненависть к боярству со стороны низов населения, обостряло классовую борьбу (литература предмонгольского времени на Северо-востоке показывает, что местное боярство вызывало недовольство не только со стороны низов населения). В Львовской и других летописях, сохранивших нам известия митрополичьей летописи, мы читаем о Нижнем-Новгороде под 1307 г.: «князь Михайло Ондрѣвичъ шедъ, сѣде в Новѣгороде»; и там же, двумя годами ранее: «въ Нижнемъ Новѣгороде избша чернь бояръ Ондрѣвехъ; и пришедъ князь Михайло и з Орды и изби вечниковъ». Возможно, что сопротивление владычеству татарщины в Ростове, Ярославле сопровождалось обострением классовой борьбы.

² Ср. С о л о в ъ в, История России, т. IV, стр. 1119.

³ Например, Mat. Par. Ex Chron. Maior. M. G., t. XXVIII, p. 208—210, 185; Wolff, op. c., 193, и примеч. 45. стр. 254.

ихъ емлюще, и мало опустошиша, зѣло обогатишася, жителей овыхъ въ полонъ взяша, а многое число ихъ разбѣгошася по лѣсамъ».¹ Куда же бежали эти «жители»? Тверская летопись прямо указывает, что в этом 1293 г. в Тверь перед ратью сбежалось много народу из других княжений и волостей: «тѣречи целовали крест бояре к черным людям такоже и черные люди к бояром что стати съ единого битися съ татары; баше бо ся умножило людей и прибѣглыхъ въ Тѣри и изыныхъ княжений и волостей передъ ратью» («Симеон., 1293). Надо думать, таким образом, что поднятое со своих мест население бежало на запад и сосредоточивалось на западных окраинах будущей «Великороссии». Недаром Ростовская епископия не могла уже более, очевидно, удовлетворять в качестве церковно-административного центра, и около 1272 г. в Твери была образована самостоятельная кафедра, вторая во всем Ростово-Суздальском крае.

Эти новые явления русской жизни не замедлили оказать свое действие на ход ближайших событий конца XIII и начала XIV в.

¹ Ф. Киссель, История гор. Углича. Ярославль, 1844, стр. 85.

ГЛАВА III

В 70-гг. XIII в. в Золотой Орде стал намечаться второй — наряду с Поволжьем — военно-политический центр. Один из выдающихся золотоордынских военачальников темник Ногай занял обширную территорию к северу от берегов Черного моря, охватывающую значительную часть Южно-русской равнины к востоку от р. Истра.¹ Оставаясь подвластным Менгу-Тимуру, Ногай в 70-х гг. XIII в. приобретал все большее и большее влияние в делах Золотой Орды, и с его все возрастающим значением начали считаться и в Византии и в Египте.² Наконец, со смертью Менгу-Тимура в Золотой Орде прямо образовались два военно-политических лагеря.

Сразу же после смерти Менгу-Тимура, при Туда-Менгу, Ногай выступил в роли самостоятельного правителя и в 1282 г. отправил свое посольство к египетскому султану.³ Если не явно враждебно, то во всяком случае довольно независимо держал себя он и по отношению к захватившему (в 1287/88 г.) ханский престол Телебуге-хану⁴ и, тайно поддерживая связь с сыном Менгу-Тимура Токтаем

¹ См. R a s h u m e g e s, III, 25; V, 4; см. Ипат., л., 1277 г.; ср. А. К. М а р к о в, О монетах хана Ногая (Труды Моск. нумизм. общ., т. III, 1905); о владениях Ногая см. Т и з е н г а у з е н, I, III (о Крыме), 161, 382; Н. И. В е с е л о в с к и й, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время (Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 6, 1922 г.), стр. 23. См. также у Рашид-ед-дина (Т и з., II, рукоп., не изд.); Тохта «переправился через реку Узи, расположился на бер. р. Тарку (Берку, вар.: Берды), где находился (старинный) юрт Ногая»; р. Узи — Днепр (см. выше у Тиз.).

² См. Бейбарс (Т и з., I, 101—102); Биография Калавуна (Тиз., I, 67—68; R a s h u m e g e s, V, 3, 4).

³ См. Ибнелфорат, Тиз., I, 362; ср. биографию Калавуна, Тиз., I, 69.

⁴ На ряду с официальной версией, которая старалась скрыть истинную причину отречения Туда-Менгу, сохранились известия, что восшествие на престол Телебуги-хана сопровождалось, в сущности, дворцовым переворотом. Египетские мамелюки были союзниками золотоордынских ханов, и египетские историки (обычно — высокопоставленные лица), естественно, следовали официальной версии, тем более что в значительной мере они черпали свои сведения из официального источника. Так, в летописи Бейбарса (одного из самых приближенных лиц египетских султанов Калавуна и Эннасыра Мухаммеда) мы читаем, что Туда-Менгу «обнаружил помешательство и отвращение от занятий государственными делами, привязался к шейхам и факирам, посещал богомолов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого. Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от него (царства) в пользу брата сына своего Тулабуги, да что его душа обрадовалась этому» (Т и з., I, 105); ср.

(Тохтой), который бежал от Телебуги, взялся вместе с тем быть между ними посредником, утверждая, что у него имеется указ от Батыея примирять тех, кто будет «мутить в улусе его и уруке».¹ Таким образом, со смертью Менгу-Тимура, т. е. с 1280—1282 гг. и до 1291 г. (нового переворота), в Орде воцарилось фактически двоевластие.² Оно явственно обнаруживается в событиях, изложенных в рассказе³ о баскаке Ахмате. Летопись говорит о двух «царях», один из них — Телебуга, другой — Ногай: «князь же Олегъ иде в орду о томъ с жалобою къ царю Телебузе»; «Ахмать же бяше въ то время въ ордѣ у Ногоя царя» (Симеон. л.). Князья Курской «области» — Олег Рыльский и Святослав Липовичский считают «своим» царем Телебугу: «князь же Олегъ побѣждал къ своему Телебузѣ царю» (Симеон. л.); Олег говорит Святославу: «и нынѣ затерял еси правду мою и свою ти, не идешь ни к своему цесарю, ни к Ногою на исправу (Лавр. л.); в Троицкой летописи: «а еще не идешь ни к своему Царю ни к Ногаю на исправу». В ставку Телебуги дважды ходил Олег с жалобой на Ахмата и исполнял приказания Телебуги — сначала с «приставами» Телебуги разгоняет «слободы» Ахмата; впоследствии «по цареву слову» убивает Святослава, причем приводит с собою из Орды татарский отряд: «прида Олегъ изъ Орды с Тотары» (Лавр., Троицк., Симеон. лл.). Мало того, Олег считает себя правым перед баскаком Ногаем Ахматом, поскольку он (Олег) разгонял «слободы» не «разбоем», а с «приставами» Телебуги («понеже сам прав бяше предъ бесерменином»); он не осмеливается ехать к Ногаю на его зов только потому, что его «сродник» Святослав самовольно (без разрешения Телебуги), напал на слободы: «ударилъ ночи на свободу

Эннувейри (Т и в., 1, 155) и др. В ином положении были персидские историки; они могли смело разоблачить интриги, бывшие при золотоордынском дворе, так как иранские ильханы обычно пребывали во вражде с Золотой Ордою. Из истории Рашид-ед-дина (был визирем в государстве хулагуидов) мы узнаем, что Туда-Менгу «царствовал (только) некоторое время. После того сыновья Менгутимура, Алгу [й] и Тогрыл, да сыновья Тарбу, старшего сына Тукукана, Тулабука и Кунджук свергли Туда-Менгу с царства под тем предлогом, что он помешан, и сами сообща 5 лет управляли государством. Токтая же, сына Менгу-Тимура... они, заметив в нем признаки отваги и мужества, сообща решились погубить, [но] он узнал об этом, бежал от них, нашел убежище у Билькджи... и послал к Ногаю» (см. Т и в., II, не изд., Рашид-ед-дин).

¹ Из истории Рашид-ед-дина и из летописи Бенакити мы узнаем, что, когда Тохта (Туктай) убежал от Телебуги и его сообщников и послал к Ногаю, последний сказал: «ни с одною думою (никаких) пререканий и воинственных замыслов не затеваю... но у меня есть указ от Сеинхана, чтобы примирять тех, кто будет действовать беспутно и мутить в улусе его и уруке. В тайне же он предупредил Туктая, чтобы он был наготове» (Бенакити; см. Т и в., II, рукоп.).

² Окончательно двоевластием был положен конец, как мы увидим, только около 1299 (1298—1300) г.

³ Рассказ этот мы читаем в летописи под в 1283—1284 гг. Он повествует о событиях 1287/88—1293 гг., как можно установить на основании персидских и арабских источников (Рашид-ед-дин, Бейбарс, Эннувейри и т. д.); таким образом, он является уже позднейшей вставкой в летописный текст (под 1283—1284 гг.).

разбоек» (Симеон. л.). Формально, таким образом, как будто верховная власть признается за Телебугой. Но фактически в «области» царит двоевластие, так как хозяйничает все же Ногай. Баскак и откупщик дани Ахмат послан от Ногай. Ногай вызывает к себе Олега и, когда тот не приезжает, в гневе посылает на него рать: «царь же Ногай разгнѣваясь и дасть рать на Олга и повелѣ его изнимати, а княжение его взяти все» (Симеон. л.). Итак, в б. Черниговском княжестве, в «княжении Курския области», местные князья признавали себя вассалами Телебуги; но фактически царило двоевластие, и в «области» все же хозяйничал Ногай. Как же обстояло дело на Северо-востоке и какому «царю» повиновались князья Ростово-Суздальского края?

В 80—90 гг. XIII в. в Северо-восточной Руси образовались те две взаимно враждебные политические группы, вражду которых впоследствии так резко подчеркнул летописец, рассказывая о съезде 1297 г.; на съезде этом «сташа супротиву себе, со единой стороны князь великий Андрѣй, князь Феодор Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовский со единого, а съ другую сторону противу сташа князь Данило Александровичъ Московский, братъ его князь Михаилу Ярославичъ Тферский, да с ними Переяславци съ единого. И за малымъ упаслѣ бог кровопролитья, мало бою не было; и подѣлившеся княжением и разѣхашася каждо въ свояси» (Симеон., 1297). В одном лагере, как видим, в союзе — представители Переяславля — князь тверской и князь московский, в другом — князья ростовские, к которым примыкали их верный союзник князь Андрей Городецкий. В том же году Андрей захотел идти на Переяславль, а также на Москву и Тверь. «Братья» Данило Александрович и Михаил Ярославович собрали «противу» большую рать и не дали князю Андрею идти на Переяславль, так как князь Иван Дмитриевич, идя в Орду, приказал «блюсти» свою отчину Переяславль князю Михаилу Тверскому (см. Симеон. л.). Тверской и московский князья, действительно, находились в союзе; к ним примыкал и переяславский князь, поручивший Михаилу Тверскому «блюсти» Переяславль.

В 80-х гг. XIII в., как раз тогда, когда со смертью Менгу-Тимура в Орде фактически водворилось двоевластие, в Северо-восточной Руси обозначились две различные политические ориентации. Прочные связи по родству и «службе», которые установились у ростовских князей (в том числе и у ярославского князя) с Волжской Ордой, сделали их верными вассалами ханов Поволжья. В источниках ростовские князья и князь Андрей Городецкий выступают в качестве ставленников и вассалов волжских ханов; с другой стороны, князь Дмитрий Александрович Переяславский и, можно думать, князь Михаил Тверской оказываются вассалами «царя» Ногай и ищут поддержки у последнего. Князья ростовские и князь Андрей Городецкий, согласно летописным известиям, весьма исправно посещали не только ставку Менгу-Тимура, но и его преемников. Эта группа князей не признавала Ногай «царем»; характер-

но, что Ростовский владычный свод называет Ногаю просто по имени (см. Акад. л. под 1281 г.: «князь же иде къ Ногою», и под 1283 г.: «Дмитрий приде отъ Ногоуя»; ср. ту же летопись под 1266 г., где уже Берке-хана Ростовская летопись называет «царем»: «умре царь Беркалий»). Иной ориентации, как оказывается, придерживался князь Дмитрий Александрович со своими соратниками.

Около 1281 г. умер Менгу-Тимур. Немедленно Андрей Городецкий поспешил в Орду и, «испросивъ собѣ княжение великое подѣ братомъ своимъ», пришел с татарской ратью (Кавгадыя и Алчедая)¹ на Дмитрия Александровича Переяславского, имея союзников в лице Федора Ростиславовича Ярославского, Константина Борисовича Ростовского и других князей (он послал за ними, и они к нему присоединились); при этом главным пособником Андрея был какой-то «коромолникъ льстивый» Семен Танильевич (Симеон., Никон. лл.). Из какой же Орды пришел Андрей с татарской ратью? В летописи находим несомненные указания на то, что последний пришел из Орды Волжской: он шел сухим путем (дело было зимою, в декабре) с юго-востока в северо-западном направлении — сначала на Муром, оттуда на Владимир, Юрьев, Суздаль и Переяславль (Симеон., 1281). На следующий год «нахожденье» повторилось; снова на Дмитрия Александровича нагрянул Андрей «ис Татарь, а съ нимъ рать Татарская Тура и Темерь и Алыць, а съ ними Семень Танильевичъ въ воеводахъ» (Симеон., 1282). Великокняжеский стол, таким образом, был захвачен Андреем с помощью военной силы волжского хана. Тем не менее Дмитрий Александрович считал себя в праве начать открытую борьбу с Андреем, опираясь на силу какой-то другой власти. Из летописи не видно, чтобы Дмитрий Александрович хоть раз ездил в Орду волжских ханов. Свод Дмитрия Александровича² открыто обличает действия Андрея и татар и дает красочное описание учиненного погрома. Согласно этому рассказу, татары рассыпались по всему краю и произвели опустошение, сопровождавшееся грабежом всего Северо-востока от Мурома и до Торжка. Грабили города, села, погосты, монастыри; угоняли стада и табуны; обирали жито, иконы и церковные сосуды; часть населения уводили в плен: «и множество безчислено христианъ полониша» (Симеон., 1281). На кого же опирался Дмитрий Александрович в борьбе с братом и его «татарами» и почему Андрей принужден был все же уступить переяславскому князю великокняжеский стол? Оказывается, что Дмитрий Александрович получил поддержку от Ногай. Свод Дмитрия Александровича прямо говорит, куда поехал он, когда вторично пришел с ратью Андрей из Орды

¹ По Никон. л.: Кавгадый и Алчедай; по Акад. л.: Кодай, Алчедай; по Воскр. л.: Кавадый (Кавгадый, Кавыдай) и Алчедай.

² Под сводом Дмитрия Александровича мы разумеем Великокняжеский свод 1283 г. На существование последнего на основании изучения летописи «между 1263—1285 гг.» указывалось (см. в ст. М. Д. Приселкова, в сб. «Века», I, 1924, стр. 30). О летописном тексте 1283—1284 гг. см. у нас выше, стр. 70, примеч. 3.

(«Тукатемерь и Алынь», Акад. л.):¹ «князь же Дмитрии, — читаем в Симеоновской летописи, — съ своею дружиною отъѣха въ орду къ царю Татарскому Н о г о ю». Для Дмитрия, как видим, Ногай был «царем»; в его «Орду» он поехал и от него он получил великокняжеские полномочия.² Вместе с тем, Дмитрий Александрович тоже привел с собою, повидимому, татарскую рать; во всяком случае, Новгородская летопись прямо отмечает, что в 1284 г. он ходил ратью на Новгород «с татары» (Новг. I, 1284). И когда в 1283 г. Дмитрий Александрович вернулся от Ногая, Андрей принужден был «смирится» с братом и уступить ему великокняжеский стол, а Семен Танильевич по повелению князя был убит.

Опираясь на право, полученное им от своего «царя» Ногая, и на ту татарскую силу, которая была в его распоряжении, Дмитрий Александрович в 1285 г. дал отпор новой попытке Андрея захватить великокняжеский стол с ордынскою помощью. Андрей, получив из Волжской Орды великокняжеский ярлык, привел с собою «царевича»: «князь же великий Андрѣй Александровичъ приведе царевича изъ орды, и много зла створи християном; великий же князь Дмитрей Александровичъ сочтався съ братиею своею царевича прогна, а бояръ княжихъ Андрѣевыхъ изнима» (Соф. I, Воскр. и Льв. лл). Софийская летопись называет обоих братьев — и Андрея и Дмитрия Александровичей — великими князьями, очевидно, не без оснований; каждый из них имел полномочия от своего «царя». Дмитрий Александрович решился, как видим, царевича изгнать, причем вместе с ним действовали его союзники — «братья». Кто были эти «братья»? Кроме Даниила Московского у Дмитрия Александровича, сколько нам известно, еще родных братьев не было (не считая Андрея).³ Выше мы говорили, что «братьями» назывались Михаил Ярославович Тверской и Данила Александрович Московский; к ним примыкал и князь Переяславский (1297 г.). Эти «братья», очевидно, уже в 1285 г. действовали заодно с переяславским князем, оказывая противодействие Андрею, который, в свою очередь, действовал с помощью волжских «татар», в качестве верного вассала волжских ханов.

Был момент, правда, когда отношения между Дмитрием Александровичем и Михаилом обострились. В 1288 г. Михаил сделал попытку «не покоритися» великому князю Дмитрию Александровичу; в отличие от понятия «братья» двоюродной или братья как более

¹ По Никон. л.: Тураитемир и Алын; по Акад. л.: Тукатемерь и Алынь; по Симеон. л.: Тура и Темерь и Алын; по Рог. л. (отнесено к первой рати, 1281 г.): Таитамер и Алын.

² Дмитрий Александрович поехал к Ногаю «съ своею дружиною» (Симеон. л.) или «з дружиною своею и со княгинею и з дѣтьми и со всѣм дворомъ своимъ» (Никон. л.). Можно думать, что одного из своих сыновей (Александра) он оставил в Орде Ногай в качестве заложника; по крайней мере, в Новг. I л., под 1292 г., читаем: «преставися у великого князя Дмитрия сынъ Александръ в Татарехъ» (Новг. I л.).

³ А. В. Э к з е м п л я р с к и й, Великие и удельные князья Северной Руси, т. I (родосл. табл.); Василий Александрович умер в 1274 г. (ibid., стр. 286).

или менее постоянных союзников, Никоновская летопись подчеркивает, что в данном случае Дмитрий Александрович соединился с «братъею роднею» (Андреем Александровичем и Данилой Александровичем); «размирье» чуть было не дошло до столкновения (войска уже опустошили окрестности Кашина, сожгли Кснятин и двинулись на Тверь; но Михаил вышел с войском навстречу, и князья «взяли мир» (Никон. Рог.лл). В 90-х гг. союз князей тверского, московского и переяславского окончательно определился. В договорной грамоте Михаила Тверского с Новгородом, которую относят к 1294—1296 гг.¹ Михаил Тверской заявляет новгородскому владыке: «то ти отъче повѣдаю: съ братомъ своимъ съ сторѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Ивапомъ; а дети твои, посадникъ и тысяцький, и весь Новъгород, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ. Аже будетъ тягота мнѣ от Андрѣя или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступить вы ся мене ни въ которое же время».² В грамоте, таким образом, Михаил Ярославич Тверской называет Данилу Александровича Московского «братомъ своимъ старѣйшимъ с которым он «одинъ естъ»; последнее относится и к Ивану Дмитриевичу, сыну Дмитрия Александровича Переяславского; с другой стороны, союз предусматривает борьбу как с Андреем, так и с «татарами», под которыми, очевидно, разумеются татары волжские. Эта борьба, или «тягота», имевшая место в событиях 1293 г., вводит нас в круг знакомых уже нам политических взаимоотношений и группировок: на одной стороне выступают князь Андрей Городецкий и князья ростовские, получающие полномочия и военную поддержку из Орды Поволжья, на другой—великий князь Дмитрий Александрович (который, как мы видели, получил великокняжеский стол благодаря поддержке Ногаю), а также—Михаил Тверской.

В самом деле, в 1291 г. Ногай организовал заговор против Телебуги-хана; Телебуга и его сообщники попали в ловушку и были умерщвлены.³ Вслед за тем Ногай посадил на царство Тохту. Известие об этих событиях попало и в текст Владимирского Полихрона под 1291 г.: «заратися царь Тохта съ Телебугою царемъ и со Алгумемъ и побѣди Тохта Телебугу» (Воскр. л.; ср. Льв., Соф. I, Никон. и Новг. I лл.). Но вскоре между Тохтой и Ногаем тоже начались враждебные столкновения. По Рашид-ед-дину, Тохта неоднократно вызывал к себе Ногаю, но он (Ногай) «не соглашался (на это)».⁴ В 1294 г. (693), согласно показаниям египетских истори-

¹ См. С. Г. Г. и Д., I, № 4; А. А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот (Иссл. по русск. языку, I, стр. 200—230 и далее); датировка — 1294—1301 гг.; этими годами (гл. обр. — 1294—1296) грамоту датируют и другие исследователи (Соловьев, Барзаковский, Пресняков).

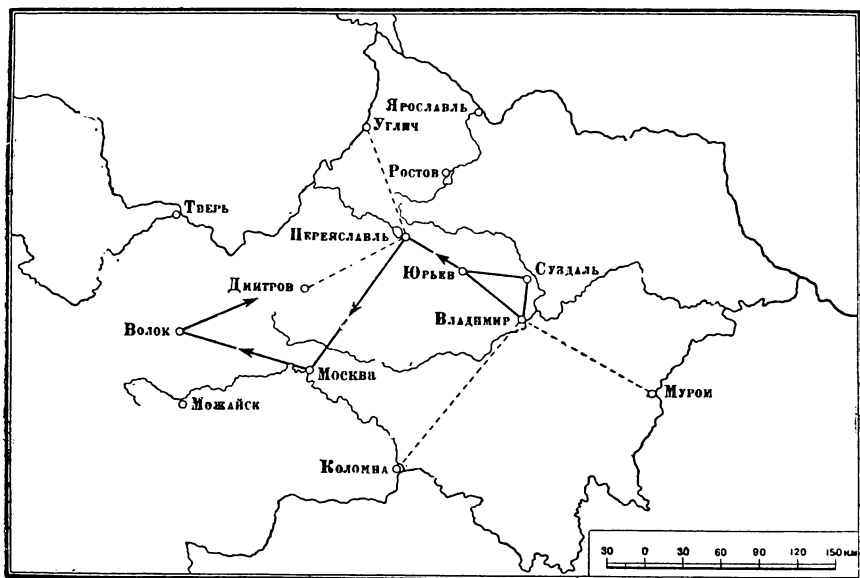
² С. Г. Г. и Д., I, № 4.

³ Тивенгаузен, I, 107—108; подробное описание см. у Рашид-ед-дина (Тив., II, не изд.).

⁴ См. у Рашид-ед-дина: «несколько раз посылал послов к Ногаю и, давая ему разные хорошие обещания, приглашал его к себе, но Ногай не соглашался», и сокращенно у Бенакити: «неоднократно требовал» (Тив., II, рукоп.).

ков, Ногай казнил «множество татар».¹ Слух о междоусобиях пришел и на Русь: под 1294 г. летописец записал (Симеон. и Никон. лл.), что «Тохта сел на царство, а Ногай победил» (Симеон. л.), а под 1297 г. тверская летопись, в составе Рогожской летописи, отметила: «иде царь Тохта на Ногай ратию и побѣди и» (Рог., 6805).² За судьбою Ногай и его отношениями с Тохтой на Руси, как видно, внимательно следили.

В 1293 г. в Орду пошли русские князья — «жаловатися на великого князя Дмитрея Александровича» (Никон. л.); Никоновская летопись подробно перечисляет тех, кто пошел в Орду: «князь



Карта движения татар Дюневой рати

Андрѣй Александровичъ Городецкій, князь Дмитрий Борисовичъ Ростовскій, да брат его князь Константин Борисовичъ Угличскій, да изъ двуродныхъ брать ихъ князь Михайло Глѣбовичъ Городецкій (надо — Белозерскій), да тесть князя Михаила Глѣбовича Бѣлозерскаго князь Федоръ Ростиславичъ Ярославскій и Смоленскій,³ да князь Иванъ Дмитреевичъ Ростовскаго, да епископ Тарасій Ростовскій» (Никон., 1293). Вслед за тем на Дмитрия Алек-

¹ Бейбарс (Тиз., I, 109.)

² По словам Рашид-ед-дина, во время вражды Ногай с Тохтой Ногай «постоянно отправлял к государю ислама (Газану; ильхан, властитель Персии, 1295—1340)... почетных послов и просил его о помощи, заявляя о желаниии (своем) сделаться подданным его величества (Газана)». Газан отказался воспользоваться затруднительным положением Тохты и сохранял дружественные отношения как с Тохтой, так и с Ногаем (Тиз., II, не изд.).

³ С. С. Соловьев: История отнош. между русск. князьями Рюрикова дома. Поправки — согласно с примеч. 1 на стр. 282 соч., М., 1847.

сандровича нагрязнула рать Дюдения или, как полагают, Тудана — брата Тохты и сына Менгу-Тимура.¹ Татары в сопровождении Андрея Городецкого, Феодора Ростиславовича Ярославского и ростовских князей Дмитрия и Константина взяли и разорили ряд городов и «волостей». В Москву татары въехали хитростью, «обольстив» Данилу Московского. Переяславль сопротивления не оказал; «горожане переяславци», уже не раз страдавшие от татарских вторжений, услышав о приближении рати, разбежались; опустели также и «всѣ волости Переяславскыя»; как явствует из дальнейшего рассказа летописи, часть беглецов направилась в Тверь и искала защиты за стенами этого окраинного города. Михаила Тверского в городе не было; население, однако, единодушно решило оказать сопротивление Дюдению; татары осадить Тверь не решились и прошли мимо на Волок, тем более что в город подоспел и сам Михаил.

Михаил прибыл из Орды. Но он прибыл, как надо думать, не из той Орды, откуда пришла Дюденева рать с ростовскими князьями. Через Ростово-Суздальский край Дюденева рать прошла с востока на запад; сначала, на Суздаль и Владимир, затем на Юрьев, оттуда — на Москву и потом на Волок и «пойдоша пакы къ Переяславлю и пойдошла въ свояси»² (Симеоповская летопись). Ко Владимиру они могли подойти двумя путями: или сухим, как например, пришла в 1281 г. татарская рать с Андреем Городецким: на Владимир через Муром; или водою, как, например, собирался ехать Тохта в 1312/13 г. (по сведениям персидской летописи, Тохта отправился «в страну Урусов», но «на пути» умер, «среди реки Итиля, на корабле»;³ последняя возможность не исключена; даже в народной песне сохранилась память о наездах (забравших полон) татар на Русь водою: «на червленых новых кораблях».⁴ Так или иначе, но не подлежит сомнению, что Дюденева рать пришла с юго-востока, из Волжской Орды, т. е. из Орды хана Тохты. Михаил, между тем, как рассказывает тверская летопись, возвращался «из орды», но, видимо, не из той Орды, откуда пришла рать: во-первых, уже будучи «близъ къ Москвѣ»,

¹ О Тудане см. Н. И. Веселовский, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1916, т. XXI, кн. I, стр. 4—10.

² Эти города и волости подверглись опустошению и разграблению (Симеон. л.). В начале того же известия в общем перечислении городов упомянуто, что татарами были заняты («взяты») еще Муром, Коломна, Дмитров, Углич и Можайск. В летописном описании татарского пути они не упомянуты; в виду этого общее перечисление вызывает сомнение. Ср. также выражение: «а в сѣхъ городовъ взяша Татарове 14» с текстом о Батыевом нашествии под 1237 г.: «и взяша городов 14» (Симеон. л.), хотя все же возможно, что города эти (Муром, Коломна, Дмитров, Углич и Можайск) или некоторые из них и были в действительности заняты татарами.

³ «но на пути... он умер в пределах Сарая среди реки Итиля, на корабле», см. Летопись царей и султанов, современных султану Олджайту (Т и з., II, не изд.) Ср. о том, что князь Иван Михайлович Тверской в 1412 г. поехал в Орду «рѣкою Волгою на судѣхъ» (Никон., 1412).

⁴ Песнь о Марье Юрьевне из собрания Якушкина (Б у с л а е в, Русская народная поэзия, I, 1861, стр. 425).

он и не подозревал, как оказывается, что «на Москвѣ рать Татарская»: «прииде бо близъ къ Москвѣ, а не бѣше ему вѣсти, яко на Москвѣ рать Татарская» (Симеон. л.); во-вторых, пришедших татар летопись называет «супостатами» Михаила, от которых ему нужно было укрываться: «...какo заступи богъ князя Михаила, идуща изъ орды, отъ многихъ супостат Татаръ: прииде бо близъ къ Москвѣ...» и далее: «и обрѣтесе нѣкий попицъ, тотъ проводилъ бѣше князя на путь миренъ. Татарове же и князь Андрѣй слышаша приѣздъ князь Михайловъ, не поидоша ратью къ Тѣри, но поступиша на Волокъ» (Симеон. л.). Надо думать, таким образом, что Михаил шел с юга или с юго-запада, из Орды Ногая. Вместе с тем, по рассказу Новгородской I летописи, у тверского князя искал опоры спасшійся бегством Дмитрий Александрович: из Пскова он пробрался в Тверь и оттуда вел переговоры с Андреем.¹ Если тверской князь не хотел быть вассалом Тохты, а искал покровительства в Орде Ногая, и Тверь, судя по рассказу летописи, была готова даже оказать сопротивление рати Дюдены (или Тудана), то тверичи вслед за тем могли ожидать карательной экспедиции с Поволжья, которая, действительно, не замедлила явиться. Той же зимою «на Тверь» пришел «царь Токтомеръ» и учинил людям «велику тягость»: одних умертвил, других захватил в полон. Был ли это сам Тохта или, как полагает Н. И. Веселовский, один из родственников хана — Токтемиръ, судить не беремъ.² Для нас важно только то (а это не вызывает сомнений), что рать была прислана на Тверь из Орды Тохты.

В эпоху двоевластия в Орде, в конце XIII в., произошли, по-видимому, некоторые изменения в организации эксплоатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время. При Менгу-Тимуре (ум. в 1280—1282 г.) на Русь посылались «даньщики», как видно из ярлыка Менгу-Тимура. Тексты же «ярлыков», критически разработанные М. Д. Приселковым, относящиеся к середине и ко второй половине XIV в., говорят, как и ярлык XIII в., о «писцах», но не говорят более о «даньщиках».³ «Даньщики», очевидно, из Орды в этот период уже не присылались. И действительно: уже в первой трети XIV в. великий князь владимирский (Михаил Тверской) сам собирал дань, как явствует из Рогожской летописи под 1318 г. и из биографии (жизни) Михаила Тверского (см. Вел. Четии Минеи). Зная отношение к Волжской Орде великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, приходим к предположению, что в его княжение «даньщиков» уже не впускали, и великий князь стал сам собирать ордынскую дань, причем отвозил ее не в Волжскую Орду, а к Ногаю. Когда великим князем владимирским (в начале XIV в., после смерти Ногая) стал Михаил Тверской, то он пошел как бы на соглашение с Волжской Ордой и стал платить Тохте дань, т. е.

¹ Новг. I, 1239; ср. Пресняков, Обр. вел. гос.

² Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. XXI, в. I, стр. 15.

³ Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, 1916.

теперь дань шла в Волжскую Орду, но собирал ее сам великий князь Михаил, следуя примеру своего союзника и единомышленника — великого князя Дмитрия Александровича Переяславского.

Посылал ли Ногай баскаков во Владимирскую область, в Тверское, Переяславское и Московское княжества, признававшие Ногаю, нам неизвестно. В дальнейшем мы баскаков там не видим. В Ростовском княжестве, признававшем не Ногаю, а Волжскую Орду, баскаки еще в нач. XIV в. сидели. По крайней мере под 1305 г. Ростовский владычный свод сообщает о смерти «баскака» Кутлубуга.¹

Около 1299 г. (1298—1300 гг.) двоевластие в Орде был положен копец. Войско Ногаия было разбито, и сам он погиб от руки «русского всадника из солдат Тохты».² Событие это нашло отклик и в русской летописи: «того же лѣта, — читаем в Никоновском своде, — царь Тохта вдругии ходи на царя Ногаия и побѣди его» (Никон., 1299). Таким образом, длительный период смут в Золотой Орде окончился. Перед Тохтой (Тохтогу) встал вопрос об отношении к сильному союзу трех княжеств — Тверскому, Переяславскому и Московскому, которые, как мы видели (во всяком случае Тверское и Переяславское), занимали ранее недружелюбную позицию к Волжской Орде. С другой стороны, поскольку со смертью Ногаия (около 1299 г.) над князьями вновь оставался только один «царь»—

¹ На окраинах Рязанского княжества «баскаки и сотники» сидели во второй трети XIV века, как свидетельствует грамота Феогноста на Червленый Яр. Но весьма вероятно, что окраинные города тех мест были на особом положении, находясь в непосредственной зависимости от татар, подобно г. Туле, которую при царице Тайдуле «баскаки вѣдали», и на которую, вероятно вскоре после начала ордынских смут во второй половине XIV в., распространил свою власть Димитрий Московский.

² Первое столкновение Ногаия с Тохтой произошло в начале 1298 г. (или в самом исходе 1297 г.); ср. Бейбарс (Т и з., I, 110), Эннувейри (Т и з., I, 158 и Эльмакриз и Т и з., I, 435). Сражение происходило при р. Яксае (Аксае); Тохта был разбит; войска бежали до р. Дона, и часть их утонула в реке. По Рашид-ед-дину, битва происходила на берегу р. Дона. Тохта был разбит и бежал в Сарай (Т и з., II, рукоп.). Второе столкновение кончилось полным поражением Ногаия и его смертью. Оно произошло, по Бейбарсу и Эннувейри, в 699 г. (28 сент. 1299—15 сент. 1300 г.); к этому времени Рашид-ед-дин относит первое сражение (вероятно, к 1300 г.); второе, по ходу изложения им событий, произошло вскоре после первого (Т и з., II, рукоп.). Случилось так, что несколько эмиров изменили Ногаю и перешли к Тохте. После этого Тохта двинулся на Ногаия. Ногай с сыновьями выступил тоже. «Оба войска сошлись в местности, называемой Куканлык, и сразились». Ногай был разбит и обратился в бегство. «Настиг его Русский из войска Тохты» и отрубил ему голову и принес Тохте. Тохта приказал умертвить этого русского за то, что он «умертвил такого великого по сану человека, а не представил его султану»; см. Бейбарс и др. (Т и з., I, 113—114 и др.). По Рашид-ед-дину, когда Тохта набрал большое войско и пошел на Ногаия, Ногай отступил. В войске последнего произошло тем временем восстание, которое едва удалось усмирить. Узнав о несогласии Ногаия с войском, Тохта с 60 тысячами войска «переправился через реку Узи, расположился на берегу реки Тарку (Берку; вар.: Берды), где находился (старинный) юрт Ногаия». Произошло сражение. Ногай был разбит. Сыновья его бежали к Курулям и Башгирдам (см. Т и з., II, рукоп., а также и о том, что его схватил «Русский всадник из солдат Тохты, нанес ему рану» и повел к Тохте, но по дороге Ногай «отдал богу душу»).

волжский, они в той или иной мере должны были теперь подчиниться власти Тохты.

Источники показывают, что русским делам в Волжской Орде уделяли не мало внимания. Мы знаем, что в 1313 г. Тохта сам даже хотел приехать в Северо-восточную Россию, и только смерть, застигшая его уже в пути, помешала выполнению этого плана.¹ Самый факт существования союза трех княжеств, державшихся довольно независимо по отношению к волжскому хану, мог уже вызывать в Орде некоторые опасения. Между тем решительных шагов, резких мероприятий Орда не предпринимала. Из смуты она вышла в значительной мере ослабленной и пока только собиралась с силами.² Политика Орды в отношении к Северо-восточной Руси выразилась, на первых порах, в ряде дипломатических мероприятий.

В нашей историографии не были освещены официальный характер княжеских съездов, организованных в конце XIII и в первые годы XIV в., и та роль, которую играла в данном случае золотоордынская дипломатия. Между тем источники дают на этот счет прямые указания. В 1297 г. во Владимире, под руководством ханского посла, собрались русские князья: «бысть брань межъ князиеи Рускихъ, а в то время прииде посоль изо Орды от царя Алекса Невруй, и бысть съѣздъ веъм княземъ Рускимъ въ Володимери, комуждо князю свою обиду предъ послом глаголющу» (Никон., 6804; ср. Симеон. и Льв. лл.). Официальный характер съезда не подлежит сомнению; съезд собирается с приездом посла Неврюя; Неврюй, очевидно, возглавляет съезд. Наконец, как мы узнаем из митрополитского летописца, на съезд вместе с тем прибыл и сарайский епископ Измайло: «смири бо их Семион владыка да владыка Сарайский Измайло» (Льв., 6804). Присутствие последнего на съезде станет понятным, если вспомним, что еще сарайскому епископу Фогносту приходилось выполнять дипломатические поручения хана, ездить с ними в Царьград.

Через 4 года произошел другой съезд, в Дмитрове (Симеон., 1301). А спустя три года (в 1304 г.) состоялся новый съезд в Переяславле, опять-таки с чисто официальным значением. Непосредственно вслед за возвращением великого князя Андрея из Орды, в сопровождении ордынских «послов», съехались князья и митрополит и выслушали волю хана: «и ту чли грамоты царевы, ярлыки» (Симеон. л.).³

¹ Летопись царей и султанов, современных султану Олджайту; Владения Дешткипчака (Т и в., II, рукоп.).

² «С тех пор, — говорит Рашид-ед-дин, разумея события 1288 г., — до этого времени, то есть благословенной эпохи государя Ислама (Газана)... у них столкновений не было. В следствии е слабости (своей) они (золотоордынцы) предпочли согласие вражде, открыто высказывают дружбу и единодушие и постоянно посылают к Газану послов с извещениями о делах (своих) с дарами и приношениями» (Т и в., II, рукоп.).

³ Ср. о соглашении («A présent nous, Timur-kagan, Tostoga, Tchabar, Toga et autres, descendants de Djenguis-khan»), объединившем улусы монголь-

Годы, связанные с деятельностью последних двух съездов, принесли с собою раскол среди союзных княжеств и новую картину взаимоотношений. Вначале, на первом съезде, состоявшемся еще накануне окончательного падения Ногая, перед нами две резко враждебные партии: на одной стороне Андрей Городецкий и князья ростовские, а на другой — тверской, московский и представители г. Переяславля; это — две группы, образовавшиеся, как мы видели, в годы смут, в условиях двоевластия. Епископ сарайский и владыка Семнон стараются примирить обе группы; в результате съезда участники «подѣлившиися княжением и разѣхавшиися каждо въ свояси» (Симеон. л.).¹ Следующий съезд 1301 г. внес разлад между переяславским князем и тверским: Иванъ Дмитриевич и Михаилъ в чем-то «не докончили межи собою» (Симеон. л.). Москва в это время держала себя еще довольно независимо по отношению к Волжской Орде, что видно из захвата ею в 1301 г. Коломны, когда на стороне рязанцев были «татары». Наконец, решение съезда 1304 г. (состоявшегося со смертью переяславского князя Ивана Дмитриевича) имело в виду отношение к Орде московского князя. В 1303 г. умер бездетным Иван Дмитриевич Переяславский — и г. Переяславль занял великий князь Андрей, посадивший в городе своих «наместников». Вскоре, однако, Переяславль был захвачен Даниилом Московским. Московская летопись несколько сгладила факт захвата: умер Иван Дмитриевич, по ее рассказу, и в Переяславле сел княжить Данила; только последняя фраза летописного рассказа обнаруживает ход событий: «а намѣстници князя великаго Андрѣва збѣжали» (Симеон., Троицк. лл.); с другой стороны, Московская летопись приводит основания, согласно которым Данила сел княжить в Переяславле: Иван Дмитриевич «благослови въ свое мѣсто Данила Московскаго въ Переяславли княжити; того бо любляше паче инѣх» (ibid.). В следующем году Данило умер, и, по рассказу того же свода, «по животѣ княжѣ Даниловѣ Переяславци япаса за сына его за князя Юрья» (Симеон. л.). Между тем Андрей поспешил в Орду, надеясь, очевидно, в Орде получить полномочия на владение Переяславлем. Однако, несмотря на то, что он был великим князем и, съездив в Орду, вернулся оттуда «съ послы и съ пожалованием царевымъ», Переяславль ему предоставлен не был, а был утвержден за Юрием Даниловичем: на съезде князей «чли грамоты, царевы ярлыки», и, как узнаем из летописи, «князь Юрьи Даниловичъ приат любовь и взялъ себѣ Переяславль» (Симеон. л.). В Орде, очевидно, считали необходимым привлечь на свою

своей империи (о котором упоминает Олджайту в письме к Филиппу IV) и состоявшемся в начале XIV в. (см. W. K o t w i c z, Les Mongols promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-e siècle, Varsovie, 1933).

¹ В том же году Андрей Александрович, собрав рать, хотел идти на Переяславль, а также к Москве и к Твери; как мы говорили уже выше, князья тверской и московский, со своей стороны, вышли с войском и не позволили ему «йти на Переяславль»: «бѣше бо князь Иванъ Дмитриевичъ, ида в орду, приказал блюсти свою отчину Переславль князю Михаилу Тѣфрскому» (Симеон. л.).

сторону московского князя. Остался за Москвой и г. Можайск, отнятый Москвою у Смоленска в 1303 г.

Когда, на следующий год, умер великий князь Андрей, в Орду пошел Михаил Тверской, надеясь получить великое княжение, а вместе с ним Переяславль.¹ Вслед за ним в Орду пошел и Юрий Московский, получивший, как мы видели, Переяславль на съезде 1304 г.; Юрий, возможно, также предполагал, что ему дадут великое княжение, судя по тому, что, уезжая в Орду, он брата своего Бориса послал на Кострому (Симеон., 1305). В Орде великокняжеский стол дан был Михаилу, но в то же время на Переяславль полномочий (прямых — по крайней мере) ему не дали. Такое решение повело к вражде между князьями тверским и московским.² По приезде из Орды Михаил пошел ратью к Москве на Юрия, а в следующем году, как сообщает летопись, «на осень бысть Таирова рать», и «тое же осени князь Александръ и Борисъ отѣхали в Тѣрь съ Москвы»; стоял ли в какой-либо связи отъезд из Москвы князей Александра и Бориса с «Таировой ратью», нагрянувшей из Орды, сказать трудно; но в всяком случае Михаил на следующий год предпринял на Москву новый поход.³

Орда, как видим, действует достаточно осмотрительно; в ее планы входит, очевидно, привлечь московского князя на свою сторону; вместе с тем она опасается как будто усиления тверского князя, которому передала великое княжение, и не прочь возстать против московского князя против тверского.

Дальнейшие события в полной мере подтверждают наше наблюдение и яснее вскрывают основную задачу ордынской политики — использовать северо-восточного князя в интересах ордынской власти.⁴

В 1313 г., когда умер Тохта и на «царство» сел Узбек,⁵ Михаил

¹ Симеон., 1305: «преставися князь великий Андрѣй Александровичъ и положенъ бысть на Городцѣ. Того же лѣта Михайло Тѣрскый в орду пошелъ, а по убиении Акинфовѣ вышелъ изъ орды на княжение великое». Когда Юрий, отъезжая в Орду, в отсутствие Михаила, послал брата своего Бориса на Кострому, там его «изнимавъ да повели на Тѣрь». Когда Иван Данилович приехал в Переяславль и сел на нем, произошла под Переяславлем битва между тверским боярином Акинфом и Иваном Даниловичем, к которому присоединилась Переяславская рать, а затем подошла и Московская. Акинф был разбит и умерщвлен «у Переславля», и дети его бежали в Тверь. И Юрий и Михаил находились в это время в Орде (Симеон. 1306; ср. Новг. I, 1304).

² Впоследствии мы видим, что Переяславль оказывается изъятым из состава территории Московского княжения и включенным в состав великокняжеской территории.

³ Симеон., 1306—1308; Рог. л. и Тв. сб., 1307—1308.

⁴ «Для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей, — писал Маркс, — и чтобы обеспечить их рабское подчинение, монголы восстановили достоинство великого княжения (Владимирского)» («To entertain discord among the Russian princes, and secure their servile submission, the Mongols had restored the dignity of the Grand Principedom» op. c. p. 78).

⁵ Согласно продолжателю рашид-ед-диновой истории, в момент смерти Тохты Узбек находился в походе. «Эмиры и найоны стали спорить (между собою) относительно (перехода) царской власти. Эмир сарайский Кутлукти-

Тверской поехал в Орду.¹ Пока великий князь (Михаил) был в Орде, новгородцы решили изгнать его наместников из Новгорода. С этой целью они «послали» к князю Юрию; тот «тайно» снесся с князем Федором Ржевским, и последний поехал в Новгород.² В Новгороде, согласно желанию новгородцев, он согнал наместников великого князя и затем двинулся с новгородцами к Волге, где произошла встреча их с войсками князя Дмитрия Михайловича Тверского, кончившаяся миром. Новгородцы послали к Юрию, и тот прибыл с сыном своим Афанасием в Новгород.³ Но из Орды вслед за тем приехал посол Арабии, и от «царя» пришло приказание, чтобы Юрий шел «къ нему во Орду безъ косѣвѣннѣ». ⁴ Юрий отправился в Орду, а из Орды тем временем прибыл Михаил в сопровождении татар «сильных» и посла Тяитемеря.⁵ С помощью татар он

мур сказал: «царство принадлежит сыну Токты, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг (наш), а после того уже можно сделать царем сына Токты. Они (эмиры) согласились с этим. Узнав о смерти Токты, Узбек покинул войско и прибыл в Сарай, не подозревая (ничего) о помыслах и намерении эмиров. В числе их находился один эмир по имени также Кутлуктимур; он известил Узбека о замысле их. Причиной вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в православие и ислам и побуждал их к этому у. Эмиры же отвечали ему на это: «ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон и устав Чингис-хана и перейдем в веру арабов». Но он (Узбек) настаивал на своем мнении; они же вследствие этого чувствовали к нему вражду и отворачивание и старались устранить его». Заговор не удался. Узбек, «собрав войско, одержал верх (над ними). Сына Токты с 120 царевичами из рода Чингис-ханова он убил, а тому эмиру, который предупредил его, оказал полное внимание и заботливость. Это тот (самый) Кутлуктимур, который долгое время управлял областями Дешт-Кипчака и Харезма. Узбек сделался государем на престоле царства Джучиханова и стал могущественным властителем...» (Т и з., II, рукоп.). Краткое упоминание об этих событиях см. у Эльбирзали: «он умертвил нескольких эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров, т. е. лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама» (Т и з., I, 174); Эльмуфаддала (Т и з., I, 197); Эддзехеби (Т и з., I, 206); Ибн-дукмана (Т и з., I, 323); Ибн-хальдуна (Т и з., I, 384—385); Эласади (Т и з., I, 446); обстоятельства умерщвления эмиров изложены у Элайни (Т и з., I, 516). В русской летописи события отразились лишь в кратком указании летописца, что Узбек вступил на царство «и обесерменился» (Симеон., 1313).

¹ «Князь великий Михаил поиде въ орду, такоже и Петръ митрополить всеа Руси, духовный пастухъ, вкупѣ съ княземъ съ великимъ поиде къ орду того дѣля, понеже тогда Тохта царь умре, а новый царь Озьякъ съѣлъ на царствѣ и обесерменился» и далее: «но милостию божию вбораѣ отпушень бысть Петръ митрополить отъ царя изъ орды и прииде на Русь» (Симеон., 1313).

² Новг. I, 1314; Никон., 1314.

³ Симеон., Никон., Новг. I, лл., 1314; «и ради быша новгородци своему хотѣнью» (Новг. I л.).

⁴ Никон., 1315; ср. Новг., 1315: «поиде князь великий Юрьи изъ Новгорода, пованъ въ Орду отъ царя марта 15 в субботу Лазореву, оставивъ в Новгородѣ брата своего Афанасья».

⁵ Симеон., 1315: «То же осени прииде изъ орды князь великий Михаилу, а съ нимъ посоль Тяитемерь, и много вла учини въ Русской земли»; в Ни-

выступил против новгородцев, нанес им поражение под Торжком, а князя Афанасия препроводил в Тверь.¹ Новгородцы сделали попытку пойти в Орду «сами о себѣ», но тверичи их задержали и «изымали».² На следующий год наместники Михаила принуждены были вновь покинуть Новгород, и Михаил совершил два похода на новгородцев, из которых второй окончился неудачно.³ Между тем вскоре выяснилось, что Юрий был вызван в Орду отнюдь не для расправы и наказания за то, что он в отсутствие Михаила помогал новгородцам изгонять наместников великого князя. Наоборот: Узбек стал приближать к себе московского князя, женил его на своей сестре Кончазе (Кончаке), принявшей крещение с именем Агафьи,⁴ и наконец отправил (по словам московской летописи) «на великое княжение».⁵

В 1317 г. Юрий пришел из Орды вместе с послом Кавгадыем (Ковгадыем), сопутствуемый татарской «дружиной» (Рог. л.; по тексту «Повести» с ним было «множество татаръ и бесерменъ»)⁶ Кавгадыю даны были от хана, как показывают дальнейшие события, широкие полномочия. В самом деле, Юрий и Кавгадый дошли до Костромы, их встретил Михаил со всеми «Суздальскими» князьями, и начались переговоры. Эти переговоры Михаил начал вести не с Юрием, а с Кавгадыем; в результате переговоров с Кавгадыем он уступил «великое княжение» Юрию, сам же ушел «в свою отчину» Тверь: «и съслався съ Кавгадыемъ съступися великого княжения Михаилъ князь Юрию князю» (Рог. л.).⁷ Несмотря на то, что Михаил уступил Юрию «великое княжение», Юрий с Кавгадыем (в том же году), соединившись со всеми «суздальскими» князьями, пошли на Тверь

кон. л. 1315 г.: «... а съ нимъ посоль Тайтемиръ и Имаръхожа и Индрый» (ср. Акад. л.: «а съ нимъ послове Тайтемерь, Махрожа, Инды»), Рог., 1315: «... а съ нимъ Татарове силни» (ср. Тв. сб., 1315). Новг. I л.: «ведый съ собою Татары оканънаго Тайтемеря».

¹ Новг. I, Никон. лл., 1315. Новг. I л.: «Тогда же поиде князь Михаило со всею Низовською землею и с Т а т а р ы к Торжку» и т. д. Рог. л.: «и иде къ Торжку с Татары и съ князи Суждалскими...» (ср. Никон. л., 1315).

² Никон., 1315.

³ Новг. I, Никон., Симеон. лл.; Рог., 1316.

⁴ Рог., 1317; Никон., 1317: «прииде князь велики Юрьи Данилович Московский на великое княжение изво Орды женився, у царя сестру его понавъ именем Кончаку; егда же крестися и наречено бысть ей имя Агафиа».

⁵ Симеон., 1317.

⁶ Рог., 1317; Вел. Четии Минеи, ноябрь, М., 1914: «убиение великого князя Михаила Ярославичя Тверьскаго от безбожнаго царя Авьяка», л. 1078. Как установил Ключевский, первоначальное сказание о Михаиле мы имеем в списке, попавшем в Вел. Четии Минеи; в древние летописи оно не попало, а позднейшие летописные сборники занесли его на свои страницы уже в переделке XV в. «По содержанию и основной мысли это сказание не житие в настоящем смысле слова, а повесть об убийении кн. Михаила в Орде». Автор — тверяк — был современником Михаила и очевидцем событий его кончины (см. Др.-русс. жития свят. как историч. источник, М., 1874, стр. 71—72); см. также и Серебрянский, Др.-русс. княж. жития, стр. 247—253.

⁷ Рог. л., Тв. сб., Никон. л., 1317.

против Михаила.¹ План Кавгадья был таков: с северо-запада на Тверь должны были двинуться повгородцы, а с юга — Юрий со всеми «суждальскими» князьями. В Новгород приехал татарин Телебуга и вызвал новгородцев против Михаила в помощь Юрию (Новг. I л.). Новгородцы подошли к Торжку и там ожидали срока; как было условлено они должны были двинуться от Торжка к югу (в то время как Юрий от Волока — к северу) и, таким образом, войдя в соприкосновение с войсками Юрия, ударить на Тверь: «... сьрѣкаа срокъ, како пойти Юрию князю отъ Волока, а Новгородцемъ отъ Торжку» (Рог. л.). Между тем войска Юрия подошли ближе к Твери и начали воевать Тверскую волость: «почаша воевати Тферскую волость, села пожгоша и жито, а люди в плѣнъ поведоша» (Рог. «летописец»). Ожидая прихода новгородцев, Кавгадый, очевидно, чтобы протянуть время, вступил в переговоры с Михаилом: тверская летопись рассказывает, что от Кавгадья ездили «послове» к Михаилу, но не с целью покончить дело миром, а «все съ лестию» (Рог. л.).² Новгородцы тем временем пошли к югу, прошли по тверскому рубежу, но Юрия не нашли, а столкнулись с отрядами Михаила. Не обнаружив московских войск («попече не вѣдяху князя Юрья, идѣ есть...», Новг. I л.), они заключили сепаратный мир с Михаилом и ушли в Новгород (Новг. I, Рог., Новг. IV, Соф. лл.). Кавгадый, Юрий и «суждальские» князья пошли в северо-западном или западном направлении, к Волге, в надежде, повидимому, встретить новгородские войска. Михаил, «свокупа свои мужи Тферичи и Капинци», вышел «противу Юрию»; Юрий «ополчися противу»; произошла «сѣча велиа», Юрий был на-голову разбит и бежал «въ малѣ дружинѣ» в Новгород. Среди пленных (в их числе были и князья) оказалась и княгиня Юрьева, сестра Узбека Кончаза (Кончака), умершая в плену.³

Михаил, как видим, явно сильнее Юрия. Тверское княжество в эти годы представляется, таким образом, едва ли не самым сильным из всех «низовских» княжеств: Михаил разбил всех «суждальских» князей с московским князем во главе. Сила тверского князя была, очевидно, хорошо известна Кавгадью и им предусматривалась; этим объясняется, почему он вызвал новгородцев и ожидал их прибытия. Но ни Юрий ни Кавгадый не предвидели, конечно, что новгородцы заключат отдельный мир с Михаилом и тем разрушат

¹ Эти события остались не понятыми А. Е. Пресняковым, так как он совершенно не использовал (или, вернее, не оценил) основной (и древнейшей) текст для этих событий — Рог. л. (см. Обр. вел. гос., стр. 129). В основу добавлений летописной переделки XV в. жития Михаила (П. С. Р. Л., т. VII) взят летописный рассказ, но передача «великого княжения» изложена неверно, а в дальнейшем введен мотив «смирения». Первоначальное сказание о Михаиле (см. выше стр. 83, примеч. 6) осталось Пресняковым не использованным при изложении этих событий.

² Рог. л., Тв. сб., Никон. л., 1317. Как видим, нет оснований предполагать, чтобы Кавгадый во время переговоров с Михаилом требовал от него недоимок (или вообще «серебра»), тем более что ни летописи, ни повесть об убийстве Михаила на это не указывают.

³ Рог. л., Тв. сб., Никон., Симеон., Новг. IV лл., 1317; Новг. I, 1318.

планы Кавгадыя. Предприятие окончилось неудачно. Так или иначе, однако, надо было выходить из создавшегося положения.

На другое утро Михаил вышел к Кавгадыю,¹ пригласил его и «дружиню» его в Тверь и оказал ему почет, соответствующий его положению: «и поятъ его в Тѣрь съ своею дружиною, почтивъ его и отпусти» (Рог. л.). Кавгадый заверил князя, обманывая его («лестию ротяшеся»), что они воевали «его» и «волость его» «без царева слова и повелѣния» и что он (Кавгадый) не будет «вадити» на князя к царю. Таким образом, Кавгадый с Михаилом «взяли мир» («взятъ миръ...» Рог. л.). Содержание этих переговоров нам не известно; однако можно установить, что великокняжеская территория (по крайней мере — г. Владимир) была вновь занята князем Михаилом.² Заверениям Кавгадыя Михаил, повидимому, поверил: когда прибыл Юрий с новгородцами, Михаил вышел к нему навстречу, заключил договор, текст которого называет обоих князей «великими князьями»,³ условился с Юрием, что оба они поедут в Орду, и послал вперед сына своего Константина.⁴ Это как будто показывает, что Михаил действительно считал себя перед Ордою правым.

Что же оставалось делать Кавгадыю? Неудача, постигшая его план, торжество Михаила требовали удовлетворения. Михаил так или иначе должен был быть наказан «царским» гневом, тем более что в тверском плену умерла Кончаза, сестра Узбека, и слухи приписывали ее смерть отравлению.⁵ Прежде всего Кавгадый вновь соединился с Юрием с неприязненными намерениями против Михаила. По словам «Повести», Юрий «паки соимся с Кавгадыем» и когда на следующий год Михаил отправил в Москву посольство «о любви», посол Михаила Олекса Маркович был Юрием убит (Рог. л.; 6826) и Юрий поспешил в Орду. Вслед за тем по его «повѣлению» в Орду поехали вместе с ним «всѣ князи Низовьские и бояре з города и новгородцы».⁶ Михаил с отъездом в Орду несколько задержался. Между тем Кавгадый, по словам тверской летописи,

¹ Когда Юрий, по рассказу Рог. л., «въ малѣ дружинѣ» бежал в Новгород, Кавгадый «повелѣ дружинѣ своей стягы поврѣщи, а самъ не любоуя поиде въ станы» (Рог., 1317). Из рассказа Рог. л. не ясно, принимала ли непосредственное участие «дружина» Кавгадыя в битве или стояла только с поднятыми стягами. Напомним, что «ратъ великая» Юрия была действительно разбита на-голову и что в числе пленных кроме жены Юрия попали князь Борис Данилович и др. «многии князи» (ср. Рог., Симеон., Моск. лл.). По Никон. л., в числе пленных были и «татары», но после свидания Михаила с Кавгадыем, князь «татаръ Кавгадыевыхъ избивати не повелѣ».

² См. в «Повести»: «бывшу же ему в Володимѣрѣ и се приде тоу посолъ изо орды...» (В. М. Ч., ноябрь).

³ «Се доконча князь Великий Гюрги съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ...» (С. Г. Г. и Д., I, № 14; А. А. Шахматов, Исслед. о языке новгор. грамот).

⁴ «Тое же зимы великий князь Михаилъ посла сына своего Костянтина в Орду» (Рог., 1317; см. «Повесть», Вел. Четии Минеи, ноябрь).

⁵ Симеон., 1317.

⁶ Вел. Четии Минеи, ноябрь. Посланным в Орду пришлось, как увидим, через 1½ месяца сопровождать Узбека в походе через Дербент.

по приезде в Орду стал говорить «царю», что Михаил, «собравъ по градомъ многы дани, хоцеть въ Нѣмци, а къ тобѣ ему не бывати» (Рог. л.).¹ Есть сведения, к которым, однако, следует относиться с осторожностью, что до суда Кавгадый готов был убить Михаила и уговаривал «царя» послать на Русь татар.² Михаил в Орду был «вборзѣ»; его торопил посол Ахмыл, который приехал во Владимир с приказанием от хана: «зовет ти царь, поиде вборзѣ, буди за мѣсяць», и предупреждал, что задержка, в виду обвинений Кавгадыя, может повлечь за собою рать.³ Через 1½ месяца после приезда Михаила в Орду «царь» приказал судить Михаила с Юрием или, вернее, судить Михаила. «Суд» собирался дважды.⁴ Кавгадый был одновременно и «судья и сутяжкой». Князья ордынские собрались «во едипу вежу, за царевъ дворъ и покладаху многи грамоты на князя Михаила». Михаил обвинялся в трех преступлениях: во-первых, «царевы дани не далъ еси»; во-вторых, «противу посла билъся еси» и, в-третьих, «княгиню великого князя Юрья оуморилъ еси». На первое обвинение Михаил «правду глаголя и истинну, обличаше лживыя свидѣтельства и», и кроме того (на втором суде) указывал, «колико сокровищъ своих издаялъ еси цареву и князем (все бо исписано имяше)».⁵ На второе обвинение он говорил,

¹ Рог., 1318, Вел. Четию Минеи, ноябрь.

² Никон., 1318.

³ Вел. Четию Минеи, ноябрь (застал орду у устья Дона); Рог., 1318.

⁴ Рог., 1318; Вел. Четию Минеи, ноябрь.

⁵ Вел. Четию Минеи, ноябрь. Была ли в этом обвинении доля правды и в какой мере условия могли позволить Михаилу утаить собранную дань, судить трудно. Скорее можно допустить, что Михаилу не удалось собрать всей дани. Во всяком случае, Михаил пришел из Орды в сопровождении Таитемера, и с ним были «татарове сильны». Московская летопись ничего не говорит о подобном злоупотреблении со стороны тверского князя. Тверской автор летописи и тверской автор «Повести» нисколько не скрывают обвинения, предъявленного Михаилу, повидимому далекие от мысли, что читатель заподозрит Михаила в этом преступлении. Напомним также, что в 1321 г. в Кашин приехал «Гаянчаръ татаринъ съ жидовиномъ длъжникомъ, много тягости учинили Кашину»; «должник» — это кредитор, заимодавец. Согласно мнению Экземплярского (а вслед за ним и А. Е. Преснякова), приезд «должника» был вызван долгами Михаила (см. Пресняков, Обр. вел. гос., стр. 132, примеч. 2; Экземплярский, II, 469). Если так, то и Михаилу приходилось в Орде занимать в долг. Ссудные сделки с купцами в Орде были довольно обычным явлением. За их помощью, конечно, обращался даже сам Узбек. Так, по рассказу Эннувейри (ум. в 1333 г.), когда султан сватал «девушку из рода Чингис-ханова», Узбек предложил египетскому послу внести приданое. «Тот стал извиняться, что при нем нет денег. Тогда он (Узбек) сказал: «мы прикажем купцам ссудить тебя тем, что (следует) внести», и приказал им сделать это. Он занял 20 000 динаров чистым золотом и внес их. Потом он (Узбек) сказал: «необходимо устроить пир, на котором собрались бы хагуни». Он (посол) в другой раз занял денег, говорят 7000 динаров, и устроил пирушку» (Т и в., I, 169). Мы знаем также, что, когда Александр Михайлович в 1325 г. возвращался из Орды, с ним были «должники и много бысть тяготы на Низовьской земли» (Новг. I, л.); что в 1371 г. Дмитрий Иванович вернулся из Орды «съ многими длъжники и бышетъ отъ него по городомъ тягость даннаа велика людемъ» (Рог., 6879). В договорных грамотах, наконец, встречается прямо указание на «долг бесерменьский» (см. С. Г. Г. и Д., I, № 33, стр. 56).

что «посла паки избавих брани и со многую честию отпустих его». Наконец, «про княгиню бога послуха призываше, глаголя, яко ни на мысли ми того сотворити». ¹ Тем не менее судьбы вынесли приговор: «достоинъ есть Михайль смерти». ²

Приговор привели в исполнение не сразу. Русских князей и в том числе тверского князя, прикованного к колоде, увезли вместе с Ордою, которая двинулась на юг в сторону Дербента, так как Узбек во главе многочисленной армии намеревался вторгнуться во владения иранского ильхана Абу-Сеида (1316—1335). ³ Текст «Повести» дает описание любопытной сцены, которая вскоре произошла в Орде. Кавгадый приказал вывести Михаила с колодой на вые «в торгъ»; там, «созва вся заимодавца» при большом стечении народа, он поставил его перед собою на колено («величаше бо ся беззаконный, — прибавляет повесть, — яко власть имыи на праведнем») и «многа словеса изрече досадна на него», а «по сем» говорил ему о «цареве обычае» и «царском гневѣ». Эта сцена должна была иметь, очевидно, показательное значение: автор свидетельствует, что в то время «сехалось бѣ множество людей отъ всѣхъ язык и спедшесь тоу зряху» тверского князя; не даром один из присутствующих сказал, обращаясь к нему: «видиши ли се, колико множество народа стоит, видяще тя в таковой оукоризнѣ: а преж слышаще тя, царствующа в свои земли... ⁴ Под г. Тетяковым — «минувши всѣ города высокие Ясьские и Черкаские, близ ворот желѣзных» (т. е. Дербента) — Михаила убили. ⁵ По словам повести, перед убиением

¹ Ср. Духовную новгородца Климента XIII в.; меновую грамоту 1538 г., где «послухами» являются «бог, Николай Чудотворецъ, апостолы Петр и Павел». (А. С. Лапко-Данилевский, Архивные курсы. Очерк русской дипломатии частных актов, II, 1920, стр. 47).

² Вел. Четии Минеи, ноябрь; Рог., 1318.

³ См. «Летопись царей и султанов, современных султану Олджайту: «в 718 г. (5 марта 1318—21 февр. 1319 г.) со стороны Дешткипчака дошла молва, что царь Узбек с бесчисленным войском по Дербентской дороге направился в этот край (Иран)... Государь (Абусаид) и эмиры (его) двинулись в Карабаг». Поход кончился успешным отступлением Узбека (Т и в., II, рукоп.); см. Летопись Вассафа: «В середине зимы 718 г. (1318—1319) царевич Узбек появился от границ Саксинских и кипчацких с огромным и бесчисленным войском... прошли через Железные ворота (Дербент). Охранение этой окраины поручено было (Хулагуидами) эмиру Теремтазу с личной тысячею. Так как племена левгин — да дарует (нам) Аллах неоднократно победы над ними! — из-за скверных намерений и дурных наклонностей (своих) имели большую связь с той (золотоордынской) стороной, то они ему (Теремтазу) не дали знать о прибытии этой неожиданной армии». Далее читаем об остановке войска Узбека на берегу р. Куры, и затем — о успешном отступлении из опасения, что войска противника зайдут в тыл (Т и в., II, рукоп.).

⁴ Вел. Четии Минеи, ноябрь.

⁵ Бояре и слуги Михаила («бояре ж его и слуги») подверглись избиению: «а иных изымаше, волочаху нагих, терзающе нещадно... и приведше въ станы своя, оутвердиша и во оковѣхъ» (Вел. Четии Минеи, ноябрь). Часть их (с князем Константином) нашла спасение у «царицы» («котори успѣша убѣжати во орду къ царицы со княземъ Константином»). Смерть «Озбяковой царицы» (Бояльнь) отмечена в русских летописях под 1323 г.: «царица Озбякова въ ордѣ именем Бояльнь умре» (Симеон. л.). О Боялунь (третьей хатуни Узбека), дочери византийского императора, см. подроб-

князя «Кавгадый вхождааше къ царю и исхождааше со отвѣты на убienie блаженаго».¹ В какой же мере печальная участь Михаила явилась результатом интриги князя Юрия и вообще можно ли допустить, что московскому князю принадлежала инициатива в разыгравшихся политических событиях? Источники, как мы видели, едва ли допускают такое понимание. В Орду Юрий был вызван ханским послом. Все переговоры с Михаилом — и вначале у Костромы, и затем под Тверью — вел не Юрий, а Кавгадый. К новгородцам, как мы видели, приезжал татарин Телебуга. Московская летопись говорит, что Михаила Тверского «убилъ царь Озбьякъ в ордѣ» (Симеон. л.). Тверская летопись говорит, что в Орде «вадили» на князя Михаила Юрий и Кавгадый, но и она указывает, что «началником всего зла» был Кавгадый (Рог. «летописец»). Но всего показательнее оценка роли князя Юрия в тверской «повести», составленной современником событий — лицом, сочувствующим Михаилу и свидетелем его смерти в Орде: Юрий Московский, согласно рассказу повести, является орудием в руках татар. Эта оценка роли Юрия невольно остановила внимание знаменитого автора исследования о «Древнерусских житиях как историческом источнике»: «Но любопытно, — пишет Ключевский, — что соперник его (Михаила) Юрий Московский остается в тени и не на него направлено тверское негодование автора. Юрий с пизовскими князьями — орудия татар, невольная жертва ордынской жадности и особенно треклятого Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношение тем более любопытно, что Москва в начале XIV в. не была еще окружена в глазах общества блеском, прикрывавшим много, и сам автор не скрывает подробностей, не согласных с его отношением к действующим лицам рассказа».²

Вернувшись на великое княжение, Юрий в своей великокняже-

ный рассказ у Ибнбатуты (Т и з., I, 294—295) — о ее «состарательности» и об отношении к прибывшим; ср. в *Analceta Franciscana*, III, 1897, p 519—520, в главе *incipit passio fratris Stephani de Hungaria in civitate Saray Tartarorum*, 301—305: о ее путешествии в Константинополь. Книга Civezza была мне недоступна: M. de C i v e z z a, *Histoire universelle des Missions Franciscaines*, trad. de l'italien... par le P. Victor-Bernardin de Rouen, Paris, 1898—1899, t. I, *Asie: Tartarie (Grande Tartarie, Chine, Perse, Indes, Paptchak, Thibet, Turkectan)*, 1898.

«Повесть» рассказывает далее, что «самиж князи и бояре в единой вежи бяхоу, пиюще и повѣствующе, ктож какову вину изрек на святого» (В. М. Ч., там же). Очевидно, это были те самые «князи низовские и бояре з городов», которые «по повелѣнью Кавгадыеву» прибыли в Орду, когда он готовил осуждение Михаилу в Орде (см. В. М. Ч., ноябрь).

¹ Вел. Четии Миней, ноябрь.

² «Древнерусские жития святых как исторический источник», стр. 73—74; и далее: «Увидев брошенное без одежды тело Михаила, Кавгадый «с яростью» обратился к Юрию: ведь он брат тебе старший, все равно, что отец, зачем лежит так его тело? (После убийства Михаила его «вежу» разграбили «Роусь и Татарове», а тело его было брошено «небрежено»: Вел. Четии Миней, ноябрь; А.Н.). После убийства и русские князья с боярами, в одной веже с ордынскими, пили вино и хвастались, какую кто вину выдумал на пострадавшего князя» (там же, стр. 74). Об этом см. выше, примеч. 5.

ской деятельности действительно играет роль орудия ордынской политики, т. е. верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов.

Не прошло и года после возвращения Юрия из Орды, как к нему приехал «посол» Байдера («и много зла учиниша въ Володимери»)¹. По прибытии Байдера Юрий поехал в Ростов — очевидно, в связи с какими-то требованиями Орды: в Ростове, по сообщению летописи, появились «злии Татарове».² Из Ростова он проехал в Новгород, где сидел уже его сын Афанасий, посланный туда еще из Орды,³ а в Ростове между тем вспыхнули волнения и население изгнало из города прибывших татар.⁴

На следующий год в Капин приехали «Гаянчаръ Татаринъ съ Жидовиномъ длѣжникомъ» и «много тягости оучинили Капину».⁵ Вопросы уплаты ордынского «выхода» опять таки вызвали выступление великого князя Юрия. Со всей силою Низовскою и Суждальскою Юрий «сбрався въ Переяславли, хотя к Капину ити, Михайловичи же князь Дмитрий съ братиею съ Тѣфрскимъ полкомъ и съ Капинскимъ противу ему изыдоша къ Волзѣ и до конца мир мѣжи ими владыка Андреи и разыдошася».⁶

Военная экспедиция сделала свое дело; Михайловичи, очевидно, рассчитались с кредитором и обязались, согласно условию, вскоре уплатить определенную сумму выходного серебра: в том же году зимой Юрий взял («поймавъ») «сребро оу Михайловичевъ выходное по докончанию»;⁷ был ли это остаток выхода, недоимка или полностью очередной выход, мы не знаем, хотя по ходу событий вероятнее кажется первое; летопись рассказывает только, что, приняв серебро, Юрий не пошел «противу царева посла» (имя посла при этом летопись не указывает), а поехал, захва-

¹ Никон., 1320: «Князь велики Юрьи Даниловичъ Московский прииде на великое княжение...» «Того же лѣта приходил изъ Орды посолъ Байдера къ великому князю Юрию Даниловичю и много зла учиниша въ Володимери. Того же лѣта князь велики Юрьи Даниловичъ посла въ Новъград на столѣ брата своего Афанасия Даниловичя»; ср. Новг. I, Новг. IV лл., 1319 г.

Имя Байдера мы встречаем у Ибнбатуты: когда ханша Узбека Баялунь, дочь византийского императора, отправилась в Константинополь, ее провожал «эмир Байдара с 5000 своего войска»; когда они доехали до пограничной византийской крепости Махтули, «эмир Баядера вернулся со своим войском, а с хатуныю поехали лишь ее люди» (Т и з., I, 302, 304).

² Акад. л.: «Князь Юрьи приеха в Ростовъ, а из Ростова еха в Новъгородъ... Того же лѣта быша зли Татаровѣ в Ростовѣ...» (ср. Воскр., 1320). Следует заметить также, что за год перед тем в Ростов из Твери перевезли тело Кончазы, сестры Узбека и жены великого князя Юрия, где она была похоронена в церкви св. Богородицы (Акад., 1319; Воскр., 1317; Новг. IV, 1319).

³ См. Новг. IV л.: «а Юрьи изъ Орды присла брата Афанася в Новъгородъ намѣстникомъ»; ср. Новг. I л.

⁴ Акад., 1320: «...и собравшеся людие, изгониша ихъ изъ града»; ср. Воскр. л. Последствием этих волнений, как увидим, явилась карательная экспедиция 1322 г.

⁵ Рог., 6829.

⁶ Там же; ср. Тв. сб., 6829; Новг. I л.: «и докончаша миръ на дву тысячу сребра, а княжения великого Дмитрию не подымати».

⁷ Там же.

тив с собою серебро, в Новгород. Там он вынужден был, согласно обоснованному указанию А. Е. Преснякова, задержаться.¹ Между тем Узбек передал великое княжение Дмитрию Михайловичу, который вернулся из Орды с послом Севенчбуггой, и вместе с тем поручил послу Ахмылу звать Юрия в Орду.² Мы не имеем прямых объяснений, почему Узбек решил передать великокняжеский ярлык тверскому князю. Можно думать, что был донос со стороны того самого «царева посла», «противу» которого не вышел с серебром Юрий, и что поводом послужила задержка Юрия в Новгороде. Так или иначе, но источники свидетельствуют, что Юрий все время оставался верным слугою хана. «Противу царева посла» он не поехал, во-первых, потому, что был вызван, как сообщает Новгородская летопись, новгородцами в Новгород,³ и, во-вторых, потому, что намеревался, как выясняется из дальнейших событий, непосредственно внести собранные деньги в Орду. В самом деле, из Новгорода он стремился скорее в Орду;⁴ опасаясь нападения со стороны тверского князя, он просил новгородцев проводить его;⁵ опасения князя были вполне основательными: на пути «во Орду» на Удроме на него действительно напал князь Александр Михайлович и разграбил его «товар». Юрий принужден был спасаться бегством во Псков, откуда он переехал в Новгород.⁶ Спустя два года мы видим, что он добросовестно действует в интересах Орды в Заволочье, после взятия новгородцами Устюга («и докончаша миръ по старинѣ и выход давати по старинѣ во Орду»)⁷ Наконец, в том же году он из Заволочья проезжает р. Камой в Орду, везя, очевидно, с собою собранный выход.⁸

Между тем на роль ханского слуги Узбек не без успеха выдвигал уже брата Юрия — Ивана Даниловича. Еще в 1320 г., после вечевого восстания в Ростове, Иван Данилович «поиде во Орду ко царю Азбяку» (Никон. л.). В Орде он прожил до 1322 г., когда его послали вместе с послом Ахмылом с карательной экспедицией. Экспедиция действовала, повидимому, добросовестно по некоторым

¹ Рог. л.; Тв. сб., 6829. См. «Образование великорусского государства», стр. 133, примеч. 3; ср. также текст, стр. 133—134.

² Симеон., Никон., 1322; ср. Никон. л.: «...и пожалова его царь Азбякъ великимъ княжениемъ Володимирскимъ подъ великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ; а прежде сего той же Азбякъ царь дал великое княжение Володимирское Юрию Даниловичю Московскому подъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ».

³ Новг. I, 1322: «приде князь Юрь в Новъгородъ позванъ Новгородци».

⁴ Никон., 1322. Из Орды прибыли в этом году посол Ахмыл («по Юриа князя») и с ним князь Иван Данилович (Рог. л., Тв. сб., Никон. л.).

⁵ Новг. I, 1322: «...много моливъ Новъгородци а быша и проводили».

⁶ Новг. I л.; ср. Рог. л. и Тв. сб.

⁷ Никон., 1322; Новг. I л.; Рог. л.

⁸ Там же. Встреча с Дмитрием Михайловичем оказалась роковой для Юрия: в Орде он был убит тверским князем. Убийство было совершено «безъ царева слова», т. е. не по приказанию Узбека, и на следующий год Дмитрий Михайлович был царем казнен (Новг. I л.); вместе с ним убили и князя Александра Новосильского (Симеон., Рог. лл.). Великое княжение передали Александру Михайловичу Тверскому.

городам Низовской земли (очевидно, в Ростовском княжестве), причем особенно пострадал г. Ярославль: «и плѣниша много людей и поськоша и Ярославль по ж же мало не весь».¹ Спустя шесть лет ему от «царя» дано было новое «повеление» — сопроводить большую карательную экспедицию на Тверь.

Дело в том, что в 1327 г. в Твери вспыхнуло восстание. Незадолго перед тем в город приехал ханский родственник Шевкал. Назначению Шевкала в Тверь, последовавшему вслед за передачей великого княжения (со смертью Димитрия) тверскому князю Александру, придавали серьезное значение.² Вместе с Шевкалом в Твери расположилось большое количество татар. Эти последние, по словам тверской летописи, стали позволять себе «насильство и грабление и битие и поругание» над горожанами.³ Население ждало только повода к восстанию («искаху подобна врѣмени»), и когда представился удобный момент,⁴ разразилось вечевое восстание: «и смятошася людие и оудариха въ вся колоколы и стаща вечемъ и поворотися градъ весь и весь народъ въ томъ часѣ сбрася и бысть въ нихъ замѣтня и кликнуша Тѣбричи и начаша избивати Татаръ»;⁵ в числе убитых оказался и сам (ближайший родственник Узбека)⁶ Шевкал.⁷

¹ Акад., 1322; ср. Воскр. и Симеон. лл.; Ростов был на этот раз пощажён (см. ниже).

² Это видно из того, как передает Тверская летопись обстоятельства назначения Шевкала в Орде царем; см. со слов: «потом, за мало дни...» до слов: «... и повелѣ ему царь сътворити тако» (Рог. л., Тв. сб., 1326).

³ Рог. л., Тв. сб., Никон. л., 1326.

⁴ В праздничный день (15 августа), когда, очевидно, в город (на «торг») стекалось много народу, «в полоутра, как то р г ъ сънимается», один дякон-тверяк, прозвищем Дудко, повел кобылицу «младу и зѣло тучну» поить к Волге. «Татарове же видѣвше отъгаша ю» (Рог. л., Тв. сб., 1326). Ср. о татарах у Кирикаса: «Не довольствуясь тем, что они ели и пили, они требовали еще коней и дорогих одежд; но особенно они любили лошадей, которых забирали во всей стране. Никто не смел открыто держать лошадей и мулов, разве скрывали где-нибудь, и то для нужд при исполнении военных повинностей. Где только они ни находили лошадей, а особенно, когда замечали на них свои клейма, то отбирали их себе» (П а т к а н о в, II, 40). Когда пострадавший поднял крик, ему пришли на помощь: «и бысть между ими бои, татарове надѣющеса на самовластие, начаша сѣчи и абие сътекошася челоувѣци»; вслед за тем ударили в «колоколь», и «весь народ» стал сбегаться на вече, кончившееся избиением татар (Никон. л. упоминает, что Шевкал хотел «своя творити въ собрании людей»; что, однако, подразумевается здесь под «собранием людей», из контекста совершенно не ясно; см. Никон. л., 1327 г.).

⁵ Рог. л., Тв. сб., 1326; ср. Никон. л. (1327) г. Ср. в песне «Шелкан Дудентъвич», записи XVIII в. в сборн. Кирилл Данилова, выражение: «Тверь старая, Тверь богатая...» (Сборн. изд. Публ. библ., СПб., 1901, стр. 14).

⁶ Шевкал (Рог. л., Тв. сб.), Шолкан (Новг. I л., КТ) или Шелкан Дюденевиц (Никон. л.) назван в Никон. л. «братаничем» Узбека; словом «братанич» обычно обозначали сына брата, а «братаном» двоюродного брата (см. С р е з н е в с к и й, Материалы, I, 166—167). Повидимому, Шевкал был сыном Тудана и внуком Менгу-Тимура, т. е. приходился двоюродным братом, а не племянником Узбеку (см. К а р а м з и н, IV, 125; Н. И. В е с е л о в и й, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1916, т. XXI, кн. I, стр. 6—10).

⁷ Рог. л., Тв. сб., 1326; Никон. Новг. I л., 1327.

Тверской князь (Александр) находился в это время в Твери и перед восстанием, непосредственно общаясь с местным населением, разделял, как видно, общее настроение по отношению к татарам. Народ ему «многожды» жаловался на притеснения и, по уверению летописи, князь хотел «оборонять» тверичей от насильников, но не имел на то средств («и не моги их оборонити, трыпѣти имъ веляше»).¹ Между тем Александр, как мы уже говорили, с 1326 г. занимал великокняжеский Владимирский стол, и, конечно, его поведение во время восстания и убиения Шевкала (даже если Александр не принимал в восстании участия, но был пассивным зрителем побоища) оценивалось как измена своему монгольскому сюзерену: недаром сам Александр впоследствии (в 1337/8 г.) признавался Узбеку в том, что он «много зла ему створил».²

Как только весть о событии пришла к царю, он не замедлил вызвать в Орду Ивана Даниловича.³ Осенью Калита отправился к хану, а зимой уже «по повелѣнию цареву» вместе с Александром Суздальским выступил с многочисленной татарской (Федорчуковой) ратью: «и бысть тогда великая рать Татарская, Федорчук, Туралык, Сюга, 5 темников воеводъ, а съ ними князь Иванъ Данилович Московский по повелѣнию цареву».⁴ Экспедиция прибыла в Москву и оттуда двинулась на Тверь: «и шедъ ратью плѣниша Тѣбрь и Кашиць и прочия города и волости и села и все княже-ние Тѣрское взяша и пусто сѣтвориша... а князь Александръ (Тверской) побѣжалъ съ Тѣри въ Псковъ».⁵ Великое княжение было поручено Александру Суздальскому, причем часть великокняжеской территории передана Ивану Даниловичу Московскому.

Итак, еще в 70-х гг. XIII в. в Золотой Орде стал намечаться второй, на ряду с Поволжьем, военно-политический центр, а со смертью Менгу-Тимура (т. е. с 1280—1282 г.) в Золотой Орде прямо образовалось два военно-политических лагеря. Установившееся (до 1299 г.) в Орде двоевластие непосредственно отразилось на политических взаимоотношениях на Руси. В соответствии с двумя военно-политическими центрами в Золотой Орде, в Северо-восточной Руси образовались две взаимно враждебных политических груп-

¹ Рог. л., Тв. сб.; ср. Троицк. л.; Новг. I л., не касаясь подробностей, сообщает: «Того же лѣта, на Успѣиѣ святыя Богородицы, князь Александръ Михайловичъ изби Татаръ много во Тѣри и по инымъ городомъ, и торговци гость хопыльскыи исѣче: пришел бо бяше посоль сѣленъ изъ орды, именовъ Шевкаль (Шолканъ, КТ) съ множествомъ Татаръ». В тексте Владимирского Полихрона XV в. (Соф. I, Новг. IV, Воскр. лл.) мы имеем уже версию, согласно которой Александр принимал активное участие в избивении татар.

² Рог. л., Тв. сб., 6845: «господине царю, аще много зло сѣтворих ти, во се есмь предъ тобою, готовъ есмь на смерть» (Рог. л.); здесь разумеются также и события, имевшие место после 1328 г. (см. ниже).

³ См. Никон. л., 1327 г.: «слышавъ же сиа царь Азбкъ... посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московскаго»; ср. Рог. л., 6835 г. Отправляясь в Орду, Иван Данилович послал своих наместников в Новгород: «того же лѣта присла князь Иван Даниловичъ намѣстники своя в Новѣгородъ, а сам иде въ Орду» (Новг. I, 1327).

⁴ Сим. л.; в Новг. I л.: «приде рать Татарская мно ж с т в о мно го».

⁵ Симеон., Никон. лл.; ср. Рог. л. 1327 г.

пы. Одна из них признавала «царем» Ногаю: это князь Дмитрий Александрович Переяславский и его соратники; другая — не признавала: прочные связи по родству и «службе» сделали ростовских князей верными вассалами ханов Поволжья; вместе с Андреем Городецким они ориентировались на Волжскую Орду.

В эпоху двоевластия в Орде, в конце XIII в., произошли, по видимому, некоторые изменения в системе эксплуатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время: в эпоху двоевластия вел. князь Владимирский начал сам собирать ордынскую дань и отвозить ее в Орду.

Неизвестно, находились ли баскаки Ногаия в княжествах враждебно относившихся к Волжской Орде (Тверском, Переяславском, Московском). В дальнейшем мы баскаков там не обнаруживаем. В Ростовском княжестве, признававшем Волжскую Орду, баскак сидел еще (судя по летописному известию 1305 г.) в начале XIV в. К концу XIII в. мы видим — как результат существования двух политических ориентаций — два враждебных лагеря: в одном — представители г. Переяславля, князь Тверской и князь Московский, в другом — князь ростовские, к которому примыкал их верный союзник князь Андрей Городецкий. Еще при жизни Ногаия (на исходе XIII в.) волжский хан делал как будто попытку (не без помощи сарайского епископа) примирить первую группу с ростовской группой князей (съезд 1297 г.). Сокончанием смут (около 1299 г.) и гибелью Ногаия в Волжской Орде возник в новом виде вопрос об отношении к Твери, Москве и Переяславлю. На первых порах, ограничиваясь дипломатическими мероприятиями, волжский хан, по видимому, направляет свою политику к тому, чтобы расколоть союз Твери и Москвы, независим настроенной по отношению к Волжской Орде; далее он ведет наступление на Тверь.

Анализ событий 1317—1318 гг. (поход Кавгадия на Тверь и убийство Михаила Тверского) показывает, что не московскому князю принадлежала инициатива наступления на Тверь. Поведение Орды в отношении к Твери вытекало из предыдущих событий (знаем например, что тверской князь ездил к Ногаю) и определялось тем, что Тверское княжество, как выясняется из событий, было самым сильным на Северо-востоке. Отсюда понятна задача ордынской политики: изолировать Тверь и сделать московского князя своим послушным орудием, что и оказывается на деле: вернувшись из великого княжения Владимирского из Орды, Юрий в своей великокняжеской деятельности действительно играет роль верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов; не без успеха на ту же роль выдвигают затем брата Юрия — Ивана Даниловича. Но и в отношении к Москве существуют опасения, соблюдается осторожность: по смерти Юрия, например, великое княжение Владимирское передается Александру (Тверскому), а после восстания в Твери и бегства Александра (1327 г.) особенное внимание Орда обращает, как сейчас увидим, на князя Суздальского.

ГЛАВА IV

С ярлыком на великое княжение Владимирское были связаны особые полномочия, которые давали великому князю владимирскому право в известных случаях распоряжаться силами других князей «Суздальской» земли. Равным образом с ярлыком на великое княжение Владимирское была связана особая территория. Эта территория, поступавшая в распоряжение великого князя владимирского, не смешивалась с его личными владениями, с территорией его княжества — отчины. Когда князь лишался великокняжеского ярлыка, он лишался и великокняжеских полномочий и великокняжеской территории.

«Великое княжение Владимирское», как можно думать, должно было служить интересам хана. Не случайно, конечно, что почти всегда, когда великий князь владимирский распоряжается силами других князей, мы видим, что он выполняет ордынское дело, действует в интересах Орды. Так, например, в 1317 г. Юрий пошел со всеми «суздальскими» князьями вместе с Кавгадьем на Михаила; в 1320 г. он ходил со всею силой «Низовской и Суздальской» против Михайловичей, чтобы обязать их выплатить какую-то сумму «выходного серебра». Подобного же рода задачи он преследовал, быть может, в Ростове.

Мы видим, что при выполнении ордынского поручения или ордынского дела местом сбора служат те города, которые вошли в первой половине XIV в. в состав великокняжеской территории: Кострома, Переяславль. Так, например, в 1317 г. местом сбора, куда были стянуты все «суздальские» князья, служила Кострома. По своему положению Кострома была удобна, как место сбора при совместном выступлении русских и татар в пределах Руси. Кострома лежала на водном пути из Золотой Орды в Русь; в 1318 г. Конча шел на Русь (в Ростов) через Кострому. Равным образом местом сбора служил Переяславль. Когда в 1320 г. Юрий шел на Михайловичей, он собрал всех суздальских князей в Переяславле, который стал исходным пунктом в его действиях. Переяславль служил также исходным местом действия низовских и рязанских князей и великого князя владимирского в походе против Новгорода, не желавшего уплатить требуемого Ордою серебра в 1333 г.: по крайней мере туда, в Переяславль,

новгородцы посылали своих послов для переговоров;¹ Кострома была местом сбора суздальских князей, созванных на съезд великим князем владимирским по повелению из Орды поймать разбойников, ограбивших жукотинцев.² Кроме того, вероятно также в связи с особым значением великокняжеской территории, Кострома служила местом «сбора», на котором решался вопрос о пределах сарайской епархии; вопрос обсуждался при Феогносте и ранее при Петре с владыкой сарайским Софонием; «как то пишутъ грамоты брата моего, — писал митрополит Алексей, — Максима митрополита и Петра и Феогноста, что сборомъ створили на Костромѣ, и владыка Софоний далъ грамоты изъ устъ своихъ...».³

Кроме Переяславля и Костромы в XIV в. в состав земли великого княжения Владимирского вошли Нижний-Новгород и Городец. Когда же именно все эти города отошли к территории великого княжения Владимирского и при каких обстоятельствах?

В 1303 г. на Костроме умер князь Борис Андреевич, и включение Костромы в состав великого княжения произошло вскоре после его смерти в 1303 г., возможно — на съезде 1304 г., где «чли грамоты царевы ярлыки».⁴

Не следовала ли Орда существовавшему порядку, согласно которому выморочные владения поступали в распоряжение великого князя владимирского? Мы знаем впрочем случай, когда Орда закрепила захват-города, совершенный в нарушение такого порядка. Так было, когда татары передали ярлык Андрею Городецкому, а Переяславль закрепили за московским князем (1304 г.). Московская летопись обосновывает право московского князя (Даниила) на Переяславль не тем, что московский князь имел право на великокняжеский ярлык или должен был его получить, а тем, что Иван Дмитриевич Переяславский, умирая, «благослови въ свое мѣсто Данила Московского въ Переяславли княжити; того бо любляше паче инѣхъ» (Симеон., 1303). Место это обнаруживает московскую точку зрения. Иная точка зрения могла быть выгодна тверскому князю, но не московскому. Московский князь не полу-

¹ Новг. I, 1333; ср. также, под 1336 г., в сп. Дубровского (Гос. Публ. библ., F IV 238) о том, что князь великий «ходи в орду, и прииде, иде в Переяславль» (см. Новг. IV л.: П. С. Р. Л. т. 4, в. II, 1925).

² Рог. л., 6868; Никон., 1360.

³ Пам. др.-р. канон. права, ч. I, № 19, стр. 171, 172; важно ср. с № 18, стр. 163, 166. Заметим, что на Костроме летопись отмечает смерть с а р а й с к о г о епископа Афанасия (Никон., 1326).

⁴ Выделение произошло вскоре после смерти Бориса Андреевича: так, в 1305 г., когда после смерти великого князя Андрея Михаил Тверской пошел в Орду, рассчитывая получить великое княжение Владимирское, Юрий, также рассчитывавший получить великое княжение, перед отъездом в Орду послал на Кострому брата своего Бориса, но тверичи его схватили и привели в Тверь (см. Симеон., Льв. и др. лл.). В 1320 г., когда на великом княжении Владимирском сидел уже Юрий, по тверскому известию: «оженися князь Костянтинъ Михайлович (ь) оувеликаго князя Юриа Софию, вѣнчанъ бысть на Костромѣ в святомъ Феодорѣ (Рог., 6828). О принадлежности Костромы к «великому княжению» см. также Новг. I, стр. 437 (о событиях 1328 г.) и «душевную грамоту» Донского (С. Г. Г. и Д., I).

чил великого княжения Владимирского и после смерти Андрея Городецкого и тем не менее продолжал владеть Переяславлем. Великое княжение Владимирское он получил только в 1317 г. Богатства Переяславской области — рыбные ловли, соляные источники, бортные угодья и значительное пространство плодородной земли — вполне объясняют, почему московские князья домогались присоединения территории б. Переяславского княжества к своим отчинным владениям.¹ Тем более интересно, что Переяславль был изъят из состава отчинных владений московских князей и присоединен к «земле» великого княжения Владимирского, как явствует из известий Рогожского «летописца» под 1362/63 (6870) г. и «душевных» грамот московских князей, начиная с Ивана Калиты. Следует напомнить, что через Переяславль лежал путь из Орды в Тверь.² Во времена Герберштейна через Переяславль проезжали те, кому лежал путь в Нижний-Новгород, Кострому, Ярославль и Углич, а также через Переяславль лежала прямая дорога из Москвы в Ростов.³ На юго-западе на путях в Орду лежала Коломна, а на юго-востоке — Нижний-Новгород и Городец, служившие как бы воротами в Северо-восточную Русь. Думаем, что не случайно Нижний-Новгород и Городец отошли в состав великого княжения Владимирского, будучи притом, так же как и Переяславль, изъятými из состава отчинных владений московского князя. Еще Мельников и Храмцовский, ссылаясь на летописный текст под 1311 г., предполагали, что Юрий Московский владел Нижним. Экземплярский сомневался в правильности этого известия (т. II, примеч. 1115); но правильность и древность его подтвердились с выходом в свет Симеоновской и Рогожской летописей. В 1328 г. территория великого княжения Владимирского была, по свидетельству одной статьи Археологического списка Новгородской I летописи, поделена Узбеком: «Озбьякъ подѣлилъ княжение имъ: князю Ивану Даниловичю Новгородъ и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичю далъ Володимеръ и Поволжье». Поволжье, т. е. Нижний-Новгород и Городец, были, очевидно, изъяты из отчинных владений московских князей. Татары, как видим, распоряжались составом и этих владений. Калита, долго державший ярлык на великое княжение Владимирское, был готов к тому, что Орда лишит его тех или иных волостей его княжества: «а по моим грѣхомъ ци имуть искати татарове которыхъ волостей, а отоймутся, Вам сыномъ моимъ и Княгини моеи подѣлити вы ся опять тыми волостыми на то мѣсто».⁴ В 1332 г. Александр

¹ См. М. К. Любавский, Образ. осн. гос. терр. велик. нар. Л. 1929 г., стр. 43.

² О пути из Орды в Тверь через Владимир и Переяславль, см. Рог. л., 6865 г.

³ См. Герберштейн, Зап. о московитских делах, пер. Малеина, СПб., 1908, стр. 124

⁴ См. С. Г. Г. и Д., I, № 21,22

Суздальский умер, и все великое княжение Владимирское было передано Калите. Исследователи высказали предположение, что после смерти Александра Васильевича Суздальского до начала 40-х гг. Нижним владел Симеон, сын Калиты, ссылаясь, во-первых, на летописное известие под 1340 г. о том, что смерть отца застала Семена Ивановича в Нижнем, во-вторых — на летописное известие под 1355 г. о том, что Константин Васильевич, похороненный в Нижнем, княжил 15 лет. Эти историки стояли, как сейчас увидим, на правильном пути. Однако их предположение принято не было. Экземплярский сомневался в его правильности, во-первых, потому, что находил известие 1340 г. только в Никоновской летописи, во-вторых — потому, что не находил никаких следов дальнейшей борьбы за Нижний между московским князем и суздальским (II, примеч. 1115). Не решался принять его также и Пресняков, хотя решительно и не отвергал. (См. Обр. вел. гос. стр. 261). С выходом в свет Рогожской и Симеоновской летописей древность известия под 1340 г. подтвердилась. Но что всего важнее — мы получили два новых известия, еще совершенно не использованных историками, в тексте Рогожской летописи: одно под 6849 (1341), другое — под 1343 г. Первое известие (под 6849 г.) решительно подтверждает сообщение Симеоновской и Рогожской летописей под 1355 г. о том, что Константин, погребенный в Нижнем, княжил там 15 лет; под 6849 г. мы читаем: «того же лѣта сѣде въ Новѣ-городѣ въ Нижнемъ на Городцѣ на княжении на великомъ Костянтинѣ Васильевич (ѣ) Суздальскы». Константин Суздальский сел, таким образом, в Нижнем и Городце только в 1341 г. (или, может быть, в 1340 г.). Далее мы имеем и другое новое известие, подтверждающее, что Нижний-Новгород и Городец были до 1341 г. в распоряжении московского князя: в Рогожском «летописце» под 1343 г. подробно рассказана замечательная сцена борьбы в Орде между Семеном Ивановичем и князем Константином Суздальским из-за Нижнего-Новгорода и Городца, свидетельствующая о попытках московского князя вернуть Нижний-Новгород и Городец в свое распоряжение. Картина получается в достаточной мере ясная: в 1332 г. Александр Васильевич умер, и все «великое княжение Владимирское» было дано Ивану Калите, т. е. вместе с Владимиром и «Поволжье» (Нижний-Новгород и Городец); в составе великого княжения Владимирского они были до 1341 г., когда, согласно прямому показанию древнего летописного текста, в Нижнем-Новгороде и Городце был посажен на «великое княжение» Константин Васильевич Суздальский. В 1341 год, таким образом явился момент образования «великого княжения» Нижегородско-Суздальского, что подтверждается и дальнейшим летописным текстом. Таким образом, согласно всем летописным известиям, мы должны принять, что Нижний-Новгород был продолжительное время присоединен к г. Владимиру, находясь сначала в руках Александра Васильевича, а затем — Ивана Даниловича, и что образование «великого княжения» Нижегородско-Суздальского произошло не

в 1328, а в 1341 г. Известие 1343 г. (текст Рогожской летописи) играет огромную роль в нашем построении. Оно показывает, во-первых, что хан прямо стал на сторону слабейшего князя и решил вопрос вопреки домогательствам московского, заручившегося даже поддержкой местного боярства. Оно свидетельствует далее, что в Орде отнюдь не ограничивались фиксированием существующего соотношения сил и владельческих отношений. Наконец, оба известия — 1341 и 1343 гг. — свидетельствуют о том, что хан действительно вмешивался во владельческие распоряжки, что отвергал Пресняков (см. «Обр. вел. гос.», стр. 151, примеч. 1).

Мы видели, таким образом, что татары оказывали известное воздействие на ход образования территории «великого княжества Владимирского», которая была связана с ярлыком на великое княжение Владимирское.

* «Великое княжение Владимирское», точнее — территория его, определялось известным количеством «темь». Так, в одном из древнейших летописных сводов — в Рогожской летописи в тексте тверского свода, под 1360 г., мы читаем: «насла (царь Наврус) на князя Андрѣя Костыянтиновича дая ему княжение великое 15 т е м ь».¹ Любопытно, что близкое количество «темь» (17) упоминается и в другом известии, в тексте другого памятника, но более позднего времени (под 1399 г.).² Отмеченное летописью слово «темь» могло иметь разное значение. Напомним прежде всего, что в областях Самарканда, Ирана и Бухары термин «туман» или «тюмень» служил для обозначения мелких территориальных единиц.³ В ярлыке Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду 1506—1507 гг., восходящему, возможно, в своем основном ядре к более раннему времени, мы встречаем термин «тъма» в значении область, округ.⁴ К сожалению, не ясно, употребляется ли слово «тъма» в этом ярлыке просто в смысле область, округ или в специальном значении податного округа. Нет сомнения, что, согласно первоначальному значению, количеством «туманов» определялось количество переписанного населения в данной стране.⁵ Так, например, число «туманов»

¹ Рог. л.

² См. Хронограф, ред. 1512 г.

³ Бартольд, Углубен и его время (Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 5, 1918, стр. 9—10).

⁴ Акты Западной Росс., т. II, № 6: «... Киевскую тму во всеми входы и данми, и з землями и з водами, Володимерскую тму, со всеми входы и данми, и з землями и з водами; Великого Луцка тму, со всеми входы и данми, и з землями и з водами; Смоленскую тму со всеми входы и з данми и з землями и з водами...» и т. д. и ниже: «Курскую тму, з входы и данми, и з землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюб [Радогощъ] з входы и данми и з землями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянск со всеми их входы и данми и з землями и водами...» и т. д. См. там же № 200 (1540 г.). Проф. Петрунь полагает, что ярлык Менгли-Гирея восходит к архетипу конца XIV в. См. Петрунь, Ханьскі ярлики на Українські землі (Східній світ, № 2, 1128). К вопросу об определении географических названий см. М. Любавский, Областное деление и местн. упр. Лит.-Русск. гос., 1893, стр. 247 и др.

⁵ Я говорю о завоеванных странах с оседлым населением.

во владениях Абаки-хана, по данным Стефана Орбелиана, определялось по «Великому Давтару».¹ В XIII—XIV вв. у нас знали счет населения (в «тьмах»), вероятно, согласно данным «дефтереи», т. е. основываясь на результатах переписи, регистрировавшей, как мы видели, дома или семейства.² В Любецком синодике об Олеге Романовиче (отмеченном в Ипатьевской летописи под 1274 г., в качестве сына брянского князя Романа, в числе князей, посланных Менгу-Тимуром в поход на Литву) говорится: «и сына его князя Олга Романовича, великого князя черниговского, Леонтия, оставившего дванадесятъ темъ людеи...»³ Не исключена, таким образом, возможность, что слова «княжение великое 15 темъ» свидетельствуют о количестве плательщиков (или семейств) в пределах «великого княжения Владимирского» (т. е. о 150 тыс. плательщиках), хотя возможно и другое объяснение: ничего нет невероятного в том, что территория великого княжения Владимирского делилась на 15 «туманов» или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани.⁴

Участие хана в образовании территории великого княжения Владимирского представится вполне естественным, если действительно это княжение должно было служить интересам Орды. Понятно, что в Орде должны были опасаться, что князь, получавший великое княжение, мог использовать те средства, которые он получал вместе с великокняжескими полномочиями, против самой ордынской власти. Мы видели, как подозрительно Орда относилась к русским князьям. Подобные опасения должны были усилиться после восстания в Твери и убийства Шевкала. Мы видели, что в отношении московского князя существовали опасения, соблюдалась осторожность: по смерти Юрия, например, великое княжение Владимирское было передано Александру (Тверскому), а после восстания в Твери и бегства Александра (1327 г.) особенное внимание Орда обращает на князя суздальского. Отсюда понятен смысл раздела земли великого княжения Владимирского, учиненного Узбеком, как мы видели, в 1328 г. Те же мотивы побудили в Орде произвести второй раздел великокняжеской территории, в результате которого было образовано особое «великое княжение» Нижегородско-Суздаль-

¹ В тексте указано 150 туманов, из которых каждый составляет 10 000. См. *Histoire de la Siounie par Stephannos Orbélian, trad. par M. Brosset, I, S.-P., 1864, p. 234; П а т к а н о в, История монголов инока Магакки, примеч. 45. О Китае см. D'Ohsson, op. c., II, стр. 482, примеч. 1* Предшественник Абаки-хана Хулагу владел всеми областями Ирана и Малой Азии от Индии до Средиземного моря (см. Лэн-Пуль, op. c.).

² Ср. выше, стр. 14, примеч. 5. Ср. D'Ohsson, op. c., II, стр. 482, примеч. 1. О «дефтерях» см. А. А. Э., I, стр. 345: опись царского архива (1575—1584), ящик 148; см. также Симеон. л., 1432 г.

³ См. текст Синодика в «Летописи занятий Археогр. ком.», в. IX, стр. 26. Возможно, что в тексте слово «тем» является просто древнерусской единицей счета.

⁴ К сожалению, в источниках мы не нашли пока никаких следов существования «тем» как мелких территориальных единиц на русском Северовостоке.

ское; московский князь остался великим князем «всех Руси».¹ Нам известно, что вскоре после первого раздела князя выполняли одно ордынское поручение, и довольно неудачно.² Нет ничего удивительного, что московский летописец умолчал как о первом разделе, так и о событиях, связанных со вторым разделом. Вспоминать о первом разделе было, вероятно, особенно неприятно московским князьям в 40-х гг. XIV в., когда они пытались бороться за возвращение отнятых по распоряжению Орды Нижнего-Новгорода и Городца. Между тем факт первого раздела подтверждается Архангелогородской летописью: «князь великий Иванъ Даниловичъ — читаем под 1328 г., — съде на великое княжение на Москвѣ первое». Следовательно, в 1332 г. Иван Калита был посажен на великом княжении вторично, поскольку получил Владимирский стол после смерти Александра Суздальского.

Мы упоминали, что после второго раздела территории «великого княжения Владимирского» московский князь (Семен Иванович) делал попытку вернуть Нижний-Новгород и Городец в свое ведение. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали: по смерти Узбека на престол, перешагнув через трупы своих братьев, вступил Джанибек.³ И хотя московский князь хотел использовать свои

¹ Что касается титула «... всея Руси», то следует заметить, что хотя первые сохранившиеся указания, что сами князья себя так титуловали, относятся к Калите, титул этот великие князья носили задолго до Калиты. Дьяконов высказал предположение на основании грамоты патриарха, что первым великим князем «всех Руси» был Михаил Ярославич (см. его статью в Библиографе 1889 г. № 1). Следует заметить, однако, что впервые в грамотах патриархов титул этот (правда, только в тексте, а не в обращении) применяется по отношению к князю Ростиславу Мстиславовичу Киевскому, а именно в послании патриарха Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому (1162 г.): в ответ на просьбу Андрея учредить во Владимире митрополию, отдельную от Киевской, патриарх, отвечая отказом, указывал князю «Ростовскому и Суздальскому» (Андрею), что отвергнутый им епископ Нестор был оправдан на соборе в присутствии «великого князя всея Руси», т. е. князя киевского (см. Р. И. Б., VI, стр. 66; ср. Никон. л., 1160 г., стр. 224; ср. Ипат. л., 1125, и Лавр. л., 1212 гг.). Известно, что титул этот возник в подражание титулу митрополита. Возможно, таким образом, что по отношению к великим князьям владимирским патриарх стал употреблять этот титул с переездом митрополита Максима из Киева во Владимир.

² Мы видели, что после восстания в Твери и убийства Шевкала Александр Тверской (он был тогда и великим князем владимирским) бежал в Новгород и оттуда (так как новгородцы его не приняли) во Псков. Когда Калита с новгородскими послами приехал в Орду, Узбек приказал им «искати» князя Александра. Они отправили к Александру своих посланцев, но безрезультатно: тверской князь в Орду не шел. Тогда был организован поход. Новгородская летопись, кроме тверских князей Василия и Константина, называет двух: Ивана Даниловича и Александра Суздальского; имена иных участников похода летописцы не упоминают («и иных много Русских князей»). Одна из летописных традиций отмечает, что приказ участвовать в походе получили «все князи». Из Новгорода Калита со всеми князьями и «с Новымъгородомъ» пошел ко Пскову, но Александра (тверского) не встретил, так как тот повернул назад в Опочку. Александр, таким образом, ушел, привестя его не удалось; соглашение же с псковичами состоялось только благодаря вмешательству митрополита (см. Пск., Новг. I, Никон., Рог. л., 1329 г.).

³ См. у Эласади (Т и з I, стр. 447); см. Симеон. л., 1341 и 1342 гг. и Рог. л., 1342 г.

связи с местным боярством, попытка его вернуть Нижний-Новгород и Городец встретила в Орде, несмотря на происшедшие там перемены, решительный отпор. В 1343 г. оба князя поехали в Орду, причем Семеп Ивановича сопровождали нижегородские и городецкие бояре, чтобы в Орде перед ханом держать руку московского князя. Тем не менее хан решительно стал на сторону суздальского князя. Нижегородское княжение осталось за ним. Бояре же подверглись жестокому наказанию за измену своему повому князю: они были «выданы» Константину, приведены в Новгород «въ холмѣстѣхъ», их «имѣнье» было конфисковано, а «самѣхъ» — прибавляет летописец, — повелѣ казнити по торгу вода».¹ Мы видим, таким образом, что татары боялись усиления кого-либо из русских князей за счет других и стремятся приводить их силы в равновесие.

«Традиционной политикой татар, — писал Маркс, — было обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться».²

И в отношении татар к Твери многое станет понятным, если мы поймем, что орда стремилась «приводить силы князей в равновесие». После бегства и многих лет отсутствия Александр приехал в Орду и получил свою отчину — Тверь, а на следующий год, когда Александр прибыл вторично, Узбек отпустил его из Орды «великим князем» тверским: тверской князь впервые выехал из Орды с титулом великого князя тверского.³ В Твери, как свидетельствуют известия 40—50-х гг., создалось свое местное «великое княжение». Но в отношении к Твери Орда сохраняет осторожность. Не так давно было время, когда Тверское княжество являлось самым сильным на русском Северо-востоке. Отсюда понятны черты двойственности политики Орды в отношении Твери. Есть некоторые признаки, что Александр вернулся из Орды в сопровождении ордынской знати. Лично Александр не казался хану,

¹ Рог. л.

² «It was the traditional policy of the Tartar to check the Russian princes the one by the other, to feed their dissensions, to cause their forces to equiponderate, and to allow none to consolidate himself» (op. c., p. 80).

³ В 6845 г. князь Александр поехал к Узбеку и «прятъ пожалование отъ царя, въсприимъ отчину свою» (Рог. л.); на следующий год «князь Александръ Михайловичъ Тѣфѣрьскыи поиде во Орду» и «на ту же зиму прииде к князь великии Александръ изъ Орды во Тѣфѣрь» (Рог. л.).

Давать великокняжеский титул тверскому князю, имевшему связи с Литвою, не соответствовало не только интересам московского князя, но и митрополита Феогноста (ср., напр., о церковных спорах; М. Д. П р и с е л к о в и М. Р. Ф а с м е р, Отрывки В. И. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. П.-д, 1916, ИОРЯС, т. XXI, стр. 18—19 и др.). Так или иначе, в Константинополе признали великокняжеский титул за тверскими и нижегородско-суздальскими князьями (см. Пам. др.-р канон. права, русск. истор. библ. VI, прилож.). Напомним также, что сарайский епископ сохранил некоторое преимущественное право (между епископами) в сношениях с Царьградом в XIV в. (напр., отправлял патриарху грамоты от русских епископов в 1354 г.).

повидимому, опасным до того момента, когда начались осложнения с Литвою и подготовка к походу на Смоленск, вошедший в союз с Гедимином. Без сомнения, Александра вновь вызвали в Орду в связи с предстоящим походом, причем на тверского князя, по словам тверской летописи, «клеветали»: убийство было совершено перед походом; ни один из тверских князей в походе не участвовал; убивал Александра Товлубий — очевидно, тот самый Товлубий, который был послан под Смоленск. Могли опасаться и новых вечевых волнений в городе: память о восстании 1327 г. была еще свежа. Только такими опасениями можно объяснить, что Калита (очевидно, в угоду или по приказанию хана) снял тверской колокол с церкви св. Спаса в Твери и перевез в Москву (ср. под 1327 г.: «и удариша в колоколы и стаха вѣчим»). Ясно, что Калита хотел воспользоваться благоприятным моментом, чтобы поднять значение Москвы и унижить Тверь. Но Орда не изменила своей политике. Иначе нельзя объяснить, почему Тверь при новом князе Константине сохраняет самостоятельность, не подпадает под власть Москвы. Не случайно тверская летопись отмечает, что тверской князь (Константин) «слил колокол болши святому Спасу».¹ Мы не видим даже, чтобы тверские князья действовали вместе с великим князем владимирским в общем предприятии: в числе участников похода на Торжок они, например, не упомянуты. Когда умер Узбек и на царство сел Джанибек, тверской князь (Константин) поехал в Орду отдельно от московского и ранее его («переже») вместе с Константином Суздальским, Константином Ростовским и Васильем Ярославским.² Со смертью Семена Ивановича Джанибек передал великое княжение Владимирское московскому князю Ивану (брату Семена). Но кандидатура Ивана Ивановича не считалась беспорной: вопрос о других кандидатах, во всяком случае, возникал.³ Великое княжение Владимирское было передано московскому князю, но в Твери, как мы говорили, установилось свое «великое княжение». Самостоятельное положение Тверского княжества позволяло тверскому князю строить широкие планы. Так, например, в то время, когда Москва готовила на русскую митрополию Алексея, тверской князь пытался провести своего родственника, некоего чернеца Романа, «оша боярина Тѣѣрського»; и в 1354 г. случилось так, что Алексей и Роман оба оказались поставленными в Царьграде от константинопольского патриарха «на всю Русскую землю» (и «бышет межи ихъ нелюбие велико и къ Тѣѣрскому епископу послы къ владыцѣ Федору отъ обою изъ Царягорода, а священскому чину т я г о с т ь б я ш е т в е з д ѣ»). На следующий год оба — Алексей и Роман — снова поехали в Царьград и на этот раз Роман был поставлен только «на Литовскую землю и на Волынскую», а Алексей — «на Русьскую землю»

¹ Рог., 6855.

² Там же, 6850.

³ Новг. л.

(но без Литвы и Волыни).¹ Мы знаем, что в 40—50-х гг. были случаи вмешаться московскому князю в тверские дела, но он этого не делал — вероятно, чтобы не раздражить Орду, чтобы не пойти вразрез с ее планами и политикой. Так, в 1346 г. Всеволод Холмский, притесняемый Константином, поехал на Москву; но спор должен был решиться в Орде: без ведома хана Москва ничего не предпринимала, боясь, повидимому, Орды;² впрочем мы не знаем, на чью сторону стал бы хан: вскоре по приезде обоих князей в Орду Константин в Орде умер, как сообщает тверская летопись. Права на великое княжение тверское были переданы Всеволоду.

Но особенно важно для нас, что Орда сохраняла независимость Твери от Москвы в вопросах финансовых отношений. За Тверью оставалось право непосредственно споситься по финансовым делам с Ордой помимо великого князя владимирского. Это право тверской князь получил едва ли ранее 30—40-х гг. XIV в. Известия 20-х гг. еще не дают оснований говорить о нем.³ Следовательно, можно предположить, что оно было дано тверскому князю с образованием «великого княжения Тверского». Кому из тверских князей это право принадлежало? Летописные сведения о борьбе князей в Тверском княжестве дают некоторый, хотя и скудный материал. В 1352 г. великий князь тверской Василий Михайлович (Кашинский) собирал дань с людей Всеволода Александровича Холмского. При раскладке он допустил явный произвол. Если об этом говорит кашинская редакция тверского свода, то потому, что из того же свода видно, что явилось истинной причиной неприязненных отношений. Летописное известие ставит в связь поведение Василия Михайловича с приездом из Орды посла Ахмата, который привез ярлык на его имя: «и тако, — пишет летописец, — князь велики Василей Михайловичь Тверьский нача негодование имѣти на братанича своего на князя Всеволода Александровича Холмскаго, поминаа бездежский грабежь его», как называет кашинская редакция происшествие, имевшее место в 1346 г. В этом году Всеволод Александрович, получив от царя княжение Тверское и возвращаясь из Орды, встретил в Бездеже Василия Михайловича; последний перед тем собрал дань с удела Всеволода Александровича на Холму и вез ее в Орду. Всеволод Александрович у него деньги отнял. И хотя кашинская редакция называет поступок Всеволода Александровича «грабежом», она не скрывает, что вместе с тверским князем был ордынский посол (услышав, что Василий Михайлович собрал дань на вотчине его, он «оскорбился и поиде отъ царя изо Орды съ посломъ

¹ См. Рог. и Никон. лл., 1352, 1354—1356 гг.; Никифор Григора, XXXVI, ed. Bonn., v. III, p. 518; Пам. др.-р. канон. права (Русск. ист. библи., VI), прилож. № 9, 10 и 11. Ср. Н. Тихомиров, Галицкая митрополия, СПб., 1896, стр. 93—105; Голубинский И., Ист. русск. церкви, т. II, пол. I, стр. 178—185; Н. П. Лихачев, Два митрополита, СПб., 1913 (из сборн. статей в честь Д. Ф. Кобеко); ср. Соколов, ор. с.

² Никон., 1346.

³ Рог., 1321, о великом князе Юрии. Ранее тверской князь сам занимал великое княжение Владимирское.

и на Бездежѣ сръте дядю своего князя Василья Михайловича Кашинского и ограби его». ¹ Впрочем, подобный же поступок рязанского князя летописи также оценивали как «грабеж», хотя рязанского князя сопровождали ордынский посол и «татары». Это было в 1339 г. На пути из Орды с «татарами», послом Товлубием и князем Менгукашем Иван Иванович Коротопол Рязанский встретил пронского князя Александра Михайловича; тот вез «выход» в Орду «ко царю». Коротопол схватил пронского князя, «пограбил» и привел в Переяславль Рязанский, где убил. Из Переяславля он вместе с татарами двинулся на Смоленск. ² Следует заметить, что тверские князья спустя три года после происшествия в Бездеже помирились, причем Всеволод Александрович (их «введе въ миръ и въ любовь» владыка тверской Федор) уступил «великое княжение Тверское» дяде своему Василию Михайловичу Кашинскому, и «се бо быша ихъ удѣлы: князя Василя Михайловича Капин, а князя Всеволода Александровича Холмъ. И тако сяде на великомъ княженіи во Твери князь Василей Михайловичъ Капинский... и укрѣпишася межи собою крестнымъ цѣлованиемъ во единомыслии и в совѣтѣ и въ единыствѣ жити». ³ Из Орды ярлык на великое княжение был привезен Василию Михайловичу не сразу. Мы видели, что посол Ахмат привез ярлык в 1352 г. У нас нет сведений, прибыли ли в Тверь и «дороги» с Ахматом, с приездом которого Василий Михайлович начал «тягостию данною оскорбляти». Ярлык описываемого времени (1351 г.) называет дорог «волостных», «городных» и «селных» (см. грамоту Тайдулы от 4 февраля 1351 г.). ⁴ Летописные сведения позволяют думать, таким образом, что право непосредственно сношения с Ордою по финансовым делам принадлежало великому князю тверскому.

Ранее, в XIII в., в ведении «дороги» были не только «писцы», но и «дапщики». С конца XIII в. в б. Ростово-Суздальской земле обязанности данщиков перешли к князьям, которые стали сами собирать дань с помощью своих данщиков и передавать в Орду через великого князя владимирского (см. выше, гл. III). В XIV в., с образованием «великого княжения» Тверского, право передавать «выход» в Орду помимо великого князя владимирского получил «великий князь Тверской». Вероятно, это право получили и «великие князья» нижегородско-суздальские с образованием «великого княжения» Нижегородско-Суздальского. Возможно, оно было дано и некоторым другим князьям. На исходе 30-х гг. XIV в. мы видим, что и рязанские князья непосредственно в Орду передают выход, помимо великого князя владимирского. Теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т. е.

¹ Никон., 1346 и 1352.

² Симеон., Рог., Никон. лл., 1339.

³ Никон., 1349.

⁴ Ср. в указе 1335 г. обращение «aux fonctionnaires ta-lou-houa-tch'e (darougha) des villes» (Chavannes, Chancellerie mongole, цит. по Cordier, op. с., II, 328.

московский князь с «дорогой московским», тверской — с «дорогой тверским» и т. п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут «московский дорога» Минь-Булат, а под 1471 г. — «князь Темир, дорога Рязанской». Отсюда следует предположить, что существовали «дорога тверской» и «нижегородско-суздальский» и, может быть, другие. Еще в XIII в., повидимому, должность «дороги» специализировалась, когда при Хубилае была произведена реорганизация администрации.¹ Должность «дороги» была перенята у монголов русскими. Так, в 1377 г. русские посадили своего «дорогу» в Булгаре; встречаем мы «дорог» на Руси и позже, в XVI в.²

Итак, местные княжества в 30—50-х гг. XIV в. непосредственно вносили в Орду выход помимо великого князя владимирского. Орда сохраняла их самостоятельность, поддерживала их в противовес Москве и непосредственно с ними сносилась. Принимая эти меры, Орда устранила или ослабила вредные с ее точки зрения стороны великокняжеской организации (великого княжения Владимирского), предупредила опасность концентрации сил в руках одного князя.³

¹ G a u b i l, Histoire de Gentschiscan... Paris, стр. 135—136; D' O h s o n, op. c., II, стр. 377. О даругах разных классов или разрядов говорит Юань-ши (см. М. Г. Д е в è р i a, Notes d'epigraphie mongole-chinoise, Paris, 1897, p. 16—17).

² Симеон., Рог. и Никон. лл., под 1376 г.; «дарига» упомянут на ряду с «таможником». Об обязанностях «дороги» в XVI в. см. в летописи Нормантского (Временник Московского общ. ист. и др. рос., М., 1850, кн. 5, стр. 84—85).

³ Известно, что в духовной Донского Углич, Галич и Белоозеро названы «куплями деда», т. е. Ивана Даниловича Калита. Так как сохранились духовные грамоты и самого Калиты, и Семена Ивановича, и Ивана Ивановича, в которых ни один из этих городов не упомянут, нельзя допустить (и никто из исследователей не допускает), чтобы на самом деле территория этих городов была куплена и присоединена к Москве Калитой. Высказывали предположение, что они отошли к «великому княжению». Но утверждать это мы оснований в материале не имеем: во-первых, в духовной Донского они не включены в великое княжение, и текст явноственно различает: а) великое княжение, к которому относит Кострому и Переяславль, и б) Галич, Углич и Белоозеро, о которых говорит только, что они «купили деда» Донского; во-вторых, мы видим местных князей (в Галиче, Белоозере). Шаткость предположения (высказано Карамзиным) сознавалась историками, и они выдвинули догадку, что Калита купил эти города у князей, оставив им некоторые права как владетельным князьям, подчиненным московскому (см. у Соловьева); предполагали, что местные князья остались, но как подчиненные московским князьям, и что в этом смысле следует понимать покупки Калиты как покупки «княжения», «власти»; при этом историки замечали, что дело осложнялось и другими обстоятельствами (см. П р е с н я к о в, Обр. вел. гос., стр. 152—153). Весьма бедные данные, которые мы находим в материале, не дают, к сожалению, оснований к такому предположению. Имеем только одно известие, именно о белоозерском князе: в 1339 г. Калита почему-то, как сообщает Новг. л., пытался «переимать» шедшего в Орду Василия Ярославского, но тот отбил, а из тверской летописи мы узнаем, что вместе с Василием Ярославским шел в Орду Романчук Белоозерский. Другое известие относится к началу ордынских смут: во время борьбы за великое княжение Владимирское московского князя с суздальским белоозерский князь Иван был на стороне суздальского князя. Вот все, что мы имеем для того, чтобы судить о правильности вы-

Почему со смертью Александра Суздальского Калите дали великое княжение Владимирское, причем он соединил в своих руках всю великокняжескую территорию? Новые требования денег из Орды могли вызвать противодействие на Руси; была нужна верная и сильная рука, и в этом отношении на Калиту можно было положиться. Усиленные требования денег из Орды, вероятно, были сопряжены с войнами, которые велись при Узбеке и Джанибеке. Мы знаем, например, что в 1357 г., когда Джанибек предпринял поход на Тебриз, к русским князьям пришло требование «запроса», т. е. экстренного сбора.¹ В 1339 г., когда предпринимался поход на Смоленск, поставивший себя независимо по отношению к Орде и вошедший в союз с Гедимином, наседавшим на золотоордынские владения, Узбеком было предъявлено требование выплатить экстренный сбор — «запрос».² Не знаем, чем было вызвано требование в Орде денег, побудившее, очевидно, Калиту по возвращении из Орды в 1332 г. предъявить Новгороду требование «Закамского серебра». Знаем только, что в 1325 г. владения Узбека подвергались нападению с юга, а в 1335 г. он сам предпринял большой поход в Аран и Азербайджан, во владения Абусаида.³ Русское население было, повидимому, крайне изнурено непосильными поборами, и требования Ордою денег иногда встречали противодействие со стороны русского населения. Могло быть, что местный князь не имел

сказанного предположения, и мы вынуждены сделать вывод, что предположение это неправильно. В чем же дело? Мы знаем, что с началом ордынских смут московский князь начал подчинять своей воле князей. Галичский князь был прямо выгнан из Галича, и Галич присоединен к Москве. Это навело Сергеевича на мысль, что упоминание о «куплях деда» в духовной Донского имело целью оправдать захват. Белоозерского князя (Константина) мы и позже видим сражающимся против Москвы (1393 г.) на стороне новгородцев. Углич же входил (предположение Экземплярского) в состав Ростовского княжества; а мы знаем, что Донской сделал с ростовским князем: он выгнал его из Ростова и посадил в Ростове Андрея Федоровича. Что же касается Дмитрова, также присоединенного к Москве, но не упомянутого в числе «куплей деда», то возможно, что его присоединение не носило характера захвата, хотя, вероятно, он также был присоединен при Донском. Не известно, чем была вызвана смерть дмитровского князя Бориса («выиде князь великий Иванъ [Калита] изо Орды, — читаем в Рог. л. под 1334 г., — а князь Борис Дмитровский въ Ордѣ мертвъ»); напомним, что несколько ранее (в 1330 г.) в Орде был убит князь Федор Стародубский, но положение Стародуба не изменилось в том смысле, что там остался княжить сын Федора Дмитрий, а после его смерти Стародуб получил брат его Иван (1335 г.). Дмитрий Донской согнал Ивана Федоровича с его княжения. Относительно же Дмитрова можно предполагать, что он также не остался без князя после 1334 г. (и, во всяком случае, к московскому князю не перешел); там, можно думать, был посажен выехавший из Литвы князь Иван Друцкий (в 1339 г. он ходил вместе с татарами и войсками других князей Северо-востока на Смоленск): в духовной грамоте Семена Ивановича, по крайней мере, мы читаем, что Семен купил «село въ Дмитровѣ... у Ивана у Дрюцкого».

¹ См. у Элайни (Т и в., I, стр. 530).

О «запросе» см. Симеон. и Никон. лл., 1357 г.

² О походе на Смоленск и «запросе» 1339 г. см. ниже.

³ См. у Элайни (Т и в., I, стр. 528); см. также летопись царей и султанов, современных султану Олджайту (Т и в., II, не изд.).

сил подавить противодействие, и тогда можно было ждать, что в дело вмешается великий князь владимирский.

Мы знаем, как Калита действовал в Ростове после 1332 г. Житие Сергия Радонежского рассказывает, почему отец Сергия, боярин «ростовской области», с «родом своим» переехал в Радонеж; ¹ он обнищал и оскудел — потому, что часто приходилось ездить с князем в Орду, что часто испытывал «нахождения» татарских ратей, что часто приезжали татарские послы, а также «чястыми тяжкыми дапми и выходы тяжкими, еже во Орду и чястыми глады хлѣбными»; главная же причина — «насилованье», учиненное в Ростове великим князем Иваном Даниловичем. В Ростов приехали бояре Калиты и «возложиста велику пужу» на град и «гонение много умножися». Они мучили ростовцев, отнимали у них имущество: «и не мало ихъ отъ Ростовець Москвичемъ имѣниа своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе и тщина руками отхожаху, иже послѣдняго бѣдства образъ, яко не токмо имѣниа обнажени быша, но и раны на плоти своемъ подъяша и язвы жалостно на себѣ посиша и претърпѣша». Надо сказать, что Ростовское княжество было и ранее знакомо Калите в совершенно особой обстановке; вспомним, что в 1320 г. в Ростове было восстание: «быша зли татароѣ в Ростовѣ и собравшеса людие изгониша ихъ из града», а два года спустя последовала карательная экспедиция — вместе с татарами пришлось тогда идти и Калите («приде изо Орды князь Иоанъ Даниловичъ, а снимъ поганый Ахмуль и плѣниша много людий и посѣкоша и Ярославль пожже мало не весь»). ² Нет сомнения, что не Калита тогда был распорядителем дела. В «Повести о царевиче Петре», сохранившей нам описание Ахмыловой рати, Иван Данилович даже не упомянут. ³ Показания «Повести» тем более для нас важны, что она составлена современником и очевидцем событий. ⁴ Тогда, как явствует и из «Повести», Ростов был пощажен. От Ярославля, по данным этого памятника, Ахмыл двинулся к Ростову. ⁵ Что в Ростовской области помнили об Ахмыловой рати, и помнили долго, видно из «Жития Сергия Радонежского», которое этим событием определяет год рождения Сергия. ⁶ Автор «Повести о Петре» вспомнил об

¹ Текст жития см. в Никон. л. под 1392 г. Вотчинный дом родителей Сергия находился в 3 верстах к северу от Ростова на месте Троицко-Сергиев-Варницкого монастыря, основанного, вероятно, в XV в. (см. З в е р и н с к и й, Материал для истор.-топогр. исслед. о правосл. монастырях в Росс. имп., II, СПб., 1892, № 1281).

² Так по Рост. влад. своду (Акад. л.). Ср. в тверском своде: «выиде польсь солъ силень отъ царя Ахмуль... а съ нимъ князь Иоанъ Данилович по Низовськымъ градомъ много зло христианомъ сътвориша» (Рог., 6830). См. также московскую редакцию (Симеон. л.).

³ Текст «Повести» напечатан в Прав. соб., 1869, ч. I.

⁴ См. К л ю ч е в с к и й, Древнерусские жития святыхъ как исторический источник, стр. 39.

⁵ «и пожже градъ Ярославль и поиде к Ростову съ всею силою своею» (Прав. соб., 1859, ч. I, стр. 374).

⁶ М а к а р и й, История русской церкви, IV, 1886, стр. 355; К л ю ч е в с к и й, ор. с., стр. 114.

Ахмыловой рати потому, что монастырь, основанный ордынским царевичем Петром, обратившимся в христианство, избежал погрома благодаря вмешательству потомка ордынского царевича Петра — Игната. Когда Ахмыл, опустошив Ярославль, двинулся к Ростову, владыка и ростовские князья из города бежали. Игнат догнал владыку и под угрозой смерти приказал ему встречать Ахмыла: «наше есть племя и сродичи», — говорил он. Владыка вернулся и вышел навстречу Ахмыловой рати с крестным ходом. Между тем ордынское войско, шедшее с севера, от Ярославля, пришло как раз на поле между Петровским монастырем и берегом озера. ¹ С минуты на минуту можно было ожидать погрома. Было, по словам «Повести», «страшно». Положение спасли Игнат и Прохор: они вышли навстречу с крестным ходом, Игнат подносил Ахмылу дары. ² Автор, инок монастыря Петровского-на-поле, очевидно вышел сюда же, где стояли представители города и владыка, и видел, как Игнат подносил Ахмылу дары: «и страшно еже видѣти рать его вооруженну». ³ Игнат, согласно рассказу «Повести», объяснил Ахмылу, кто он (Игнат), и, указывая на монастырь как на первое место, которое могло подвергнуться разгрому, просил пощадить то, что было основано его прадедом, одним из ближних родственников хана. Благодаря усилиям Прохора и Игната город был пощажен. Тем больший гнев Орды должны были бы вызвать против себя ростовцы, если они оказались непокорными требованиям Орды. По словам автора «Жития Сергия», со вступлением Калиты на великое княжение Владимирское Ростовское княжение досталось «к Москве». Можно сказать, что Ростовское княжение досталось «к Москве» при Донском, в эпоху распада Золотой орды: согнав из г. Владимира вторично суздальского князя и пройдя ратью под Суздаль, Дмитрий Иванович сделал, по свидетельству тверской летописи, «также надъ ростовськимъ княземъ, а галичского князя Дмитрия выгнал из Галича. Мы знаем, что в интересах московского князя действовал в те годы Андрей Федорович Ростовский и что Константин Ростовский бежал в Устюг, спасаясь от московского засилья. ⁴ Первые записи о Сергии автор «Жития Сергия» составлял на исходе XIV в., т. е. около 30 лет спустя после того, как Ростовское княжение действительно досталось «к Москве», а само «Житие» написано им (на основании этих записей) еще позднее. ⁵ Правда, до Донского мелкие

¹ «к р а й п о л я е з е р а с т а н а к о л ѣ н у п р е д ѣ А х м ы л о м ѣ и с к а з а с я е м у д р е в н я г о б р а т а ц а р е в о п л е м я , а с е е с т ь с е л о ц а р е в о и т в о е г о с п о д и к у п л я п р а д ѣ д а н а ш е г о » (Прав. соб., стр. 374).

² «и со всѣм клиросомъ въ ризахъ, вземъ крестъ и хорюговъ и поиде противу Ахмыла. А Игнат предъ кресты с гражданы вземъ тѣшь царскую кречеты и шубы и питье и ... ста на колѣну предъ Ахмыломъ и сказася древняго брата цареве племя» (там же).

³ Там же.

⁴ См. также ниже, гл. V. Ср. у Э н г е л ь с а: «даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III». (М а р к с и Э н г е л ь с , Соч., т. XVI, ч. I, стр. 450).

⁵ К л ю ч е в с к и й , ор. с., стр. 102—112.

князя (ростовские) тяготились великокняжеской деятельностью московских князей, но (до Донского) в зависимости от московских князей как известной владельческой группы они не были.¹

Автор «Жития Сергия» несколько модернизирует, очевидно, описываемое им событие, относя к вокняжению Калиты момент гибели ростовской самостоятельности. Освещение автора, его оценка, принесенная настроением скорби по былой ростовской самостоятельности имеет историографический интерес и не может затемнить тех фактов, которые послужили материалом для житийного рассказа.

Калита мучает ростовцев, отнимает у них имущество. Очевидно, ростовцы не хотели платить полностью «выходов тяжких еже во Орду», о которых упоминает приведенный рассказ, и местный князь встретил противодействие со стороны населения. Тогда-то и выступил великий князь владимирский и учинил «насилованье» в Ростове. Чьи функции, в сущности, выполнял Калита? Напомним, что с последней четверти XIII в., со времени смут в Орде, мы не встречали более баскаков во Владимирской области, в Московском, Тверском, Переяславском княжествах; дольше всего, повидимому, оставался баскак сидеть в Ростовском княжестве (имеем известие начала XIV в. рост. влад. свода о баскаке). В XIV в., при Узбеке и Джанибеке, Золотая Орда стала вновь сильной, но баскачество не было восстановлено на Северо-востоке. В рассмотренном выше случае мероприятиями Ивана Калиты восполнялось в известной мере отсутствие баскаков. Характерно, что великокняжеская деятельность Калиты проходила частью в пути в Орду или из Орды, частью в самой Орде:² так, он ездил в Орду в 1331—1332, 1333—1334, 1336, 1338 (?), 1339 гг. Так как на поездку в Орду

¹ В борьбе московского князя с суздальским в конце 50-х и начале 60-х гг. за великое княжение Владимирское князь Константин Ростовский и Иван Белозерский (и, повидимому, князь галицкий и стародубский) были на стороне суздальского князя против московского.

² Тем не менее к нему приезжали послы: в 1329, 1333, 1339 гг. Часто ездил в Орду и Семен: в 1340, 1342, 1343 (?), 1344, 1347—1348, 1350 гг. Вероятно, и к нему из Орды нередко приезжали послы: повидимому, далеко не о всех послаха на Москву летописец сообщает; так, о после Коге мы узнаем совершенно случайно: «коли бысть Кога посолъ на Москвѣ, тое весны поводи велики велика была», — читаем в Симеон. л. под 1347 г. (ср. под 1357 г. в Рог.: «а на Москву приходилъ посолъ силенъ изъ Орды Ирынъчѣи на Соурожане»; в Никон. л.: «и съ нимъ гости Суружанъ»). Любопытно, что под 1347 г. Моск. л. отмечает о после Коге, а в Новг. I л. под 1346 г. мы читаем, что Семен «побывъ 3 недѣли в Новѣгородѣ и поѣха на Низъ о царевѣх орудьи».

О том, как полагалось князю принимать посла из Орды, говорят иностранцы позднее. Так, по их словам, перед послом князь должен был преклонить колена (см. у Литвина М и х а л о н а, в Архиве истор.-юрид. свед., относящ. до России, кн. 2, пол. 2, М., 1854, стр. 33; К а р а м з и н, IV, 58, ссылка: Д л у г о ш, Hist. Polon., 588; D' O h s s o n, op. c., t. 2, p. 184—185, ссылка: С и г е у s, Cilesiae Annales p. 67). Князь выходил пешком встречать посла за город (М и х а л о н, стр. 33: «с питием»; Г е р б е р ш т е й н, изд. 1908 г., стр. 16). Известно также, что приезжавшим послам и князьям надо было говорить с ханом, стоя на коленях (Рубрук; Карпини; Ипат. л., 1252; Шериф-ед-дин) По рассказу «Повести об ордынском царе-

(туда — Волгой, вниз по течению, а обратно — сухим путем)¹ тра- тили, как можно заключить из слов летописи, минимально 6 ме- сяцев, то, следовательно, Калита половину, вернее — бóльшую часть своего княжения (на великокняжеском столе) провел в Орде или на пути в Орду и из Орды. У себя дома, в своем городе, великий князь владимирский не выходил, повидимому, из-под наблюдения особых чиновников Орды. По сообщению Герберштейна, при Иване III внутри кремля был двор, где жили татары, чтобы «знать все, что делалось в Московии»². При Иване III такой порядок был пере- житком старины. Некоторые сведения дают основание предпола- гать, что порядок этот был установлен в первой половине XIV в. Я разумею упоминания об Албуге и о Шевкале. Сообщив о том, что Калита в 1332 г. получил все великое княжение, новгородский текст присовокупляет: «а правилъ княжение ему Албуга» (Новг. I, изд. 1888 г., стр. 437); из слов этих можно заключить, что дело шло не о «посаждении» или не только о «посаждении». Нет ничего удиви- тельного в том, что в других летописях Албуга не упоминается. Вероятно, о Шевкале мы ничего не узнали бы, если бы в Твери не разразилось восстание. Не случайно, конечно, Шевкал был послан в Тверь тогда, когда тверской князь (Александр) получил великое княжение Владимирское; по словам летописи, Шевкал поселился

вiche Петре», Игнат вышел встречать посла Ахмыла за город с «питием» (и дарами) и, обратившись к послу, стал перед ним «на колѣну» (см выше). Много позже, в 1519 г., когда прибыл в Москву крымский посол Аппак, то, князь Иван Палецкий должен был говорить речь послу у него на подворье от имени государя, став на колени, что сделал также и посол Аппак (приведено у Н. Веселовского, Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории, в Отчете СПб. унив. за 1910 г.). Некоторые сведения находили в летописях под 1261 г. Ипат. л. сообщает, что Буронда, главный военачальник на западных окраинах золотоордынского государства, двигаясь ратью, послал вперед в г. Владимир, к князьям: «коже есте мои мирници, срѣйте мя; а кто не срѣтит мене, тыи ратныи мнѣ». Князь Василько и Лев и владыка поехали навстречу Буронде и встретили его у Шумска с дарами и «питьем». Равным образом, под 1283 г. читаем, что, когда Телебуга-хан подошел к Горини, его встретили Мстислав «с питьем и з дары» а на Липе — князь Владимир, также «с питьем и с дары» и «по сем угони [и] Лев князь ко Бужьковичемъ и с питьемъ и с дары». Таким образом, вполне возможно, что и при приближении ханских послов князьям при- ходилось выезжать навстречу «с питьемъ и с дары». Однако, если такой обычай и существовал, он, во всяком случае, не был повсеместен или перестал действовать к началу XV в. Так, в 1408 г., когда в Тверь из Москвы приехал ордынский посол, «князь великий повелѣ царева посла срѣтити на Володи- мерскомъ мосту честно...» (см. Тв. сб.). Кроме того, надо помнить, что ино- странцы могли легко принимать отдельные случаи за обычный порядок: именно такого происхождения, например, представляется известие (если толь- ко оно не вымысел), что, когда посол садился на коня, князь наклонял перед ним свою спину, а тот, встав на нее ногами, взлезал на лошадь (Т е р е- щ е н к о, Быт русского народа, ч. I, СПб., 1848, стр. 19: из текста, помещен- ного в Собр. Г а к л ю й т а, т. I, стр. 247, изд. 1818 г.).

¹ Тв. сб. под 1408 г.; в тексте ошибочно — 5 месяцев.

² С. Г е р б е р ш т е й н, Записки о московитских делах, 1908, стр. 16. Другое известие о ханском конюшенном месте в московском кремле при митрополите Алексее — требует проверки (С н е г и р е в, Москва, изд. Марты- нова, т. I, 1865, стр. 115; З в е р и н с к и й, ор. с., II, № 1357).

«во дворе» князя. Позже, при Димитрии Донском, официальная московская историография утверждала, что своспешствием на великокняжеский стол Калиты татары перестали воевать Русскую землю, что население отдохнуло «отъ великиа истомы и многыа тягости, отъ насилия Татарскага» и что наступила «тишина велика по всей земли».¹

Татарские «нахождения» действительно прекратились. Но это не означало ослабления татарского ига; и на Руси не наступило «тишины», о чем свидетельствует хотя бы деятельность Калиты в Ростове. Калита не был и не мог быть ни объединителем Руси ни умиротворителем. Народное движение за объединение Руси началось тогда, когда открылись возможности борьбы с татарами; и это движение, поддержанное церковью, обеспечило победу московского князя внутри страны и успех в борьбе с татарами, завершившийся Куликовской битвой. О Калите Маркс правильно сказал, что он соединял в себе «черты татарского палача низкопоклонника и главного раба».²

Итак, деятельность великого князя владимирского в первой пол. XIV в. могла восполнять, в известной мере, отсутствие баскаков в пределах русского Северо-востока; великий князь владимирский так же оказывал в интересах Орды давление на Новгород.

В 1332 г. великий князь Иван Данилович «приде изъ Орды,— рассказывает Новгородская летопись, — и възверже гнѣвъ на Новѣгородъ, прося у нихъ серебра Закамьского и в томъ взя Торжек и Бѣжичьскый верхъ чересь крестное цѣлование».³ Ясно, что просьба «Закамьского серебра» вызвана была денежными требованиями Орды. На следующий год великий князь собрал князей «рязанских» и «низовских», вместе с ними двинулся на Торжок и свел с Новгорода своих наместников. В тот самый год, когда Калита собирал князей на съезд, как узнаем из тверской летописи, «Тойдѣй былъ на Руси».⁴ Переговоры в Переяславле с новгородцами (они давали ему «5 сотъ рублевъ» и требовали, чтобы он «свободъ бы ся отступилъ») не привели к соглашению.⁵ Вместе с тем из тверской летописи мы узнаем, что в этом же году из Орды приезжал «Сараи», или (в другой редакции) «посоль Сарайчюкъ» «по великого князя по Ивана»,⁶ и Калита в сопровождении посла вы-

¹ См. Симеон. лет. под 1328 г. В одной из записей 1339 г., изданной Срезневским, говорится о правосудии Ивана Калиты и о том, что при нем наступила «тишина велья в Роуской земли» (И. С р е з н е в с к и й, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № LXXXVI, стр 145—148). Таким образом подобная похвала Калите была вставлена во второй половине XIV в. в Московскую летопись, но уже с несколько иным содержанием.

² «... by blending in himself the characters of the Tartar's hangman, sy-cophant, and slave-in-chief» (op. c., p. 79).

³ Новг. л.

⁴ Рог., 1333.

Новг. I л.

Рог. и Никон. лл., 1333.

ехал в Орду. Возвратившись из Орды, он с новгородцами договорился (Новг. I, 1334).

Осенью 1339 г., перед походом на Смоленск, Калита, вернувшись из Орды, принял новгородских послов, и те передали ему «выход». ¹ Но великий князь владимирский прислал в Новгород с требованием новой суммы: «а еще дайте ми запрось царевъ, чогу у мене царь запрошалъ» (Новг. I л.) Новгородцы отказались. Великий

¹ В 1339 г. Калита получил от царя приказ послать рать под Смоленск с Товлубием, двинувшимся из Орды через Переяславль-Рязанский с татарами (с ним шел и князь рязанский Коротопол). Историки предполагали, что поход 1339 г. был вызван тем, что смоленский князь перестал подчиняться хану и возить в Орду выход (см. Крамвн, IV, 146—147; Соловьев, Ист. Росс., II, 923). По мнению Преснякова, Узбек послал рать «едва ли по собственному почину» (ор. с., стр. 146). Летопись прямо говорит, что Товлубия «царь послалъ», а Иван Данилович послал свою рать «по цареву повелѣнью» (Рог, Симеон., 6847). Иных указаний летопись не дает. Но материал позволяет вскрыть причину разрыва Смоленска с Золотой Ордой. Выше мы видели, что ранее смоленский князь был в подчинении у хана (см. выше гл. II). В Ипат. л. под 1274 г. читаем: «... и Глѣба князя Смоленского, иныхъ князей много: тогда бо бяху вси князи в воли Татарской»; ср. Симеон. л., 1275 г. Далее мы знаем, что в конце XIII в. смоленским князем был Федор Ростиславович, на тесных отношениях которого с Ордой мы выше останавливались подробно (рижский архиепископ титулует Федора в письме к нему «великим князем»; см. у Голубовского, ор. с., 146; см. также «Житие Федора», напеч. в Четиях Минейх). С захватом смоленского княжения князем Александром Глебовичем (в 1297 г.) связи смоленского княжения с Ордою не прерывались или, если прерывались, то временно: в 1310 г. татары поддерживали Василия, сына смоленского князя Александра Глебовича, против Святослава Глебовича, призванного брянцами, и Василий был посажен с помощью татар в Брянске (Симеон., Никон., 1310).

Но в 20—30-х гг. XIV в. положение изменилось. Уже в 1333 г. татары с брянским князем Дмитрием Романовичем ходили на Смоленск (Рог, 6841: «Того же лѣта на зиму прииде ратью Дмитриемъ князь Брянский на Смоленскъ съ татары Калнтай и Чиричасъ многими воеводами и взяша миръ с Ываномъ»). Заметим, что о Калантае упоминает также Новг. I л. под 1343 г.: «того же лѣта митрополить Фегнасть Гричинъ ходи къ царю к поганому к Женьбѣку и обадиша его Калантай къ цареви...» и т. д.; предприятие успеха не имело, хотя они и «бшася много» (Никон. л.; Голубовский, ор. с., стр. 314). Перемена положения объясняется, коль скоро мы признаем, что князь Федор Святославович, приезжавший из Литвы в составе посольства в Новгород в 1326 г., был известным нам из летописи смоленским (дорогобужским) князем Федором Святославовичем.

Дальнейшие показания подтверждают догадку, что поворот в отношениях Орды со Смоленском определялся тем, что великий князь смоленский признал известное политическое верховенство Гедимина, что явствует из грамоты, напечатанной во II т. С. Г. Г. и Д. под № 8 (см. Голубовский, ор. с., стр. 121, 317; Филевич, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие, СПб., 1890, стр. 47 и др.; см. также Симеон. л., 1341 г.). Подчиниться литовскому князю можно было, только порвав предварительно с отношениями зависимости к Золотой Орде. Таким образом, вероятно, что в 1339 г. Узбек хотел вернуть Смоленск к покорности. Как раз в эти годы Орда опасалась Литвы и ее посягательств на пределы, подчиненные ордынской власти: в 1338 г., т. е. за год до похода на Смоленск, татары совершили набег на Литву (Никон., 1338: «того же лѣта Татарове воеваше Литву»; см. также Новг. I л., 1335 г.; ср. Пресняков, ор. с., 140—146; Антонович, Монографии, I, Киев, 1885, стр. 59—60). а в 1337 г., по свидетельству Rosznik swietokrzyski, они предпринимали поход на ее со-

князь (это было зимою того года, когда предпринимался поход на Смоленск) вывел из Новгорода своих наместников. Калита умер, не успев кончить дела, и конфликт разрешился уже при великом князе Семене, получившем великокняжеские полномочия и немедленно по возвращении из Орды принявшемся за окончание дела. «Прииде князь Семеонъ из орды, — читаем в Новгородской I летописи, — и насла на Торжокъ дани и брати, и почаша сильно дѣяти». Великокняжеские «борцы» (т. е. сборщики «бора») были схвачены и «скованы». Великий князь собрал князей в Москве на съезд и в результате организовал поход на Торжок «со всею землею Низовьскою» (Новг. I). Новгородцы уступили, и «черный бор» дали. Историки правильно предполагали, что «черный бор» изменялся в зависимости от «запросов». ¹ Нельзя только смешивать его с «выходом». Но нет сомнения, что это был первый случай, когда «запрос» брали с новгородцев. Они мотивировали отказ тем, что «отъ начала миру... того не бывало»; они требование «запроса» рассматривали как требование второго «выхода» (см. Новг. I л.: «прося другого выхода»).

Вместе с тем Орда охраняла Новгород от попыток князя, державшего великокняжеский ярлык, лично усилиться за новгородский счет. Соответствующие меры были приняты Ордою еще в XIII в.; охранялись они и в XIV ст. Как «великие князья владимирские», московские князья не раз оказывали вооруженное воздействие на Новгород. Выше мы в этом убедились. Но мы решительно не видим, чтобы московские князья применяли меры воздействия к Новгороду с целью усилить свое личное положение. ² К сожалению

юзицу Польшу и вместе с «русскими» (Mon. Pol. Hist., t. III, p. 78. О Юрии II ср. Ф и л е в и ч, ор. с., стр. 50; ср. также «Замечания И. А. Линниченка на статью г. Режабка о последнем князе всей Малороссии Юрии» в сборн. «Белослав-Юрий II» изд. Акад. Наук, СПб., 1907, стр. 94—97).

¹ См., например, статью Соловьева о черном боре в сборн. Валуева («О значении слова «черный» в древнем русском языке и преимущественно о черном боре новгородском»), стр. 285; см. так же С е р г е е в и ч, Др.-р. право, 1911, стр. 184.

² В сущности, иначе и быть не могло. Орда контролировала отношения новгородцев к великому князю владимирскому. Когда они отказались принять Александра Тверского, Калита отправил к ним своих наместников. В этом году приходила Федорчукова рать, и в Новгороде появились татарские послы. Новгородцы передали им «дары» и 2000 рублей «серебра» (Новг. I (1327)). Повидимому, татары вызвали представителей от Новгорода: в том же году, по крайней мере, новгородские послы поехали в Орду, куда одновременно выехал и Калита. И новгородцам и Калите было дано одновременно в Орде поручение по делу тверского князя. Посажен в Новгороде Калита был уже по возвращении из Орды (Новг. I, 1328—1329; Никон., 1328). Характерно для установившихся отношений, что со смертью Семена Ивановича новгородцы отправили в Орду послов просить хана дать великое княжение Владимирское суздальскому князю. Действия московского князя Семена, вызвавшие недовольство новгородцев, были обусловлены требованиями самой Орды; как или иначе, хан новгородцев не послушал и дал великое княжение Владимирское другому московскому князю — Ивану Ивановичу (Новг. I, Никон., 1353).

пию, не сохранилось договорных грамот с Новгородом московских князей Ивана Даниловича, Семена Ивановича и Ивана Ивановича. Московские князья (как великие князья владимирские и н о в г о р о д с к и е) передавали в Орду «выход» от Новгорода. Так, в 1339 г новгородцы передали «выход» Калите для передачи хану (Новг I л.). В дошедших до нас договорных грамотах с Новгородом о «выходе» ничего не говорится (быть может, вопросы размера «выхода» стояли за пределами договорных отношений великого князя с новгородцами). Вместе с тем в дошедших до нас договорных грамотах с князьями, которые сажались в Новгороде на столе, мы находим ссылку новгородской стороны на «цареву грамоту»: «а гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа по цесаревѣ грамоте». Смысл принятой Ордою меры, на которую указывает приведенная ссылка договорной грамоты, разъясняет нам указанный выше характер отношений между Новгородом и великими князьями владимирскими в XIV в.

В 1270 г. произошло «размирье» Ярослава Ярославовича с новгородцами. Ярослав принужден был покинуть город. Он, однако, не успокоился и начал «полкы копить на Новгородъ»; послал ко царю Ратибора, прося на Новгород помощи, и «царю» сообщил, что новгородцы «царя» не слушают, что они-де просили новгородцев царской дани, а те их выгнали, а дома их разграбили. Полагая на основании этих слов, что в Новгороде мятеж против ордынской власти, царь отпустил рать на Новгород «по Ратиборову лживому слову», и действительно «лживому»: как явствует из обвинений, предъявленных новгородцами князю, причиной «размирья» были личные интересы Ярослава в Новгороде, а отнюдь не нарушение интересов царских. Когда весть о посольстве Ратибора пришла на Север, в Орду поехали князь Василий Ярославович с новгородскими послами («поима съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинецинича»); они разъяснили хану в чем дело, подчеркнув, что в смуте виноват Ярослав, и объяснили, что недовольство или мятеж были направлены только против него («тако рекъ цареви: новгородци прави, а Ярославъ виновать»). В виду новых сведений Менгу-Тимур отозвал татарскую рать («и възврати татарьскую рать»). Вмешательство митрополита прекратило военные действия, а вслед за тем князь пошел на уступки; по прибытии из Орды послов он был снова посажен в Новгороде.¹ Как же распорядился Менгу-Тимур? Из приписки на оборотной стороне договорной грамоты с Новгородом мы узнаем, что Ярослава сажали татарские послы Чевгу и Баити. Но, посадив князя в Новгороде, Менгу-Тимур одновременно принял меры, лишавшие его возможности применять некоторые, весьма действительные средства давления на новгородцев. В договорной грамоте с Ярославом мы впервые встречаем ссылку на «цареву грамоту». Текст ее не сохранился; только из ссылки на нее явствует, что, согласно этой грамоте, новгородцы могли «без

¹ Новг. и Никон. лл.

рубежа» гостить на Низу. Орда брала под свою защиту новгородцев, и не даром: «затворять ворота», прекращать движение на Низ было исконным средством давления со стороны «низовских» князей на Новгород. Пользуясь этим средством, князь мог многого добиваться в своих интересах в Новгороде. Нет сомнения, что дело шло не только об интересах ордынской торговли. Конечно, и последние играли существенную роль. В рижском архиве сохранилась грамота царя и Ярослава к рижанам, которая начинается приказанием Менгу-Тимура князю дать путь немецкому гостю на свою волость.¹ Из дальнейших же событий видно, что царева грамота, данная новгородцам, предусматривала также политическую сторону отношений, что она разумела произвольные действия со стороны князя, т. е. те, которые не были согласованы с Ордою. Два года спустя (в 1273 г.) движение новгородских гостей было прекращено, и притом с ведома или по приказанию Орды. Торжок был захвачен князем Василием Ярославовичем, Бежецк, Волок, Вологду — новгородские волости — воевали войска князя Святослава, а у новгородских «гостебников Понизовской земли» отнимали их «товар»; в Новгороде поднялись цены на хлеб. В данном случае Новгород был виноват перед Ордою: он принял нежелательного Орде князя — Дмитрия Переяславского, не пожелав принять кандидата Орды, посаженного ханом на великом княжении Владимирском (князя Василия). Князья воевали новгородские волости, прекращая движение на Низ, с ведома или по прямому распоряжению хана. Так выясняется из совокупных показаний тверских и новгородских известий; Василий, например, шел с баскаком и «многими татарами царевыми», равным образом и Святослав действовал с «татарами царевыми».² Отсюда понятно, что охрана «царевой грамотой» беспрепятственного движения на Низ имела в виду произвол князя, попытки прекращать движение в своих личных, княжеских интересах, а не в интересах Орды. Именно такое значение имела «царева грамота», данная новгородцам. У князя было отнято одно из могущественнейших средств оказывать давление на новгородцев. Приведенные выше наблюдения позволяют думать, что мера эта сохранялась Ордою и в XIV в.

Такое поведение Орды в Новгороде вполне согласовалось с общим направлением ее политики в XIV в. Мы видели, какие меры были приняты ею. Опасность усиления московского князя, державшего великое княжение Владимирское, явственно сознавалась Ордою. Великое княжение Владимирское, как можно думать, должно было служить ордынским интересам, а не интересам московских князей.

¹ «Менгу-Темерово слово къ Ярославу князю: дай путь Немецкому гости на свою волость. Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и к большимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чиста есть по моеи волости. А кто мнѣ ратный, с тимъ ся самъ вѣдаю. А гостю чистъ путь на волости» (Русско-Лив. акты, СПб., 1868 стр. 14)

² Новг. I и Ник. лл.

Но уже то обстоятельство, что великокняжеская территория частью или полностью передавалась трем московским князьям сряду, послужило к их усилению. У них не могло не образоваться известных связей с великокняжеской территорией, особенно потому, что в Северо-восточной Руси исчезли татарские даньщики. У московских князей устанавливались известные отношения с местным боярством и, таким образом, непосредственные связи с великокняжеской территорией через голову Орды. Описанный нами выше случай с нижегородскими и городецкими боярами 1342 г. показывает, в каком направлении эти связи устанавливались и какие меры принимала Орда. Но только в последующие десятилетия — в эпоху ордынских смут — усиление Москвы стало реальной опасностью, когда началось народное движение за объединение Руси и за борьбу с татарами.

ГЛАВА V

«Кочевой феодализм» не создавал благоприятной почвы для сохранения целостности опиравшейся на родовую аристократию империи, долженствовавшей между тем, по мысли ее основателя, завоевать мир. Не способствовала этому и двойственность, лежавшая в основе верховного управления.¹ Во второй половине XIII в. империя, основанная Чингис-ханом, начала распадаться на отдельные, фактически самостоятельные уделы-государства. Но и удел, выделившийся из состава империи на западе, также не оказался устойчивым образованием. Признаки неустойчивости золотоордынского государства обнаружались уже в конце XIII в., как мы видели выше (см. гл. III). Покровительствуя городской торговле, монголы Золотой Орды, однако, сами оставались кочевниками по преимуществу.² «Кочевой феодализм» не нашел в себе основ для создания устойчивого государственного образования. В начале XIII в. Чингис-хан пытался приспособить протекавший тогда процесс феодализации к интересам военной империи.³ Но империя распалась; и правильная система вассалитета, обязательного военной службой, повидимому, со временем утратила свой первоначальный характер. Во второй половине XIV в. мы наблюдаем небывалое усиление кочевой аристократии в Золотой Орде.

Уже в событиях второй половины XIV в., предшествующих распадению Золотой Орды, первенствующую роль играют «эмиры», «ординские князи» (в числе которых летопись упоминает Муалбугу с его «чадью»), группирующиеся вокруг того или иного «хана» или «сановника» и ведущие междоусобную борьбу; в борьбе партий ордынских князей в течение нескольких лет сменился ряд ханов. Бердибек, Кульпа, Наврус, Хидырь.⁴ Хидырь пал на глазах у рус-

¹ См. выше, гл. I.

² Ср. Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов, монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 44, 86, 126; о том, что ростовой, торговый капитал находился в руках «мусульманских» и китайских купцов см. там же, стр. 127. О покровительстве торговле в Золотой Орде см. А. Я к у б о в с к и й, Феодализм на Востоке, Гос. Эрмитаж; изд. ГАИМК, Л., 1932.

³ Б. Я. В л а д и м и р ц о в, ор. с., стр. 103.

⁴ Об обстоятельствах восшествия Бердибека на престол находим у Ибнхальдуна две разные версии. Согласно одной из них, Джанибек на пути из Тавриза захворал и умер. Тогда сановники государства отравили из-

ских князей. ¹ Дмитрий Иванович Московский успел еще выехать до «замятни», но остальные князья были застигнуты ею в Орде. На их глазах были свергнуты один за другим Темир-Хозя и Орду-Мелик; вслед за тем началось побоище: пал Кога и «инѣхъ множе-

вестие об этом сыну его Бердибеку. Бердибек прибыл в Сарай, когда отца, Джанибека, уже не было в живых. По другой же версии, которую Ибнхальдун передает в рассказе об Увейсе, сыне шейха Хасана, Джанибек на пути был заключен в оковы, а сановники государства написали сыну его Бердибеку, приглашая его на царство (Т и з., I, 389). Первая версия не совсем точна, так как, по известию русских летописей, Бердибек «отца своего убилъ и братью свою побилъ» (см., напр., Симеон. л. и Троицк. по Карамз., 1357 г.). С другой стороны, указание второй версии на переворот и роль в нем «сановников государства» подтверждается полной редакцией тверского свода (в кашинской обработке) в составе Никон. л. (1357), сообщающей о роли Товлубия (вероятно, того самого Товлубия, который при Узбеке убивал князя Александра и был послан под Смоленск), привлечшего «многихъ князей Ордыньскихъ... къ себѣ въ совѣтъ, обещающе комуждо что дати». Ср. известие Владимир. Полихрона (Новг. IV и Соф. I лл.; ср. Воскр. л.). Подтверждение второй версии находим и в персидских текстах. Так (см. персидский текст в неизд. материалах, Т и з., II), в извлечениях из Зибдетут Таварих, соч. Хайдера-ибн-Али, рукоп. Берл. корол. библ. (Fol. 17, B), читаем, что Джанибек «заболел тяжелой болезнью, а эмиры вызвали Бердибека, и когда Бердибек прибыл к отцу, отец стал его упрекать за его возвращение; он (Бердибек) от этих упреков пришел в расстройство, и по его прикату... отца убили». Приведенному рассказу этого автора соответствует запись, сохранившаяся в одной из редакций тверского свода: «того же лѣта, — читаем в Рог. л., — царь Чанибѣкъ взя Мисюръ и посади тоу на царствѣ сына своего Бердибѣка, а самъ оувернуся въ своеси и отъ нѣкогого привидѣния на поуги разболѣся и възбѣсися. И послаша рядьци по Бердебѣка, он же пришедь отца оудава, а братью изби, а сам сѣде на царство» (Рог., 6865). А далее в той же рукописи соч. Хайдера-ибн-Али читаем, что Бердибек «три года царствовал и за это время многих из своих близких убил».

Двумя годами позднее, как известно, Бердибека и Товлубия «со иными его совѣтниками» убили и на царство сел Кульпа, а по прошествии нескольких месяцев Кульпа вместе с двумя своими сыновьями — Михаилом и Иваном — пал от руки Навруса. Спустя же некоторое время начала действовать партия ордынских князей, враждебная Наврусу. Заговорщики завели тайные сношения с «Заяицким царем Хидырем», вызвали его с войсками на Волгу и, когда он подошел, выдали Навруса и посадили на царство Хидыря; вслед за тем произошло жестокое избиение приверженцев свергнутого хана: были перебиты (кроме Навруса, его сына Темира и царицы Тайдалы) «князя ординстии», остававшиеся верными Наврусу (Рог., Симеон., Никон., 1358—1360). Летопись называет в их числе «Муалбузину Чадь» («князи ординьскихъ Муалбуоуиноу чадь множество оубилъ» (Рог. л.; ср. Никон. л.). Это, повидимому, тот самый Муалбуга, который упомянут в ярлыке митрополиту Алексею Бердибека, в начале («Бердѣбѣново слово то [а] тарьскимъ оулуснымъ [и] ратнымъ] княземъ Моулаг [б] оугы [и] ною мыслию волостным сам[и] мѣ дора[о] гамъ» и т. д., см. текст у П р и с е л к о в а, ор. с.) и в конце, при перечислении «головных князей», на первом месте: на Руси, очевидно, его знали более других. Ср. мнение о причинах распада Золотой Орды Рязановского, Монгольское право, Харбин, 1931, стр. 131 и др.

¹ Хидырь был убит вместе с меньшим сыном Кутлуем (Никон. л.; то же в Рог. л., без упоминания имени) в конце лета или осенью 1361 г., как видно из Рог. л., т. е. во второй половине 762 г. (11 нояб. 1360—31 окт. 1361 г.); 762 г. датированы и его монеты.

ство». ¹ Андрей Константинович на пути из Сарая в Русь встретил ордынского князя Аратехозю и был окружен со всех сторон татарами; но с боем пробившись через татарские полки, прибыл на Русь «здравъ». Константин Ростовский, задержавшийся со своими

¹ «... а на царствѣ посадили Хедырева сына болшаго и пребылъ на царствѣ 2 недѣли и они его убили (т. е. Темир-Хозю; он перебежал за Волгу и там был убит; см. Рог. л., ниже), а потомъ Ардемелика посадили на царствѣ, и тотъ царствовалъ мѣсяцъ и онѣ его убили. И бысть в Ордѣ замятня велика и сѣча старыи княз[и] Сарая и когуи инѣх множество побиша» (Рог. л., П. С. Р. Л., т. XV, в. I). Последнюю фразу следует читать: «и бысть въ Ордѣ замятня велика и сѣча: старыи княз[и] Сарая и Когу и инѣх множество побиша». Посла Когу Симеон. л. называет под 1347 г. Если и в данном случае под «Сараем» разумеется город, а не область (последнее сомнительно; ср. все же ярлык Тайдулы; ср. известие Вассафа и др.), то Сарай, о котором говорит летопись, следует искать там же, где и монетный двор, чеканивший монеты с легендой «Сарай-эль-Джедид» (Новый Сарай), ибо и Темир-Хозя и Орду-Мелик, несмотря на кратковременность своего царствования, чеканили: Темир-Хозя — в «Новом Сарае», Орду-Мелик — в «Новом Сарае» и «Азаке». Чеканка «Нового Сарая» становится преобладающей при Джанибеке (ср. Монеты Узбека). Вопрос о существовании двух Сараев — столиц Золотой Орды — по перенесении столицы из одного Сарая в другой требует дальнейших разысканий. Наиболее серьезными данными в пользу существования двух Сараев на Нижней Волге служат данные Баллода о сравнительном процентном соотношении монет чекана «Сарай-эль-Джедид», найденных в с Селитренном и близ Царева. В персидских текстах мы встречаем выражения как «Сарай Берке», так и «Сарай Бату» (на что я указывал в рецензии на книги Баллода в *Zeitschr. f. Sl. Phil.*, V. V. N. 3/4, 1929): эти данные сами по себе, повторяю, могут и не указывать на существование двух Сараев — столиц Золотой Орды. Якубовский полагает, что данные персидских текстов (приводимые им) окончательно решают вопрос: см. его статью «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая», помещенную в ИГАИМК, т. VIII, в. 2—3, 1931. Известие рукописи Анонима Искандера (ИБ № 566 В С.) о том, что Тохта возвратился в столицу их Сарай Бату восходит к Рашид-ед-дину (*ibid.*, стр. 6—7). Если мы вспомним, что со времени, приблизительно, Узбек-хана, золотоордынские владения стали называться «землей Берке», «улусом Берке» (см. у Эль-муффадаля; в летописи шейха Увейса и др.), а Сарай — Сараем Берке (см. у Ибнбатуты), то не найдем ничего удивительного в том, что в той же рукописи Анонима Искандера на ряду с известием, восходящим к Рашид-ед-дину, встретим и выражение «Сарай Берке».

Как известно, в некоторых, сравнительно поздних арабских текстах даже основание Сарая приписывается Берке (Эломари, Ибнарабах: там же и о прибавлении к прозванию «Кипчак» прозвания «Берке»; Т и з., I, стр. 460). Равным образом и в летописи шейха Увейса мы встречаем известие о том, что гроб Берке был перевезен в Сарай Бату, которое восходит к Рашид-ед-дину. Вслед за Рашид-ед-дином известие это повторяют и Бенаркити и Тарихи Алафи (из рукоп. Брит. музея № 465, содержащей II том Тарихи Алафи; см. Т и з., II, персидский текст) и Зибдегут Таварих, соч. Хайдера-ибн-Али (рукоп. Берл. корол. библ., Fol. 17 В.; *ibid.*). Кажется, вариантом того же известия надо считать и известие Тарихи Кипчаки (рукоп. Публ. библ.) о том, что Берке «в городе Сарае около Бату похоронен» (Fol. 340 б; *ibid.*); переводом персидских текстов, оставшихся непереведенными в неизданных материалах Тизенгаузена, обязан Гуссейну Фахри). Но на ряду с этим в той же летописи шейха Увейса мы прочтем известие с выражением «Сарай Берке», приводимое Якубовским, а ниже — выражение «улус Берке», применительно и к Менгу-Тимуру и к Джанибеку, и о том, что Тохта «воссел на престол Берки и Батыя». Наконец, известие об ос-

в Орде, был до такой степени ограблен, что на нем и его людях не осталось даже «исподних порт»; они «нази токмо живы придоша пѣши на Русь». Дмитрий Копстантинович пересидел в Сарае и «цѣль сохраненъ бысть». Князь Василий Тверской вернулся с Бездежа, а «серебро тамо поклалъ», не доехав до Сарая. ¹

В Сарае, между тем, появились одновременно два царя: во-первых, Амурат, чеканивший монету в «Новом Сарае» и «Белад Гюлистане»; ² во-вторых, Кильдибек, выдававший себя за сына царя Джанибека и чеканивший монету также в «Новом Сарае», а кроме того в Азаке (т. е. в Азове) и в Мокше (б. Пензенская губ.). Нет ничего удивительного, что русские князья в Орду сами не ехали. Невозможно было даже определить, кто из «царей» будет их сюзереном. Они послали в Орду только своих киличеев: осенью или летом 1362 г. Кильдибек начал наступление на Амурата с правой стороны Волги, был разбит и умерщвлен. ³ Несколько ранее киличен поехали в Орду, к Амурату. В Сарае от Амурата ярлык на великое княжение Владимирское получил московский киличей Аминь — для Дмитрия Ивановича. Получив из Сарая ярлык, Дмитрий Иванович согнал с великокняжеского стола (зимой 1362/63 г.) суздальского князя, занимавшего великое княжение Владимирское с 1360 г. ⁴

новании Сарая Батыем у Мирхонда списано, как заметил Якубовский, у Джувейни (ср. русский перевод Джувейни у Тиз., II), но к слову Сарай прибавлено — Бату (ср. Я к у б о в с к и й, стр. 7). Таким образом, упоминание наряду с Сараем Берке Сарая Бату могло и не служить указанием на существование двух Сараев, столиц Золотой Орды, а указывает лишь на следы влияния древних текстов на более поздних авторов. Далее, было бы интересно точно выяснить, когда именно золотоордынские владения стали называться «улуsom Берке», «землей Берке». Не восходит ли действительно эта традиция ко временам Узбека, когда после борьбы с непокорными эмирами, не желавшими принять ислам и изменить ясе Чингис-хана, Узбек утвердил в Золотой Орде мусульманство и когда память Берке, первого золотоордынского властителя, принявшего мусульманство, должна была особенно читаться, подобно тому как потомки Узбека чтили его память? Много позже в рассказе о событиях XV в. мы встречаем в некоторых персидских текстах выражение «страна Узбека», «улуs Узбека» (Абдерреззак, Хондемир: Т и з., II).

¹ Известие Рог. л. показывает, что прав был Д. Кобено, когда, возражая Карамзину и Милюкову, доказывал, что Бездеж лежал не к югу от Сарая, а к северу (см. «Где находился город Бездеж?», Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1892). Василий Тверской «поклал» в Бездеже «серебро», которое он вез в Сарай, так же как везли, вероятно, и Константин Ростовский, и Дмитрий Константинович Суздальский, и др. Вероятно, в Бездеже было какое-нибудь административное лицо, которому он мог передать деньги. «На зимѣ» того же года в Тверь приезжал Урузбуга «Бездѣжский» (Рог. л.).

² На его монетах также: «Гюлистан» и «Гюлистан-при-сарайский». Амурат чеканил монеты с 762 до 764 г., гиджры который кончался 10 окт. 1363 г.

³ Монеты Кильдебекана — 762 и 763 г., который кончался 21 окт. 1362 г. В 764 г он монет уже не чеканил. Судя по летописи, он погиб осенью 1362 г. (Рог. л.; ср. Симеон, л.).

⁴ Рог. л. (выше под тем же годом повторяются известия о тех же событиях; ср. Симеон, л.).

Переломным моментом в истории «русского улуса» явились события, совершенно изменившие положение Сарая, когда русский Северо-восток оказался от Сарая оторванным.

Дело в том, что события в Орде, предшествовавшие распаденню золотоордынского государства, о которых мы только что говорили, заметно не поколебали весьма прочно установившихся отношений зависимости Руси от ханской власти и значительно не нарушили существовавшего политического положения на русском Северо-востоке. Московский князь не получил преимуществ. Можно только предположить, что он вознаграждал потерю Лопасни, отнятой у Москвы Рязанью в 1353 г., захватом некоторых мест по «сей» стороне Оки. Но Лопасня, во всяком случае, осталась в руках Рязани. С другой стороны, мы знаем достоверно, что вопрос о пограничных с Москвой рязанских землях вызвал прямое вмешательство Орды, и только счастливая случайность позволила московскому князю не пустить посланное из Орды лицо в свою отчину: лицо это (Мамат Хожа) попало в Орде в число «коромольников». ¹ Когда же Иван Иванович Московский умер, великое княжество Владимирское не было передано малолетнему московскому князю Дмитрию Ивановичу, а поручено суздальскому князю — сначала Андрею, но тот отказался, и великокняжеские полномочия, а вместе с ними и великокняжескую территорию, получил Дмитрий Константинович Суздальский. Великий князь владимирский продолжал быть на Руси ответственным лицом и защитником интересов Орды. Так, например, когда в Орде узнали об ограблении жуковцев, Хидырь прислал послов («Уруса, Каирбѣка, Алтанцьбѣа») с требованием поимки разбойников; великому князю владимирскому пришлось тогда созвать съезд в Костроме, и (общими силами, очевидно) разбойников поймали и выдали послам. ² В Орду ездили и князья, мало сочувствовавшие Москве, например Константин Васильевич и Дмитрий Борисович, из которых первый получил в Орде «весь Ростов», а второй был пожалован в Галич. ³ Вообще же, как известно, русские князья ездили в Орду после каждого нового переворота. Так было и со вступлением на престол Бердибека ⁴ и с воцарением Кульпы (и со смертью великого князя Ивана Ивановича); только по прибытии в Орду князья Кульпы уже не застали: на престоле сидел Наврус; ⁵ в 1360 г. Навруса сменил

¹ Рог., Симеон., Никон. лл., 1358.

² Рог., Симеон., Никон. лл. 1360.

³ Там же. Отчество Дмитрия (Борисович) устанавливается текстом Рог. л. (как и Никон.): ср. Э к в е м п л я р с к и й, II (показания родословных). О Константине см. также Рог. л., 6850, 6869 гг. и (также и о Дмитрии) 6871 г.

⁴ Рог. и Никон., 1357.

⁵ Кульпа, по монетам, сел ранее 23 ноября 1359 г., но чеканил и после этого времени. По тексту летописи, он сел в конце лета или осенью 1359 г. и царствовал всего только 5 месяцев (так в Рог. и Симеон. лл.; ср. Никон. л.). Следовательно, Наврус сменил Кульпу приблизительно в январе—феврале 1360 г. Летопись отмечает воцарение Навруса в 6867 г., т. е. до 1 марта 1360 г. есть монеты Навруса, чеканенные в 760 г., т. е. до 23 ноября 1359 г., но

Хидырь, и в 1361 г. князья поехали в Орду снова. Короче говоря, ни борьба партий в Орде, ни быстрая смена ханов не могли заметно поколебать прочно устоявшиеся отношения зависимости и значительно нарушить существовавшее политическое положение на русском Северо-востоке. Чтобы поколебать эти отношения, потребовалась катастрофа: распадение золотоордынского государства.

В Болгарах, как известно, засел Булат-Темир, «князь ординский». Действуя независимо от Сарая,¹ он «взял» не только Болгары, но и «все города по Волзѣ и улусы» и «отня весь Воляжеский путь». К юго-востоку от Нижегородского княжества, в «Запьянии», окопался некий Секиз-бий, также являясь самостоятельным узурпатором.² Следы татар мы находим в б. Сергачском у. Нижегородской губ. и части б. Симбирской.³ К востоку от Рязанского княжества так называемая «Наручатская страна» с центром на р. Мокше⁴ (где еще при Узбеке существовал золотоордынский мо-

не в Сарая, а в Крыму и в Азове); таким образом, Сарай был им занят в начале 1360 г. Русские князья поехали в Орду после смерти великого князя Ивана Ивановича, следовавшей 13 ноября 1359 г., т. е., очевидно, на исходе 1359 или в начале 1360 г., так как приблизительно в апреле — мае Дмитрий Константинович выехал из Орды (22 июня он уже въехал во Владимир). Весной того же года (т. е. приблизительно в мае — июне) Наврусасменил Хидырь (Рог. л.).

Лэн-Пуль и Zambaur ошибочно отмечают только 760 год как год царствования Кульпы. О Хидыре говорят, что он вступил на престол в 760 г. Но Сарай, во всяком случае, был им занят в 761 г. (760 г. датированы только азацкие монеты). Ср. Лэн-Пуль, Мусульманские династии, СПб., 1899; E. de Zambaur, Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'islam. Hannover, 1927. Нумизматический материал см. у Маркова (Инв. катал. мусульм. монет Эрмитажа. СПб., 1896, лит. изд.; Френа, Монеты ханов улуса Джучиева, СПб., 1832); Григорьева (Опис. клада... в Зап. Арх.-нум. общ. т. II, СПб., 1850); Савельева (Монеты Джучидов, СПб., 1857/58); Кроткова (в Тр. Сарат. учен. арх. ком., 1915, в. 32, и в Тр. Нижневолжск. общ. краеведения, в. 37, Саратов, 1930).

¹ В конце 1361 г. или в начале 1362 г. он «Блѣгары взялъ и ту пребываше» (Рог., Симеон., Никон лл.). Но возможно, что под 1361 г. помещено известие о событиях 1361—1362 гг. (и после 1 марта), как можно предполагать — о бегстве Мамай и, быть может, о движении Тагая из Безежа на Мокшу, где в 762 г. чеканил монету Кильдибек. Известно, что в 768 г. (7 сент. 1366—28 авг. 1367 г.) Булат-Темир чеканил монеты с именем своим и Джанибекхана (Пулад Тимур, Пулад Тимур-хан — у Григорьева: Пулад Тимур, сын Кугана или Тугана, — у Френа, Савельева). Его отношения к Сараяу характеризуют также обстоятельства его смерти (см. ниже).

² «и обрывся рвомъ ту сѣде» (Рог., 6869).

³ Я разумею находки кладов с золотоордынскими монетами (в «Запьянии»): в б. Сергачском у., Нижегородской губ., — с. Ветошкино, Б. Уда и Петровки, и в б. Курмышском у., Симбирской губ., — с. Теплый Стан. К ним примыкают находки кладов в Ивановке Княгининского у. и в Курмышском у. (см. Отч. Археол. Ком., 1900, стр. 94 и 146; 1895, стр. 69 и 191; 1913—1915, стр. 191 и 258; 1901, стр. 140 и 170; 1909—1910, стр. 204 и 258; 1894, стр. 153; 1883—1884, стр. LVII; Журн. 7-го зас. Симб. учен. архивн. ком. 3 июля 1896 г., стр. 3).

⁴ О нарвчатском городище см. Тр. Сарат. общ. изуч. арх. и этн. при Сарат. унив., в. 34, 1923, и Изв. общ. obsl. и изуч. Азербайджана, № 5, 1928, Баку. О собрании монет, собранных в Нарвчатском городище в 1926—

нетный двор), признававшая ранее власть Кильдибека, не примкнула к Сарая, а перешла во власть князя Татая: и «ту живяше и пребываше». По некоторым данным, Наручатская страна занимала часть б. Пензенской и, может быть, примыкающую к ней территорию б. Тамбовской губ.¹ Только южнее оставался свободный проход к Нижней Волге из Рязанского княжества; на пространстве этом, — где, судя по грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о пределах Сарайской и Рязанской епархий, в половине XIV в. можно было встретить «карауль» «возлѣ Хопор до Дону»,² — о находках золотоордынских монет в южной части б. Тамбовской губ. у меня нет сведений. Южнее же и юго-западнее шли уже пределы Мамаевой Орды. Дело в том, что один из влиятельнейших темников — Мамай объявил «царем» Абдуллаха и бежал за Волгу, на запад, вместе с «царици» и «всей Ордой».³ Территория вошла в сферу влияния Мамай и охватывала пространство на запад от Нижней Волги; в его

1928 г. В. П. Россиним, см. ст. Кроткова в Тр. Нижневолжск. общ. краев., в. 37, Саратов, 1930.

¹ По крайней мере, этот район выделяется находками золотоордынских кладов. Он охватывает область по р. Мокше (в Троицке на Мокше, с. Покровском б. Наровчатского у.; Низовках б. Нижнеломовского у.; в Керенске; в Вяземках и Б. Ижморах б. Керенского у., близ границ б. Тамбовской губ.; см. О. А. К., 1909—1910, стр. 207—208 259; 1902, стр. 126 и 168; Зап. Русск. Арх. Общ., нов. сер., т. III, стр. 279; Тр. Саратов. уч. археогр. ком., 1915, в. 32, стр. 164—168. Ср. А. А. К р о т к о в, К вопросу о северо-восточных улусах золотоордынского ханства, Баку, 1928, стр. 3). Возможно, что власть Тагая распространялась и на область по р. Цне (б. Тамбовской губ.), принадлежащую, вероятно, мещерским князьям; здесь находили клады XIV в. (в Новоберезовке б. Шацкого у. и Серповом, в Борках и Пичаеве б. Моршанского у.; см. Отч. Арх. ком., 1904, стр. 116 и 162; 1886, стр. CLXIV; 1909—1910, стр. 207 и 263 и Изв. Тамб. учен. архивн. ком., 20 ноября 1887 г., стр. 2—3, и в Отчетах Тамб. учен. арх. ком. за 1889 г., стр. 54, и за 1905 г., в 50, стр. 76). Впоследствии сюда проникла рука Дмитрия Ивановича: см. С. Г. Г. и Д., 1 О мещерских князьях см. *ibid.* и также: Л ю б а в с к и й, ор. с., стр. 90, и ст. М. И. Смирнова в Тр. Ряз. уч. арх. ком. за 1903 г., т. XVIII, в. 2.

Изучая топографию кладов с золотоордынскими монетами, я пришел к предположению, что на русской территории они, за немногими исключениями (напр., Старая Рязань), находимы не были, как, например, в б. губерниях Ярославской, Владимирской, Московской, Костромской. При изучении топографии я пользовался материалом, собранным сотрудиниками монетного отделения Эрмитажа. Характер материала заставляет при определении территории сохранять указания на старые административные деления.

² Русск. истор. библ. VI, № 17 и 18; ср. И л о в а й с к и й, Соч., 1884, стр. 94—95. По словам Рог. л. «гладу же въ нихъ велику належащу и замятнѣ мнозѣ и не строению надлзѣѣ пребывающу и не prestaюще другъ на друга встающе и крамолующе и воующе собою, ратящеса и убивающеса».

³ По монетам судя, он перебежал за Волгу в конце 1362 г.; к этому же времени относится летописное известие о том, что он посылал на Амурата какого-то «царевича». Но известие о том, что он бежал за Волгу, объявив царем Абдуллаха, помещено ранее. Абдуллах начал чеканить монеты с 764 г. (единственная монета, описанная Марковым 762 г., чеканенная реверсным штемпелем, является, очевидно, дефектным акземплярком; от 763 г. его монет не имеется), причем как раз в первый (764) год в Новом Сарая (и Азаке), а затем (в 765, 766, 767, 769, 770, 771 гг.) уже в «Орду», в «Янги-Шехр-Эли-Махрусе» и также в Азаке.

власти, таким образом, оказался и Крым, занятый им несколько позже — вероятно в 70-х гг. XIV в.¹ На севере кочевья Мамаевой Орды граничили с Рязанским княжеством. Они подымались, судя по находкам кладов с золотоордынскими монетами, до б. Воронежского у.;² вообще же можно предполагать, что татары заходили и в верховья Дона, в район, где граничили б. Орловская, Тульская и Воронежская губ., откуда, повидимому, открывался путь на Тулу, которой при Тайдуле «баскаци вѣдали».³ Подымаясь к пределам б. Воронежского у., кочевья Мамаевой Орды близко подходили к границам Рязанского княжества с юга. Когда в 1379 г. Митяй, ехавший на поставление в Царьград, прошел « всю землю Рязанскую », он вошел в « пределы Татарские » и, двигаясь далее, встретил Мамай.⁴

Итак, русский Северо-восток оказался от Сарая оторванным. Амурат, сидевший в Сарая, находился в открыто враждебных отношениях с Мамаем. Осенью или зимой того же года Мамай посылал на Амурата какого-то « царевича »: столкновение отмечено нашей летописью. Золотоордынское государство распалось. С другой стороны, пределы Орды Мамай непосредственно с юга подходили к русской территории. Вполне естественно при таком положении, что Мамай, имея у себя в Орде « царя » Абдуллаха (Авдулю), вслед за Амуратом заявил свои права на « русский улус ».

От Авдули из Орды Мамай приехал посол и привез ярлык для Дмитрия Ивановича Московского. С Москвою, надо заметить, Мамай и ранее имел сношения. Так, весной или в начале лета 1359 г., т. е. в последние месяцы царствования Бердибека, он, согласно одному летописному известию, присылал на Москву посла (тогда великим князем был Иван Иванович);⁵ есть сведение (из другого источника), что в кратковременное царствование Бердибека Мамай действительно играл влиятельную роль.⁶

¹ См у Эльмухибби (Т и з., I, 350); также Смирнов, Крымское ханство 1887, стр 131—136; ср. Брун, Черноморье, I, стр. 300.

² Находки кладов времени Мамаева « царя » Абдуллаха: в Петровых Будах б. Курской губ., Судженского у.; в д. Шаховцовой б. Курского у.; в с. Семилуки б. Воронежского у. См. Древности, т. III, стр. 175—176; О. А. К., 1868, стр. XXI; 1911, стр. 79 и 104; 1894, стр. 35 и 159.

³ О « краеземных » татарах см. Симеон. и Рог. лл., 6917 г. Материал по топографии золотоордынских кладов см. в Зап. Археол. Общ., II, 426, т. XI, 189; Отч Археол. ком., 1902, стр. 125 и 168; 1904, стр. 116 и 163. Изв. Тамб. уч. археогр. ком.

⁴ Рог. и Симеон., 6885; ср. Д. Кобек, ор с.; ср. Изв. Археогр. ком., в. 29, стр 137. Позже, в 1389 г., Пимен и его спутники, плывя вниз по Дону, встретили впервые татар только на 2-й день после того, как миновали р. Медведицу (см. Никон. л.).

⁵ Львовская летопись сохранила следующее известие под 6867 г.: « прииде посолъ на Москву отъ царя Мамайа от Ахмиявды ». Слово « царя » — позднейшее добавление, как и в других местах летописи (см., напр., под 6870 г. в Льв. л. и параллельный текст в других сводах).

⁶ По словам Ибнхальдуна, « Ханум, дочь Бирдибека, была замужем за одним из старейших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами » (Т и з., I, 389).

Ярлык, присланный от Авдули, был принят. Сарай был далеко. К тому же в самом Сарае положение Амурата было, кажется, не совсем прочно: в один год с ним в «Новом Сарае» чеканил монету и Мир (Хейр) Пулад.¹ В положении «русского улуса» наступил, как мы говорили, переломный момент: Москва почувствовала себя более самостоятельной.

Можно было ожидать, что Мамай со временем будет придерживаться той же политики на Руси, что и его предшественники, что он будет препятствовать усилению Москвы. Между тем открывались некоторые возможности московскому князю усилиться, пользуясь борьбой Мамаю с ханом, сидевшим в Сарае. Другими словами, прикрываясь интересами Мамаю можно было многого добиться, чего ранее достигнуть не удавалось: прежде всего привести в свою волю князей сарайской ориентации. Как известно, весть о сношениях московского князя с Ордою Мамаю вызвала негодование в Сарае и побудила Амурата возвести на великое княжение Владимирское соперника Дмитрия Ивановича — Дмитрия Константиновича Суздальского (ярлык был передан находившемуся в Сарае князю Ивану Белозерскому, и он привез его в сопровождении 30 татар). Опираясь на полномочия из Мамаевой Орды, Дмитрий Иванович решился на неповиновение Сараю и согнал суздальского князя, вновь заяввшего великое княжение, с великокняжеской территории, прошел к Суздалю, а затем привел в свою волю князей, державших сторону суздальского князя: «также же надъ Ростовскимъ княземъ. А Галичьскаго Дмитрея из Галича выгна-ли». ² Надежда фактически сесть на великом княжении Владимирском для Дмитрия Константиновича Суздальского становилась эфемерной, хотя в Сарае его продолжали считать великим князем владимирским ³ С другой стороны, и Нижний не был в его руках.

¹ Имеем монеты Мир (Хейр) Пулада, чеканенные в Новом Сарае в 764 г., т. е. после 21 окт. 1362 г. Летопись не знает его имени. В одном месте, повидимому, летописец говорит о нем. В Рог. л. под 6869 (1361) г. имеем рассказ о событиях по двум источникам. Из них первый близок к Симеон. л., но не совпадает с ней. Так, в Симеон. л. говорится, что Хидырь был убит сыном Темирьхожей, который сам вскоре погиб. В первом источнике Рог. л. (и в Троицк. л.) говорилось, что Хидырь был убит «отъ своего си брата от Мурута и сѣде на царствѣ Муругъ», а далее, после рассказа о «царях» Авдуле и Кильдибене, читаем: «а иные князи ординьские, затворишась въ Сараи, царя у себе имѣнующи 4-го», тогда как в Симеон. л. читаем: «царя у себе именующе Амурата» (т. е. Мурута). В летописных сводах XV в. видим в разных редакциях вариант Симеон. л. (см. Влад. Полихрон, свод 1479 г. и др.). Если слова «царя у себе имѣнующи 4-го» не есть искажение (что мало вероятно, заметим, ибо протограф Симеон. л. в Рог. л. дает более древние чтения) текста («...именующе Амурата»), то допустимо, что под 4-м «царем» разумеется Мир Пулад, засевший в Сарае одновременно с Амуратом.

² Рог. л., см. также Никон. л.

³ См. о приезде «отъ царя Азиса» царева посла Урусманды с «ярлыкы» на великое княжение князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому (Рог., Симеон., Льв., 6872; Никон., 6873). С ним приехал князь Василий Дмитриевич, следовательно суздальские князья еще в конце 1364 г. поддерживали связь с сарайским ханом. Азис начал чеканить монету с 766 г. (28 сент. 1364—18 сент. 1365 г.). Кто царствовал на Нижней Волге в 765 г.

Там сидел брат его Борис: в 1364 г. из Сарая приезжали послы, «сажавшие его на Нижегородском княжении». ¹ Не надеясь получить Владимирский великокняжеский стол, Дмитрий Константинович заключил с московским князем соглашение: он отказывался от прав на великое княжение Владимирское, с тем чтобы московский князь помог ему сесть в Нижнем.

Движение московской и суздальской силы вынудило Бориса уступить Нижний Дмитрию Константиновичу и сесть в Городце. Первые же шаги к сплочению Руси вокруг Москвы ознаменовались открытым сопротивлением нашествию татар. В 1367 г. Булат Темир, сидевший в Болгарах, напал на территорию Нижегородского княжества, но встретил отпор, потерпел поражение и бежал в Орду, где был убит Азисом (который в том же году сам утерять власть). ² Сопротивление татарским нашествиям находило, очевидно, поддержку со стороны масс. Напомним, что ранее против бояр, державших, по видимому, сторону татар, подымалась ненависть населения. В начале XIV в. в Нижнем «чернь» избивала бояр князя Андрея, а сын его, вернувшись из Орды, избил «вечников».

Итак, в Нижнем Новгороде был посажен с помощью московской силы признавший власть Мамай Дмитрий Константинович. Следует заметить, что последнее обстоятельство было использовано Мамаем (в 1370 г.) в целях распространения своей власти на Восток. Булат-Темира, как мы видели, в Болгарах уже не было. Там появился князь Асан (или Гасан), на некоторое время завладевший также и Сараем. ³ В сопровождении Мамаева посла нижегородский князь выступил на Болгары. Асан сдался без сопротивления, и в Болгарах посадили «Салтан Бакова сына». Под тем же годом, выше, мы читаем, что «Мамай у себе в Орде посадил царя другого Маматъ Салтанъ». ⁴ Может быть, сын его и был посажен в Болгарах. ⁵ Что стало в ближайшие годы с Сараем гиджры (после Амурата), мы не знаем. Положение Азиса в Сарае, по видимому, не было прочным; в тот год (766), когда он чеканил монету в «Гюлистане», в «Новом Гюлистане» чеканил монету Пулад Ходжа. Но с Сараем поддерживались еще церковные связи. Судя по ярлыку Тюляка, Азис выдал ярлык митрополиту Алексею (сарайским епископом в это время был, вероятно, Матфей: Афанасий умер в 1362 г. на Костроме; см. Никон. л., 1362 г., Русск. Ист. Библ., VI, № 19; ср. Рог. л., 1377 г.).

¹ По тексту летописи, его сажали посол «от царя» (Байрам-хозя, Байралхозя, Барамхозя) и посол «отъ царици» (Асан, Осан); см. Соф. 1, Новг. IV, Никон. лл.

² См. Симеон., Рог. лл. Последний год чеканки монет Азисом («Гюлистан» и «Новый Сарай») — 768.

³ Асан чеканил монету в Сарае в 771 г. Кто в Сарае («Новом Сарае») чеканил монету перед ним (после Азиса), мне не известно (в 769—770 гг. т. е. с авг. 1367 до авг. 1369 г.). И уже в следующем, 772 г., в Сарае чеканил монету не Асан.

⁴ Рог., Симеон., Никон. лл. Как раз в этом году монеты Абдуллаха кончаются (771 г.) и годом ранее начинаются монеты Мухаммед-Булака (с 770 г.), как полагают — Мамат-Салтана. Об Ачихоже см. Х р а м ц о в с к и й, ор. с., 23; ср. Симеон., Рог., Ерм., Никон. лл. под 1375 г.

⁵ Позже, в 1376 г., мы видим в Болгарах «Мамат-Салтана» на ряду с Асаном. Асан мог быть оставлен в Болгарах в качестве «болгарского князя»

не совсем ясно, но есть сведения, что и он был занят Мамаем.¹

Распадение золотоордынского государства, бывшее налицо в 1363 г., открыло новые возможности к расширению великого княжества Литовского на юге. Я разумею военные действия, предпринятые Ольгердом на юге Подолии (на Синих водах и в Белобережьи), и, во-вторых, занятие Коршева, совершившееся в 1363 г. Оба факта засвидетельствованы двумя летописными сводами, имеющими общий источник, — Никоновской и Рогожской летописями,² причем о первом событии в иной редакции сообщает также Литовская летопись.³ Первый факт свидетельствует о том, что татарские князья Хажибей, Кутлубуга и Дмитрей, «отчичи и дедичи Подольской земли», как их называет Литовская летопись, оторвались от Золотой Орды, чем и воспользовался, очевидно, Ольгерд, нанеся им поражение. Второй факт свидетельствует о том, что восточные окраины Черниговщины были заняты Литвою, близко подошедшей к степям, где хозяйничала Орда, как мы видели также оторвавшаяся от золотоордынского центра.⁴

на ряду с «салтан баковым сыном», как добровольно сдавшийся: «Осанъ же посла противу ихъ съ челобитиємъ и съ многыми дары...и т. д. (Рог. л.) и как признавший его власть. По Савельеву, «Салтан баков сын» (предположительно) сын Асана, а Мамат-Салтан (в Болгарах, в 1376 г.) — тот же «Салтан баков сын» (ор. с., стр. 222—223).

¹ В 772—773 гг. «в Новом Сарая» чеканил монету Тулунбек-хан (см. К р о т к о в, ор. с., № 75, стр. 27; Ф р е н; М а р к о в). Позже Тулунбека (или Тюляка) видим Мамаевым «царем». Кто чеканил монеты в Сарая в 774 г., мы не знаем. Но есть сведения, что как раз в эти годы приблизительно (несколько позже: в 775—776 гг.) Мамай был изгнан из Сарая (Ибнхальдун; см. ниже).

² См. Никон. и Рог. лл. под 1363 г.; показания Рог. л. позволяют с полной уверенностью и основанием считать указанные записи 1363 г. записями тверского свода, взятыми из литовского летописного источника; см. А. Н. Н а с о н о в, Летописные памятники Тверского княжества (ИАН СССР, 1930); его же Летописные своды Тверского княжества (ДАН СССР, 1926, ноябрь — декабрь).

³ См. П. С. Р. Д., т. XVII, стр. 99, 170, 278, 389, 496.

⁴ В списке городов Воскр. л. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 240) в числе «киевских» городов назван «Коршев на Сосне». Напомним, что о Брянске под 1359 г. в Никон. и Рог. лл. читаем: «и по томъ нача обладати Олгѣрд, Брянскомъ» (Рог., 6865). Вопрос о занятии Ольгердом Киева, к сожалению, остается еще не совсем ясным (см. Густ. л. под 1305, 1361 и 1362, гг.; см. Б. А н т о н о в и ч, Очерк истории вел. княжества Литовского, Монографии... т. I, Киев, 1885; М. Г р у ш е в с к и й, Исторія України — Руси, т. IV; Н. Д а ш к е в и ч, Заметки по истории Литовско-Русского государства, Киев, 1885, отгиск из Унив. известий). Не имеем достаточных оснований предполагать, чтобы до 1331 г. включительно, когда князь Федор (киевский) действовал вместе с «баскаками», этот киевский князь стоял в зависимости от литовского князя (Гедимина), был его подручником. Дашкевич (ор. с.) и вслед за ним М. Любавский (Очерк истории Литовско-Русского государства, 1915, стр. 24) приводят известие Новг. I л. под 1326 г. о приезде в Новгород послов из Литвы — брата Гедимина, князя минского, полоцкого князя и князя Федора Святославовича — как указание на известную зависимость Федора Святославовича от Гедимина, предполагая, что Федор Святославович — князь Федор Киевский. Не говоря уже о том, что киевского

Итак, с распадением золотоордынского государства, когда Сарай оказался оторванным от русского Северо-востока, в 60-х гг. XIV в., на Руси создавалась политическая обстановка, отразившаяся на ее судьбах: некоторые из княжений были приведены «в волю» московского князя, занявшего великое княжение Владимирское. Вероятно, тогда же определилось и отношение московского князя к территории великого княжения как к вотчине, обнаружившееся в последующих событиях. Наступление Москвы не коснулось пока Рязани и Твери. Но оно коснулось Нижнего-Новгорода, фактически утратившего свою самостоятельность от Москвы. Этими успехами Москва была обязана соперничеству Мамаю с Сараем. И после того как это соперничество на Руси прекратилось не стало прежних условий, благоприятствующих успехам Москвы. Дальнейшее соби́рание власти московским князем не отвечало интересам Мамаю, и он не мог не опасаться усиления Москвы и держать сторону московского князя в его стремлении привести «в свою волю» Тверь и Рязань.

«Того же лѣтъ, — читаем мы в тверской летописи под 1367 г. — на Москвѣ почали ставити городъ камень, надѣяся на свою на великую силу, князи Русьскыи пачаша приводити въ свою волю а который почаль не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою. Тако же бышеть посяжение ихъ на князя на великаго на Михаила Александровича, а князь Михайло того ради поехал в Литвою». ¹ Михаил пришел с литовской ратью, и дело кончилось миром. Но Дмитрий Иванович своих «посяжений» на тверского князя не оставил. Нет сомнения, что с самого начала у него были какие-то соображения, заставлявшие его опасаться Мамаю. Мы знаем, что заставило его освободить в 1368 г. Михаила из-под ареста. Дело в том, что в 1368 г. Дмитрий Иванович и митрополит зазвали великого князя Михаила Александровича «любовию», а «сѣдумавъ, — прибавляет тверская летопись, — на него съвѣтъ золь». Тверской князь приехал, а они «чересь цѣлование» схватили его, лишили свободы, а Городок и часть «отчины княжи Семеновы» отняли. ² Михаил был посажен на Гавшином дворе,

князя Федора Зотов считает Иоанновичем (ор. с.), следует заметить, что нельзя быть уверенным в тождестве киевского князя Федора с Федором Святославовичем, упомянутым под 1326 г., поскольку нам известен из летописи князь Федор Святославович, принадлежавший к смоленским князьям (по родословным он — дорогобужский и вяземский), а также известно, что великий князь смоленский Иван Александрович находился в известной зависимости от Гедимины, как явствует из грамоты, напечатанной в С. Г. Г. и Д., т. II, под № 8.

О трех татарских князьях Лит. л. (Увар. сп.) пишет: «а от них заведали атамани и боискаки приеждаючи от тыхъ атамановъ, имовали с Подльской земли дань» (см. П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 97; ср. стр. 170, 278, 389, 496). Недостаток данных не позволяет определить положение баскаков в Подольской земле в XIII—XIV вв.

¹ Рог., 6875.

² И посадили в Городке своего наместника с князем Еремеем, еще ранее (1367) проехавшим в Москву (см. Рог., Никон. лл.).

где его держали «въ истомѣ», а «что были бояре его около его», тех всех «поимали и разно разведоша и быша вси в пятьи». В то время из Орды случилось приехать татарам (по Рог. л., — Чарык по Симеон. и Троицк. — «татарове, Корачъ»; по Никон. — «татарове, князь Карачъ и Ойдаръ и Тѣтекашъ»). Появление татар спасло тверского князя: «тѣмъ избави его богъ, князя Михаила, и не дождавъ Чарыка опять покончивъ съ нимъ да отпустили его въ Тѣфѣрь». ¹

Тем не менее наступление на Тверь продолжается. В том же году московский князь послал рать на Михаила, и Михаил бежал в Литву, откуда прибыл с войском Ольгерда, подходившего к самой Москве. Спустя два года он снова «сложил целование» к Михаилу и начал воевать тверские волости. Михаил бежал в Литву, а оттуда в Орду.

Нет ничего удивительного, что, несмотря на то, что Михаил действовал в союзе с Ольгердом, Мамай принял сторону Михаила и даже передал ему права на великое княжение Владимирское. Заметим, что ранее, когда еще московский князь начал воевать тверские волости, приезжали из Орды татарин Капътагай да Тюзюк с ярлыком великому князю Михаилу на Тверское княжение. Явно порвать с Мамаем Дмитрий Иванович еще не решился, но он не подчинился в данном случае его воле. Он пытался даже перехватить тверского князя, но тот успел убежать в Литву, откуда пришла рать Ольгерда, вновь подходившая к самой Москве. ² Мир московского князя с Ольгердом заставил Михаила снова поехать в Орду. Нет сомнения, что Мамай не только на словах хотел поддержать тверского князя. Мы знаем, что он предлагал ему вооруженную помощь, но Михаил отказался. 10 апреля он в сопровождении посла Сарыхожки прибыл в Тверь, откуда двинулся на великокняжескую территорию. Но Дмитрий Иванович привел по городам бояр и «людей» к целованию «не датися князю великому Михаилу, а в землю его на княжение на великое не пустити»; сам же с князем Владимиром Андреевичем стал ратью в Переяславле. ³ Из договорной с Ольгердом 1371 г. видно, что московский князь рассматривал великое княжение Владимирское как свою отчину, тогда как Мамай, согласно летописным сведениям о событиях, не покидал старого взгляда на положение великокняжеской территории, как исключительно связанной с великокняжеским ярлыком, и на свои права в отношении к ней.

Тверская летопись сообщает, что Сарыхожка послал Дмитрию

¹ Рог. л.; ср. Симеон. и Никон. лл. И ниже под тем же годом узнаем, что зимой москвичи «отступилися опять Городка и все чясти княжи Семеновы князю великому Михаилу Александрович[ю], а князя Еремѣя отпустили съ нимъ въ Тѣфѣрь» (т. е. из Городка; таким образом, по Рог. л., Михаил Александрович приезжал сам в Городок; ср. Никон. л., 1368 г.). Дело было уже после нашествия Ольгерда в том же году.

² Рог., 1370; ср. Симеон. л.

³ Рог., 1371.

Ивановичу татарина «съ байсою», т. е. с «пайзе», ¹ звать его во Владимир «к ярлыку», но получил отказ («къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пушаю, а тебѣ послу путь чистъ»). Вместе с тем московский князь приглашал посла «съ великою любовию» к себе. Сарахожа, рассчитывая получить многие дары и «серебро», передав ярлык Михаилу, сам поехал на Москву. С Москвы он, взяв дары, отъехал в Орду. Между тем Михаил отпустил в Орду сына своего Ивашку. В Орду поспешил и Дмитрий Иванович. 15 июля он переехал Оку, распрощавшись с провожавшим его митрополитом Алексеем. ²

Почему московский князь решился ехать в Орду, хотя в данном случае он не подчинился воле Мамаю? Видимо, он искал компромисса. Мы видели, что великое княжение фактически осталось за Дмитрием Ивановичем. Но почему Мамай не устроил «суд» над московским князем? Во-первых, тверской князь отказался от вооруженной помощи татар. Во-вторых, московский князь «многы дары и великы посулы подавал Мамаю и царицамъ и княземъ, чтобы княжения не отъняли». В-третьих, в Орде не могли не знать через послов о настроении масс на Руси, на территории великого княжения Владимирского. Массы открыто шли за Москву. Чрезвычайно показательно, что тверской летописец вынужден признаться: «а ко князю къ великому къ Михаилу такъ и не почали люди изъ городовъ передаватися» (Рог., 6879). Но Мамай мог рассчитывать, что Михаил захватит великое княжение Владимирское с помощью Литвы. Он просил передать Михаилу, что великое княжение ему давали, что давали рать, но он не взял, говоря, что сядет «своею силою», и «ти, — прибавлял Мамай, — сяди съ кѣмъ ти любо», намекая на Литву. ³ Михаил имел основания рассчитывать, что ярлык на великое княжение Владимирское ему будет вынесен снова. Его наместники оставались в Новгороде (разрыв с Новгородом произошел только в следующем, 1372 г.), и в договорной с новгородцами грамоте мы читаем: «а вынесуть тобѣ изъ орды княжение великое, намъ еси князь великый, или пакъ не вынетъ тобѣ княжения велико... Орды, поити твоимъ намѣстникамъ из Новгорода проць...» Орда, как видно, его обнадějiла. ⁴

Итак, Мамай поддерживал Тверь против Москвы. Меньше данных относительно Рязани. Но то, что мы знаем, свидетельствует о том же направлении политики Орды. В 1371 г. рязанский князь Олег был разбит Дмитрием Ивановичем Московским, и на столе

¹ О байсе одного из царей Мамаевой Орды (Абдуллаха) см. А. Спицын, Татарские байсы, Изв. Археогр. ком., в. 29, примеч. 132—133.

² Рог., Симеон. лл., 6879.

³ Так заставляют думать дальнейшие события (Рог. л., Тв. сб., 6879—6883).

⁴ Шахматов, О языке новгородских грамот, в сб. Исслед. по русск. языку, 1895, стр. 267 (текст) и 233—234. См. также Рог. и Новг. I лл.: 1368 г. (Владимир Андреевич в Новгороде), 1372 г. (разрыв с Михаилом), 1373 г. (Владимир Андреевич в Новгороде).

сел Владимир Пронский. Олег бежал. Но на следующий год, собрав «вои», он пришел ратью на Рязань «изгономъ», прогнал Владимира и снова сел в Рязани. Сохранилось указание, что он сел с помощью татар: его сопровождал ордынец Салахимир с татарской дружиной.¹ Последнее известие (не летописное) требует проверки. Возможно, что Мамай дал ему отряд в помощь, как было позже с Иваном Владимировичем. Предположение об активной роли Мамаю подтверждается дальнейшими событиями. Войдя в союз с Дмитрием Ивановичем, Олег навлек на себя гнев со стороны Мамаю: татары предали огню «города» и, причинив много «зла», ушли восвосяи. Дмитрий Иванович, узнав о набеге, пришел, собрав «всю силу княжения великого», тогда как Владимир Андреевич прибыл из Новгорода (1373 г.).

Итак, попытки московского князя распространить свое влияние и власть на другие княжества (после того как вопрос о соперничестве Сарая на Руси отпал) встречали противодействие со стороны Мамаю. Он не мог не опасаться усиления Москвы и поддерживал против нее Тверь и, как можно предполагать, самостоятельность Рязани. Не без успеха тормозил он процесс собирания Руси Москвою. Только великое княжение Владимирское прочно было занято Москвою в качестве «отчины» московского князя. Своей политики не оставил Мамай и тогда, когда положение его в Орде изменилось к худшему. Орду охватила новая смута, развязавшая руки Москве.

Под тем же (1373) годом летопись сообщает о большом количестве побитых ордынских князей. «Потом перессорились эмиры, которые владели областями Сарайскими», — пишет Ибнхальдун; «того же лѣта в Ордѣ замятня бысть, — читаем в Никоновской летописи под 1373 г., — и мнози князи Ординския межи собою избие ни быша, а Татаръ безчислено паде». По Ибнхальдуну, «Хаджичеркес, владетель Астраханских уделов, пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай», что произошло в 776 г. (1374—1375 гг.) или несколько ранее.² Сведения Ибнхальдуна, таким образом, подтверждают нашей летописью, а во-вторых — данными нумизматики: мы имеем монеты Черкес-бека, чеканенные в Астрахани как раз в 776 г. гиджры, и также его монеты (со сбитыми числами), чеканенные в Сарае. Кроме того, Черкес-бек чеканил монету в Ховаризме и в Мокше, т. е. в Наровчатской области. Таким образом, владения Мамаю на Востоке (Болгары) оказались слабо связанными теперь с Ордою Мамаю, что, конечно, понимали как в Нижнем-Новгороде, так и на Москве. Отсюда понятен и ход дальнейших событий: «размирье» с Мамаем Дмитрия Ивановича, расправа с Мамаевыми послами в Нижнем (1374 г.) и поход на Болгары с целью завоевания города, организованный московским князем с помощью нижегородско-суздальского (1377 г.). О «размирье» летопись кратко

¹ И л о в а й с к и й, Соч., 1884, стр. 109; ссылка: из родословной дворян Вердеревских, Арх. Ряз. деп. двор. собр.

² Т и з., I, 391.

сообщает, что Дмитрию Ивановичу «бышеть розмирие с Тотары и съ Мамаемъ». ¹ О событиях в Нижнем узнаем, что нижегородцы побили «пословъ Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ съ тысящу, а старѣйшину ихъ именемъ(ъ) Сарайку рукама яша и приведоша ихъ въ Новгородъ Нижний и съ его дружиною». ² Из рассказа о походе на Болгары (1377 г.) выясняется, что они оставались еще под властью Мамаю, а из рассказа о походе Прокопия не видно, чтобы они были бы объединены с Сараем. Летопись говорит, что в Болгарах сидел Мамат-Салтан вместе с князем Асаном; вместе с тем действия московского князя обнаруживают, что, предпринимая поход на Болгары, он полагал возможным нападение со стороны Мамаю: он прошел ратью к Оке, где образовал заслон на случай удара с юга. Одновременно он послал на Болгары князя Дмитрия Михайловича Волынского, выступившего вместе с войском Дмитрия Константиновича Суздальского. Как известно, Болгары пали. Что было вслед за тем с Мамат-Салтаном, мы не знаем. ³

Согласно некоторым признакам, Мамай действительно не чувствовал себя сильным. Только в 1378 г. он предпринял первую попытку вернуть московского князя к покорству, а до этого времени лишь собирался с силами, ограничиваясь палетами: в 1375 г. совершил летучий набег на Нижний (побили заставу и поспешно удалились), а два года спустя поведением мордовских князей был вызван второй набег: русские укреплялись в Засурье, как видно из известия под 1372 г.; ⁴ юго-западнее, где-то к востоку от Рязанского княжества, шли «татарские и мордовские места», которые «отомаль» Дмитрий Иванович, по свидетельству его сына. ⁵ Нашествия татар встречало открытое сопротивление русских. В 1377 г. пришла весть, что из Синей Орды перебежал за Волгу царевич Арапша и идет к Нижнему; русские князья выступили к р. Пьяне, где их постигло несчастье: мордовские князья «втаю» привели рать из Мамаевой Орды и застали их врасплох; вслед за тем татары напали на Нижний-Новгород и, предав его огню и мечу, на третий день ушли, опустошая на своем пути селения и забирая полон. Со своей стороны Арапша пограбил Засурье. Вернуть московского князя к прежним отношениям Мамай сделал попытку только в 1378 г. Но и собравшись с силами, чтобы организовать поход на Дмитрия Ивановича и «на всю Русскую землю», Мамай не имел достаточно военных средств, чтобы привести московского князя к покорности. Нечего и говорить, что представление о том, что в годы, предше-

¹ Рог., 6882.

² Рог. л.

³ Может быть, неслучайно, что как раз после 777 г. гиждры (1375—1376) Мухаммед-Булак (Мамаев «царь» Мамат-Салтан) более монет не чеканил.

Позже, в 1380—1381 гг., появляются его монеты, чеканенные в Астрахани. Но у Мамаю сидел уже другой царь (Тюляк), что известно из ярлыка 1379 г.

⁴ Рог., 1372; ср. А. А. Э., I, № 12.

⁵ С. Г. Г. и Д., I, № 36.

ствовавшие Куликовской битве, Мамай выводил Орду из смуты (мы видели это и выше), совершенно ложно.¹ Битва при р. Воже окончилась, как известно, позорным образом для Мамаю (1378 г.). Своей политике Мамай остался верен до конца. Еще собираясь с силами, он не был пассивным зрителем того, что происходило на Руси. Но направлять события с помощью вооруженной силы он, повидимому, еще не мог. В результате Тверь оказалась как бы спровоцированной.

Начала войну Тверь при несколько загадочных обстоятельствах. В 1375 г. в Тверь приехали изменившие Москве Василий Иванович, сын тысяцкого, и Некомат Сурожанин. Михаил послал их в Орду, к Мамаю, а сам поехал в Литву. Мамай передал для Михаила ярлык на великое княжение Владимирское, и в сопровождении посла Ачихожи они вернулись. Послы уговаривали Михаила действовать немедленно, заверяя его, что помощь из Орды последует: «Михайло, има вѣру лъсти бесерменьской, ни мала ни пождавъ, того дни послалъ на Москву ко князю къ великому Дмитрию Ивановичю, цѣлование крестное сложилъ, а намѣстники послалъ въ Торжокъ и на Угличе поле ратию»; и, по словам летописца,

¹ Выше мы говорили, что в 776 г. (или несколько ранее) Мамай, по Ибн-хальдуну, был изгнан из Сарая Хаджи-Черкесом. Но и Астрахань не перешла в руки Мамаю: там в 776—777 (1375) гг. сидел какой-то астраханский князь Салчей, о котором летопись сообщает, что «лестию» побил дружину Прокопия. Сарай же в последующие годы стал прямо ареной борьбы, смуты. Против Хаджи-Черкеса выступил Айбекхан, занял Сарай и «несколько времени самовластно правил им» (Ибнхальдун). Это было в 777 г. Монеты «Агабекхана» чеканены в Новом Сарая в 777 г. (см. у Френа, *op. cit.*). По Ибнхальдуну, он «погиб, и после него Сарая правил сын его Карихан» (?) (Т и з., I, стр. 391). Знаем, что в том же 777 г. в Сарая чеканил монеты Каганбек. Кроме того, имеются монеты 777 г., чеканенные в Новом Сарая с именем Джанибека. Вслед за тем Сарай стал предметом борьбы между Тохтамышем и сыном Урусхана Тимур-Меликом. Последний, очевидно, чеканил монеты с именем своего отца: мы имеем монеты Урусхана, чеканенные в Новом Сарая в 779 и 782 гг. Судьба Сарая менялась в зависимости от того, какой оборот принимала борьба: сохранились монеты Тохтамыша, чеканенные в Новом Сарая в 777—778 гг. (ср. у Шериф-ед-дина: «оказав поддержку и содействие Тохтамыш-оглану, пожаловав ему царство всего Дешт-Кипчака и Джучиева улуса», и т. д. — Т и з., II, рукоп.; ср. франц. перевод Шериф-ед-дина, I, 292—295); монеты Урусхана, чеканенные в Новом Сарая в 779 г. (ср. у Шериф-ед-дина: «по возвращению Тимура из Дешта, Тимур-Мелик-оглан, сев на престол ханский, с огромным войском пошел на Тохтамыш-хана, и после многих стычек и сражений поражение выпало на долю Тохтамыш-хана»; по тексту — в 778 г. — (Т и з., II, рукоп.); монеты Тохтамыша, чеканенные в Новом Сарая в 779 г. (ср. у Шериф-ед-дина: «поражение выпало на долю Тимур-Мелика. Тохтамыш-хан, оставшись победителем, воссел на престол Дешт-Кипчака» — *ibid.*); монеты Урусхана, чеканенные в Новом Сарая в 782 г., и монеты Тохтамыша, чеканенные в Новом Сарая в 782 г. (ср. у Шериф-ед-дина: «Тохтамыш-хан, снарядив бесчисленное войско, двинулся в поход и покорил царство Сарайское и народ[ил] Мамака [Мамаю]» *ibid.*). Кроме того, в 779 г. в Новом Сарая вновь чеканил монету Араб-шах, появившийся, как мы видели, в 1377 г. Таким образом, представление о том, что в годы, предшествовавшие Куликовской битве, Мамай выводил Орду из смуты (см., напр., П р е с н я к о в, *Обр. вел. гос.*, стр. 273—274, 301), совершенно не соответствует действительности.

во время осады тверичи «падѣялися помочи... отъ татаръ». ¹ Мамай не имел, очевидно, возможности оказать тверскому князю вооруженную помощь, но не терял надежды, что Тверь справится с Москвою собственными силами с помощью, быть может, Литвы. Известно, чем кончилась эта «тверская война». Осажденная значительными силами (к осаждавшим присоединились и новгородцы), Тверь принуждена была капитулировать, не дождавшись помощи ни от Ольгерда ни из Орды. Москва торжествовала победу, а в договоре 1375 г. тверской князь обязывался не брать «великого княжения», если татары будут предлагать ему его, и «сваживать» князей московского и тверского. Мало того: он обязывался идти вместе с Москвою в случае, если татары пойдут на Москву. ² Дальнейшие события показали, как нетрудно было этот договор разрушить.

В некотором отношении Мамай добился успехов. Осенью, вскоре после своего поражения на р. Воже, он совершил летучий набег на Рязанскую землю. Новому походу предшествовала, по видимому, дипломатическая подготовка. Олег Рязанский выразил желание быть на его стороне. С Литвой удалось сговориться. Неизвестно, входил ли Мамай в сношения с князьями нижегородскими и тверскими. Древнейшие редакции повести о Мамаевом побоище не упоминают ни тех ни других в числе союзников московского князя на Куликовом поле. ³ Подъем, охвативший массы, объясняет нам успех в подготовке и проведении операции, завершившейся полным разгромом Мамаевых татар и его вспомогательных наемных войск, набранных в Крыму (генуэзцы), на Кавказе и других местах. В XIII в. татары, как мы говорили, удивляли европейские страны замечательной постановкой военнополитической разведки. Источники, рассказывающие о событиях, предшествующих Куликовской битве, не оставляют сомнения в том, что в этом отношении в борьбе с Мамаем преимущество было на стороне русских: о Мамае получались все время сведения, но Мамай, по данным, доставленным в армию 5 сентября, о движении русских не знал (см. Синод. сп. «Сказания о Мамаевом побоище»). ⁴

После разгрома татар, казалось, открылись новые перспективы в деле сплочения Руси вокруг Москвы: так, в ноябре «все князи русским сославшеся велию любовь учиниша между собою». ⁵ Наше-

¹ Рог. л.

² С. Г. Г. и Д., I.

³ Ш а х м а т о в, Отзыв о соч. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»; в отчете о XII прис. премий митр. Макария. П р е с н я к о в, Обр. вел. гос., стр. 212, 274, 320 — 321. Сведения об участии псковичей и новгородцев в сражении (см., напр., Сказание по Синод. сп.) требуют проверки. Мамай посылал к Олегу (см. Новг. IV л.). То обстоятельство, что бежал именно Олег, а другие рязанские князья решились приехать к московскому князю, делает вероятным предположение, что Олег самостоятельно вел переговоры с Мамаем, проявившим дипломатическую активность в Рязанском княжестве (ср. Отзыв о соч. Шамбинаго, стр. 125).

⁴ Текст напечатан у Шамбинаго, ор. с.

⁵ Никон., 6889.

ствием Тохтамыша собрание Руси Москвою было задержано. Смута в Орде кончилась с появлением Тохтамыша, во «власть и господство» которого «благодаря распоряжению Тимура», перешел «весь улус Джучиев». Москва приведена была силою к покорности. Однако уже прежний характер господства монголов на Руси вернуться не мог. На великокняжескую территорию прочно установился взгляд как на наследственное владение московских князей, а великокняжеская деятельность в значительной мере утратила прежнее значение, неразрывно связанное с великокняжеским ярлыком и особым положением земли великого княжения. В равной мере окончательно решена была участь некоторых княжений в смысле личной зависимости их от московского князя.

Эпоха Тохтамыша и его ближайших преемников была эпохой, когда Орда напрягала последние силы, чтобы удержать свое господство над Русью не номинально, но фактически. Путь к этому представлялся один: препятствовать процессу объединения Руси Москвою, ослаблять ее волю и внутреннеполитическое значение, поддерживать местный сепаратизм, противопоставляя Москве княжества Тверское, Рязанское или Нижегородско-Суздальское.

Уже во время похода обнаружилась такая политика. Из событий похода и предшествовавших походу можно заключить, что она имела не только стратегическое значение.

Нижегородских и рязанских князей Тохтамышу удалось привлечь на свою сторону. Когда он двинулся на Москву, сыновья Дмитрия Константиновича Василий и Семел догнали его на Рязани и присоединились к его окружению. Надо сказать, что с самого начала (в год вступления его на царство, после того как он разбил Мамай) Тохтамыш отправил послов не только к московскому князю, но и к другим князьям и, таким образом, установил с ними связь; их килечи, отправленные в Орду, вернулись «съ пожалованиемъ». Во время рекогносцировки, предпринятой за год до похода, местом, где остановился отряд «царевича» Акхози, послужил Нижний-Новгород. Во время похода он использовал нижегородских князей. Под Москвой они, в качестве парламентаров Тохтамыша, вступив в переговоры с осажденными, заверили их, что царь гарантирует им безопасность, если они встретят его подобающим образом. В равной мере услугу оказал Тохтамышу и князь Олег Рязанский; оц «обведе царя около всеи своей земли и указа ему броды на Оцѣ», что, однако, не спасло его землю от разорения при обратном движении Тохтамыша. Тверской князь активно Тохтамышу не помогал. Но уже во время похода он выразил полную покорность, и ему прислали «ярлики». ¹

¹ После взятия Москвы Тохтамыш хотел идти на Тверь. Но Михаил прислал к нему своего посла. Когда посол (Гурлень) прибыл, татары, «изымавъ» его, «биша». Но когда об этом узнал Тохтамыш («поставиша Гурлена предъ царемъ»), он повелел «грабежь изыскати» и отпустил его «съ жалованиемъ къ великому князю Михаилу, съ ярлики» (Тв. сб., 1382).

Удар 1382 г. был направлен именно на Москву. Покончив с Мамаем, Тохтамыш «возвестил» московскому князю «о своем пришествии на Волжское царство». Дмитрий Иванович послал послов «съ дари и съ помиыкы». Рассказывая об их возвращении, летопись не говорит, чтобы послы пришли «с ярлики», «с пожалованием». Можно думать, что речь идет о простом обмене посольствами: борьба за подчинение великого княжества Московского стояла на очереди. Из Рязанской земли войска направились через Серпухов к Москве. Чтобы так или иначе овладеть городом, проявили не мало изобретательности. Опустошению подверглись земли Московского княжества: Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Руза, Дмитров и частью территория, присоединенная к Москве: Переяславль, Волок. Ни тверские, ни нижегородские волости опустошены татарами не были. Москва подверглась страшному разорению. Город был сожжен. Имущество граждан разграблено, а население частью перебито, частью захвачено в плен: «бѣше бо дотолѣ видѣти градъ Москва великъ и чуденъ и много людей въ немъ, кипяше богатствомъ и славою, превзыде же вся грады в Русстей земли честию многою, въ немъ бо князи и свѣтителіе живѣста; въ се же время измѣнися доброта ево, и ѿтѣиде слава его, и всея чести во единомъ часѣ измѣнися». ¹

Итак, во время военных операций обнаружилась характерная для Орды политика: препятствовать процессу объединения Руси Москвою, ослаблять ее волю и внутривполитическое значение, поддерживать местный сепаратизм, противопоставляя Москве такие княжества, как Рязанское или Нижегородско-Суздальское. Из событий похода и предшествовавших походу разумеется, что она имела не только стратегическое значение. Дальнейшие события не оставляют в этом сомнения.

По смерти Дмитрия Константиновича великое княжение Нижегородско-Суздальское было им передано не Василию, а старому врагу Москвы князю Борису. Василия Тохтамыш взял к себе в Орду еще в 1382 г., возвращаясь с похода. В 1386 г. пленник бежал из Орды, но с пути его возвратили (и в Орде он принял «за то велику истому»). В этом же году в Орду ездил Борис. Посадив его на Нижегородском княжении, Тохтамыш, как и ранее, поддерживал с ним личную связь и тогда, когда внимание Тохтамыша было отвлечено внешними событиями. И даже в эти годы, когда положение Тохтамыша уже не было столь устойчивым, как прежде, он в первое время поддерживал Бориса (на Нижегородском столе) вопреки намерениям московского князя. Так, в 1388 г. Тохтамыш отпустил, наконец, на Русь томившегося в Орде Василия Суздальского, но посадил его не в Нижнем, а в Городец. ² Той же зимой произошло следующее: Василий и Семен с помощью московской рати подошли и вынудили Бориса уступить им Нижний в обмен на Горо-

¹ Никон., Рог. лл.; ср. Новг. IV, Симеон. лл., 1382,

² «и поручи ему царь, вда ему Городец».

дец. Борис поехал в Орду. В это время как раз Тохтамыш шел походом на Тимура (1389 г.). Борис догнал его в пути и 30 дней шел с ним. От Уруктапа его хан отпустил и приказал дожидаться своего возвращения в Сарае. По возвращении из похода он восстановил его в прежних правах на великом княжении Нижегородском.¹

Итак, в противовес Москве Тохтамыш выдвигал Нижегородское княжество, где держал старого врага Москвы князя Бориса. Успехи политики Тохтамыша были налицо уже во время его похода. Но политическое значение его мероприятий особенно ясно выступает в дальнейших событиях. Это же можно наблюдать и на отношениях Тохтамыша к Твери.

Тверского князя Тохтамыш, вероятно, вызвал в Орду во время похода. Михаил поехал в Орду сам. Он полагал даже, что царь, может быть, даст ему великое княжение Владимирское, и пошел «не прямыми но околицами и не путем», опасаясь и «таясь» великого князя Дмитрия Ивановича. Михаил выехал из Орды в 1383 г., но оставил в Орде сына Александра. Можно думать, что Александр удостоился большой чести: не случайно его прозвали, как видно из текста тверской летописи, «ордынцем»: за время своего пребывания в Орде (около трех лет) он успел съездить в Царьград. В 1386 г. он вернулся из Царьграда, но не сразу на Русь, а сначала в Орду, откуда прибыл в Тверь в сопровождении посла.² Без преувеличения можно сказать, что для Тверского княжества с 1382 г. начинается эпоха возрождения. Тверь вновь ожила, снова началась местная летописная работа, прерванная с 1375 г., после взятия Твери Москвою.³ «Царь волжский и всѣх орд высочайший царь», как именует Тохтамыша один из наших сводов, действительно «поустрашил» московского князя («а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея Московского, и азъ его поустрашилъ и онъ мнѣ служить правдою») и, с другой стороны, помог Твери сохранить самостоятельное по отношению к Москве положение: тверской князь договаривался впоследствии с московским князем (Василием Дмитриевичем, по смерти Донского), как с равным.

Передавали, что в Орде возникала мысль поделить великое княжение между Дмитрием Ивановичем и Михаилом Тверским.⁴ Великое княжение Владимирское поделено не было. На великого князя московского (на великое княжение и на Новгород) была наложена какая-то великая «дапь тяжкая» (повидимому, сверх обычных платежей, единовременная: пришлось «по всему княжению великому» платить «всякому безъ отъдатка, со всякые деревни

¹ Симеон., Рог., Никон., 1388—1392.

² Симеон. л., Тв. сб., Никон. л.

³ Н. А. Насонов, Летописные своды Тверского княжества (ДАН СССР, 1926). Его же, Летописные памятники Тверского княжества (ИАН СССР, 1930).

⁴ Никон., 1384.

по плътищѣ. Тогда же и златомъ даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи далъ черныи боръ»¹).

Политика Тохтамыша, как мы видели, была направлена, в сущности, против объединительных тенденций московского князя. И только тогда, когда положение самого Тохтамыша в Орде уже явно поколебалось, хану пришлось быть более уступчивым в отношении домогательств Москвы.

Легко заметить, что ослабило политическую активность Тохтамыша на Руси. Тохтамыш, поднявший руку против своего покровителя Тимура, в итоге был им разгромлен. Поход 1389 г. навлек грозу на золотоордынские владения. Тимур начал наступление. Попытки Тохтамыша склонить его к миру остались безрезультатными. Тохтамыш отступил к Волге, где потерпел полное поражение: «бысть бой царю Тохтамышу съ царемъ Аксакъ Темиремъ и побѣженъ бысть царь Тахтамышъ и воинство его многое множество избиено бысть отъ Аксакъ Темира царя». ² Неудача Тохтамыша послужила на пользу московскому князю. Великий князь Василий Дмитриевич поехал в Орду, стал домогаться расширения территории Московского княжения, и Тохтамыш уступил. С послем он выехал из Орды, с Коломны поехал на Москву, а посла с его татарским окружением и бояр отпустил в Нижний. Борис не хотел уступить своих прав на Нижний, когда татары и москвичи пришли в Нижний, но, как известно, боярин его Василий Румянец изменил ему. Вскоре в

¹ Рог., 1385 (о черном боре см. выше).

Еще ранее, когда старший сын Донского Василий после нашествия Тохтамыша поехал в Орду, царь «прия» его «въ 8000 сребра» и оставил в Орде (Новг. IV л.; ср. Рог., Симеон. лл., 1383 г.). На следующий год во Владимир приехал посол Адаш. В 1385 г. Василий из Орды бежал и в 1387 г. был доставлен на Москву. После смерти Донского (1389 г.) он ездил в Орду снова. Об отношении Москвы к Орде в счастливый период царствования Тохтамыша см. также в письме Едигея к Василию Дмитриевичу. Текст грамоты см. в С. Г. Г. и Д., II, № 15, в Никон. л. под 1409 г. и Новг. IV л. под 1403 г. (в Соф. I л. только отмечено: «присла Едигѣй свою грамоту къ великому князю на Москву»). Сравнивая текст грамоты Никон. и Новг. IV л. с текстом, напечатанным в С. Г. Г. и Д., находим, что тексты Новг. IV и Никон. лл. имели один общий протограф; так, в Никон. и Новг. IV лл. по сравнению с текстом С. Г. Г. и Д. отсутствует: 1) перечисление «старейших» бояр, 2) упоминание об «оброках» Джанибека. «Посажение» не было перенесено в Москву: Василий Дмитриевич был посажен во Владимире (послом Шихматом) в 1389 г.

² Никон., 1392; см. также Тв. сб., 1391; Шериф-ед-дин: «и у тех несчастных (бегущих) спереди оказалась река Итиль, сзади губительный мечъ» (Т и з., II, рукоп.).

Карамзин относит к этому походу известие о том, что князь Василий Дмитриевич уехал от царя Тохтамыша «за Яикъ» (V, примеч. 143). Текст Влад. Полихрона относит известие об этом к 1389 г. Так, в Новг. IV и Соф. I лл. оно стоит под 1389 г. и, следовательно, в их общем протографе; в Воскр. л. оно помещено под 1390 г., откуда, повидимому, попало в Никон. л., где помещено под 1391 г. Таким образом, его можно относить и к событиям 1389 г., что подтверждается как будто известием Шериф-ед-дина, что Тохтамыш в 1389 г. собрал войско, «состоявшее из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, (жителей) Крыма, Кафы и Азова да башкирдов и мокши» (Т и з., II, рукоп.).

Нижний прибыл и Василий Дмитриевич. Владимирский Полихрон сообщает, что великий князь Василий Дмитриевич вторично («въ другой рядъ») ходил в Орду и получил, кроме Нижнего, Муром, Мещеру и Тарусу (По Никон. л. — и Городец). Московский свод 1409 г. не упоминает об этом. Но известие о вторичной поездке великого князя в Орду подтверждается Новгородской I летописью, где читаем, что он пошел в Орду «позванъ царемъ». Судьба Нижегородско-Суздальского княжества была решена. Князь Борис, его княгиня и дети были разведены «по градомъ». Навлек на себя гнев московского князя, почувствовавшего, что руки его развязаны, и князь Василий Суздальский. Борис умер в заточении, а Василий с братом Семеном спаслись бегством в Орду, надеясь еще на помощь Тохтамыша.

Таким образом, Нижегородско-Суздальское княжество отошло во власть Москвы. Но Тверь сохраняла свою самостоятельность. И как раз к началу 90-х гг. (когда со стороны Москвы стала грозить опасность) относятся известия, свидетельствующие о том, что Тверь, получившая независимое от Москвы положение, спешит укрепить его работами по возведению новых укреплений.¹

Сокрушительный удар, нанесенный Тимуром Тохтамышу в 1395 г., на время расстроил политическое состояние Орды. Тохтамыш потерпел полное поражение. Ханом улуса Джучиева был назначен Койраджак, сын Урусхана. Тохтамыш бежал «с несколькими лицами» и «прибыл в страну Буляр в лесистую местность».² Вероятно, туда же бежал и князь суздальский Семен Дмитриевич. По сведениям нашей летописи под следующим годом, он напал во главе татарского отряда на Нижний. Узнав об этом, великий князь Василий Дмитриевич Московский не остановился перед решением организовать поход на Болгары. Испугавшись «москвичей», татары покинули Нижний. Армия под начальством Юрия Дмитриевича взяла Болгары, Казань, Жукотин и Керемянчук и, повоював «землю татарскую», возвратилась «съ многою корыстью».³

Сарай подвергся страшному разгрому (см. у Шериф-ед-дина) от войск Тимура. После 1395 г. Тохтамыш в Сарае монет не чеканил. Он чеканил их в Астрахани и в «Орду-эль-Муаззам». Судя по житию Стефана Пермского, Тохтамыш кочевал к западу от Волги.⁴ На ряду с Тохтамышем, между тем, появился другой «царь», выдвигаемый на престол Едигеем. Сражаясь на стороне Тимура в 1391 г., Едигей, после того как Тохтамыш был разбит, попросил разрешения у Тимура собрать своих людей. Получив ярлык, он собрал своих людей, но в войско Тимура не вернулся, а ушел в степь.⁵ В 1396—1397 гг. он напал на Крым и осадил

¹ Н а с о н о в А. Н., Лет. пам. Тверск. княж., стр. 752, и Никон., л., 1394.

² Шериф-ед-дин (Т и з., II, рукоп.). Буляр-Булгар: см. B r e t s c h n e i d e r, Méd. res., II, 1910, p. 81.

³ Новг. IV и Соф. I, 1395; ср. Никон., 1396; Воскр. и Никон., 1399.

⁴ В 1396 г.

⁵ Шериф-ед-дин (Т и з., II).

Кафу. ¹ Ибнарабшах говорит о 15 сражениях между Едигеем и Тохтамышем. ² Как видно, еще до поражения и бегства Тохтамыша в 1398 г., он не раз испытывал нападения со стороны Едигея. По житию Стефана Пермского, Едигей обладал «Заволжским царством»: Стефан умер «въ лѣто 6000 девятьсот 4 (т. е. — 1396 г.)... в шестое надесять лѣто владычества Тактамыша царя иже обладающею емоу Мамаевою Ордою, Заволжское царство обдержашоу второму царю, именовъ Темирькоутлоу...» ³ Так продолжалось до 1398 г., когда Тохтамыш был совершенно разбит Тимур-Кутлуком и бежал в Литву. ⁴

В эти годы, с 1395 по 1398, в Москве, повидимому, перестали считаться с Тохтамышем. Летописи не говорят о том, чтобы великий князь ездил в Орду или отпускал кого-либо из московских князей. Судя по отношениям к Орде, в последующие годы дань уплачивалась плохо или даже совсем не уплачивалась. Летописи не сообщают о том, чтобы Тохтамыш присылал на Русь в эти годы своих послов: только в 1398 г., когда казалось, что он «от съпротивныхъ освободишуся», он разослал своих послов «по всѣм странамъ»: это было незадолго до его поражения Едигеем и бегства.

Сделавшись, таким образом, хозяином Орды (ханов он сменял в Орде по своему усмотрению, о чем свидетельствуют и русские летописи), Едигей не мог помириться с теми отношениями, какие установились между Москвой и Ордой. На первых порах он ограничивался тем, что посылал в Москву посольства. ⁵ Но затем мы видим усилия верпуть Москву к тем отношениям, какие существовали в счастливый период царствования Тохтамыша; путь, по которому он шел для достижения своей цели, был именно тот, которым шел в первые годы Тохтамыш: поддерживая местный сепаратизм, он отрывал местные княжества от Москвы и тем самым ослаблял ее волю и влияние. Именно Тохтамыша брал Едигей себе за образец; недаром в своей грамоте московскому князю он вспоминал про старые времена боярина Федора Кошки, ведавшего при Тохтамыше ордынские дела. Следуя по этому пути, Едигей старался сохранить самостоятельное по отношению к Москве положение

¹ Элайни (Т и з., I, стр. 631).

² Т и з е н г а у з е н, I, стр. 470.

³ См. текст жития в изд. Археогр. ком., 1897 г., стр. 85, и в Пам. др.-р. литер., в. IV, стр. 159.

⁴ См. Тв. сб., а также Воскр. и Никон. лл. под 1398 г. Несколько ранее летопись отмечала, что он воевал «Поморския грады» (в Никон. и в Троиц. лл.).

⁵ Так, в 1403 г. «приходилъ из орды на Русь посоль, царевичъ Ентякъ, и был на Москве да изъобмльвилъ Микулу Татарина» (Воскр. л., а также и в Троицк. л.: Карамз., V, примеч. 203); в 1405 г. «приде къ Великому князю от царя Шадибека посоль, именовъ Мирза, иже бѣ казначей Царевъ (в Троицк. л.: Карамз., ibid.): присѣд «царева казначея», очевидно, был связан с требованием денег. Ср. обвинения, предъявленные Едигеем московскому князю в грамоте: «а что еси имал в твои державѣ со всего улуса з дву сохъ рубль, и то серебро где ся дѣваетъ?»

княжеств Рязанского и Тверского, а также восстановить самостоятельность Нижегородского княжения.

В 1402 г. великое княжение Рязанское по смерти отца получил в Орде князь Федор Ольгович. Вернувшись из Орды, он заключил с московским князем договор, в котором назывался «молодшим братом» московского князя. Он обязывался «не пристати къ Татаромъ ни каторою хитростью». Ему разрешалось посылать в Орду своих киличеев и принимать татарского посла, но, посылая в Орду киличеев, он должен был сообщать о том в Москву; Москву же он должен был уведомлять о том, что слышал «отъ Орды»; если же Орда «отдалится» от московского князя, он, согласно договору, должен был с московским князем «учинити по думѣ». ¹ Едигей не мог с этим помириться. Татары совершили набег на рязанские земли, может быть, даже без ведома Едигея; сам Едигей готовил некоторые шаги. В 1408 г. из Орды от Булат-Салтана приехал князь Иван Владимирович Пронский в сопровождении царева посла. Из дальнейшего выясняется, что ему дали в Орде Булат-Салтана татарский отряд. Вскоре вслед за его приездом в Пронск он напал с татарами на Федора Ольговича и прогнал с Рязани; вместе с ним был и посол. Московский князь оказал было помощь своему союзнику, но потерпел поражение. Таким образом, Федор Ольгович с Рязани был согнан, и там сел на «великом княжении Рязанском» Иван Владимирович. Спустя некоторое время, рязанские князья помирились и заняли свои отчины; Иван Владимирович ушел в Пронск. ² Понятно, что при движении Едигея на Москву (в 1408 г.) Рязань сильно пострадала.

Та же политика получила отражение и в отношениях Едигея с Тверью. В 1407 г. из Твери в Москву поехал князь Юрий Всеволодович, «ища великого княжения Тверскаго подъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ». Заметим, что Иван Михайлович был в ссоре с московским князем, о чем подробно рассказывает нам тверская летопись. С Ордою Едигея он установил связь с самого начала (в 1400 г. посылал своих киличеев). Из Москвы Юрий поехал в Орду; в Орду же поехал («на судѣх Волгою») и великий князь тверской Иван Михайлович. Когда Юрий приехал в Орду, хан отклонил его домогательства, дал ярлык на великое княжение Тверское Ивану Михайловичу и с послом отпустил в Тверь. Не задерживаясь, он поехал на родину. Между тем Юрий получил в Орде весьма решительный отпор: летопись говорит, что после суда «обиниша Юриа» и Юрий бежал в Астрахань. Иван Михайлович вернулся зимой, а весной приехал на Москву и Юрий в сопровождении татарского посла. Возвращение его на Москву с татарским послом и дальнейшие события были бы совершенно непонятны, если бы мы не знали, что происходило в это время в Орде. Как раз, когда князья поехали в Орду, там произошла «замятня

¹ С. Г. Г. и Д., I.

² Тв. сб., 1408; Воскр., Никон. лл. 1408.

велика»: Едигей согнал с престола Шадибека и посадил Булат-Салтана. Но Шадибек не перестал чеканить монету: только после 1407 г. он чеканил на Кавказе, в Дербенте (и, вероятно, в Шемахе и в Баку). К тому же из слов летописи видно, что переворот прошел не без борьбы: «и князей многихъ ординскихъ посѣкоша». ¹ Таким образом, в то время как в Орде Едигея был посажен на престол Булат-Салтан, Шадибек ускользнул на юг — вероятно, сначала в Астрахань, откуда проехал на Кавказ, где и остался. Ясно, во всяком случае, что когда князь Юрий «бежа» в «Азтороканю», он бежал именно к царю Шадибеку, надеясь от него получить права на княжение, и действительно какие-то права получил и вернулся в Москву в сопровождении посла. Дальнейшие события подтверждают это. Юрий остался в Москве, а посла (Мамант-Дербыша) отпустил в Тверь, как говорит тверская летопись, согласно распоряжению московского князя (Василия). Одна из редакций тверской летописи, повидимому свод Ивана Михайловича, передает содержание переговоров: посол сообщил, что «царь далъ Юрию Кашинъ и десять волостей Тверскихъ». ² Иван Михайлович отклонил его заявление, ссылаясь на то, что он «сам вчера отъ царя приидохъ» и что «посолъ царевъ днесъ» у него есть и «ярлыкъ царевъ данъ» ему «есть на всю землю Тверскую и сам Юрый в ярлицѣ царемъ данъ» ему; он сказал послу, что его «не послушает», пока не выяснит дела в Орде. Весьма важно, что одна из редакций тверской летописи (и, кажется, наиболее древняя) сообщает, что «посол царевъ» Юрия отъехал на Москву, «корму не взявъ, бѣ бо ему ни приказано, а Едигеева посла великий князь честивъ и отпусти». Мы видели, что в Твери был другой посол, приехавший вместе с Иваном Михайловичем. Таким образом, из текста летописи можно заключить, что посол, приехавший с Юрием, не был «Едигеевым», как по ходу событий мы и ожидали. ³

Итак, Едигей не допустил на Тверской великокняжеский стол московского союзника. Той же политики он придерживался и в отношении к Нижнему-Новгороду; только там задача была слож-

¹ Тв. сб.; Никон., л., 1407—1408.

² Тв. сб.; Моск. летописи, кажется, умалчивали или кратко упоминали о неудачных похождениях Юрия. В Троицк. л. 1409 г. упоминалось, что князь Юрий Всеволодович «тѣрскый» пришел из Орды и привел с собою на помощь посла «добиваяся Кашина, да третью часть Тѣри: князь же Иван Михайлович (не назван великим князем) не сступиися ему; они же возвратишася к царю Булатъ-Салтану: так читаем в примечаниях Карамзина (V, 213). О бегстве Юрия в Астрахань (от Едигея) в Троицк. л., повидимому, не упоминалось.

³ Юрий снова бежал в Орду, и более о нем летописи не упоминают. В Соф. II л. упомянуто, что Едигей во время похода на Москву посылал «ко князю Ивану на Тѣрь царевича Булата, да ко князю Юрию Кабердѣя» (так и в Льв. л., Этторовой рукоп.); фраза «да ко князю Юрию Кабердѣя» произошла, повидимому, от неправильного чтения фразы «да князя Ериклибердѣя», как в Воскр. л.; Ериклибердей упомянут и в другом месте Воскр. л. (при перечислении князей, а также и в Симеон. л.; в Соф. II л. он также упомянут (Ермоклиберди); Кабердея же при перечислении князей нет и в Соф. II л. Таким образом, о Юрии Всеволодовиче летописи (после известия о его отъезде в Орду в 1408 г.) более не упоминают.

нее, поскольку дело шло о восстановлении самостоятельности Нижегородского княжения. Анализ материала приводит к предположению, что Данило и Иван были посажены в Нижнем Едигеем во время его нашествия. Из рассказа о набеге царевича Талыча справедливо заключают, что Данило и Иван уже сидели в Нижнем-Новгороде. Летопись говорит, что «князь Данило Борисовичъ Нижняго Новагорода приведе къ себѣ царевича Талычу» и с ним послал своего боярина Карамышева на Владимир, т. е., как можно думать, князь уже в Нижнем видел, куда привел «къ себѣ» Талыча и откуда послал его вместе со своим боярином на Владимир. Общий протограф Симеоновской и Рогожской летописей говорит о «князяхъ новгородскихъ», т. е. нижегородских. Ежели появление Талыча последовало в июле 1410 г., т. е. вскоре после Едигеева нашествия (и в год приезда Фотия), то всего вернее думать, что сыновья Бориса Данило и Иван были посажены Едигеем во время его нашествия, когда татары занимали Нижний-Новгород и Городец. Так или иначе, если в Нижнем сели старые враги Москвы, самостоятельность Нижегородского княжения была восстановлена, хотя и не надолго. Предстоящий поход Едигея в ноябре — декабре 1408 г. на Москву держался в тайне. Еще в августе на Москву прибыло от Едигея посольство, и с Москвою сохраняли видимость дружеских отношений.¹ Отсюда понятно, что вопрос о восстановлении самостоятельности Нижегородского княжения до начала военных действий Ордою не подымался. Во время похода Едигей обратился к одному из русских князей с повелением итти на помощь против осажденного города: летопись говорит, что, стоя под Москвой, в селе Коломенском, Едигей послал к тверскому князю царевича Булата и князя Ериклибердея с повелением двигаться к нему на помощь с пушками, тюфяками и самострелами.

Итак, в своей политике Едигей шел по стопам Тохтамыша. Политика эта была направлена к тому, чтобы поддерживать местный сепаратизм, отрывать местные княжества (Рязанское, Тверское, Нижегородское) от Москвы и тем самым ослаблять ее волю и внутриполитическое значение. Но реальное соотношение сил уже было не то: поход на Москву Едигей предпринял только на 11-й год своего господства в Орде. Отношения же Москвы к Орде он получил в наследство от последних лет царствования Тохтамыша, когда с Ордой мало считались. И положение в самой Орде было не настолько устойчиво, чтобы можно было сразу решиться на поход против Москвы. Отсюда понятны неудачи Едигея. Мы видели, что Иван Владимирович добровольно уступил Рязань в обмен на Пронск. Тверской князь не оправдал надежд Едигея во время похода: он прямо не послушался Едигея, но и не пожелал быть в числе нападавших на Москву. Он сделал вид, что исполняет приказание, выступил, но «не въ мнозѣ дружинѣ» и с дороги (из Клина) вернулся. Едигей

¹ Сведения о намерениях Едигея были получены Василием Дмитриевичем Московским в ноябре (Никон., 1408—1409).

Москвы не взял. Как известно, он должен был снять осаду города, так как «скоропосольници» принесли из Орды тревожную весть: в его отсутствие Орда подверглась нападению одного из «царевичей»; пришлось удовлетвориться «окупом». Нижегородские князья, повидимому, в 1410 г. ушли в Болгары или на Мордву, откуда выходили в 1411 г. с болгарскими, жукотинскими и мордвинскими князьями. Когда в Орде утвердился Зелени-Салтап, он дал «князьям Нижнего Новгорода» ярлыки на Нижегородское княжение, и они вышли из Орды, пожалованные своей вотчиной (Никон., 1412). Московское княжение было обессилено. Значительная часть центрального района — Переяславль, Дмитров, Серпухов, Верей, а также Ростов, Нижний-Новгород и Городец — была опустошена. От Городца войска Едигея двинулись вверх по Волге, намереваясь дойти до Костромы и Вологды, и только весть из Орды помешала этому плану. Таким образом, значительная часть территории, бывшей фактически под властью Москвы, была опустошена, а оставшееся население терроризировано татарами: «овии съчахуть, овии въ плѣн ведяху и тако множество людии бесчислено изгибоша... Да аще явиться где единъ Татаринъ, то мнози наши не смѣяхоуть приблизитися ему, аще ли два или три мнози Руси, жены и дети мечоще, на бѣгъ обращахоуся... Много же плѣниша распущении Едигѣем Измаильте...»¹ Когда Фотий прибыл на Русь (1410 г.), он застал картину печального запустения (ср. его духовную: С. Г. Г. и Д., II, № 17).² Опасность опустошений и после Едигеева пашествия не миновала; мы видели, что в июле 1410 г. были опустошены г. Владимир и окрестные «села и волости». Московское княжение было обессилено, и нет ничего удивительного, что московский князь сам поехал к Зелени-Салтапу, опасаясь, кроме того, литовских интриг в Орде. И после Едигея Орда не сразу отказалась от своей старой политики. Зелени-Салтап, как мы видели, успел выдать ярлыки нижегородским князьям; он вызвал также из Твери в Орду тверского князя. Тверское княжество (шикогда не входившее в состав великого княжества Владимирского, в отличие от Нижегородского) надолго сохранило свою независимость от Москвы. Но Нижний-Новгород сохранять самостоятельное положение долго не мог. Когда в 1414—1415 гг. Поволжье охватила анархия, московский князь не замедлил очистить Нижний от своих недругов.³ Только в царствование Улу-Мухаммеда князю Даниле удалось еще раз выйти (из Орды) «великим князем» на Нижегородский стол. Орда не оставляла своих старых притязаний, но политики в прежнем смысле вести не могла, разлагаясь и вырож-

¹ См. Рог. и Симеон. лл.

² Ср. Рог. и Никон. лл. О «Едигеевом полоне» см. в догов. грамоте, пис. около 1433 г.: С. Г. Г. и Д., I, № 48.

³ Как явствует из нумизматического материала, как раз в этот год, т. е. в 817 г. гиджры, Поволжье было охвачено смутой. Так, в течение одного 817 г. в Болгарах чеканили монету, во-первых, Чокре, во-вторых — Кобяк. В Астрахани, во-первых, Чокре, во-вторых — Джеббар Берди. Монеты Сарая известны, чеканенные Чокре, но предыдущего года.

даясь сама. Разложение и вырождение Орды вносили новые черты в татарско-русские отношения, как было и ранее во второй половине XIV в., в эпоху смут в Золотой Орде, при Мамае и великом князе Дмитрие Донском. А борьба с татарами, оборона страны от нашествий монголов повлияла на ход политического развития Восточной Европы.

Итак, мы видим одну и ту же политику Орды и при Мамае, и при Тохтамыше, и при Едигее. Ее смысл сводится к борьбе против усиления Москвы. Опасность усиления Москвы выросла в эпоху смут, в момент разложения золотоордынского государства, когда началось народное движение за объединение Руси вокруг Москвы и за борьбу с татарами, но опасность усиления Москвы сознавалась Ордою и ранее: традиционная политика Орды в основе своей была выработана до эпохи смут, когда татары стали поддерживать в противовес Москве княжество Нижегородско-Суздальское. Стремление татар «уравновешивать силы князей» заметно и в отношении к Тверскому княжеству, хотя в отношении к Твери Орда соблюдала осторожность, так как недалеко было то время, когда Тверское княжество представляло собою самое сильное на Северо-востоке княжество (в начале XIV в.). Но с началом ордынских смут возникла опасность поглощения Твери Москвою, и политика Орды в отношении к Тверскому княжеству определилась с полной ясностью (Мамай). Орда ведет борьбу против объединения Руси Москвою. Она восстанавливает самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества, Тверского и Рязанского (Тохтамыш) и в дальнейшем тормозит процесс собирания власти Москвою, охраняя самостоятельность Твери, поддерживая сепаратизм Рязани (Едигей) и пытаясь восстановить самостоятельность великого княжения Нижегородского (Зелени-Салтан, Улу-Мухаммед).

* * *

Резюмируем наши наблюдения.

Появление первой военно-политической организации на Северо-востоке относится к 1257 г., оно последовало вслед за переписью и стояло в связи с общеимперскими мероприятиями, предпринятыми в царствование императора Менгу; организация эта появилась тогда, когда особенно потребовались средства «охранения» (при переписи за единицу брали не голову, а дом или семейство, подобно тому, как это было принято в Китае; причем, повидимому, принимали во внимание и имущество плательщика); на должность «даругади» в Россию был назначен сын каанского зятя (1257 г.), обязанностью которого было, как можно думать, не только наладить дело «исчисления», но и создать военно-политическую организацию: на Руси были «поставлены» баскаческие отряды, причем собственно «поставлен» был командный состав, начиная с десятника (десятники, сотники, тысячники, темники), а младший состав, как есть основания полагать, комплектовался преимущественно из тузем-

ного населения; анализ материала позволяет отождествить отмеченную в летописи (под 1257 г.) организацию (темники, тысячники) с баскачеством и тем самым установить, что охрана порядков монгольского владычества была непосредственно в руках монгольской степной аристократии. Главным баскаком был баскак владимирский, называвшийся «великим»; другие баскаки держали баскачество разных княжений. Задачей баскаческих отрядов было держать в повиновении покоренное население. В отношении сбора палогов их обязанностью было не столько сбор, сколько понуждение при сборе, поддержка сборщиков. Но собственно их назначение шире: заменять войска монгольские.

В первые десятилетия владычества мы не видим, однако, желания руководить великим княжением Владимирским или изменить «внешнюю» политику Владимирского стола. Батый даже поддерживал общерусские притязания Владимирского стола, руководясь политическими соображениями; решающее значение имело поведение соперника владимирского князя — князя черниговского: общность в тактике его по отношению к Орде с галицким князем. Опасения вторжений с запада вызвали передвижение Куремсы на запад в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в., с чем, повидимому, был связан переход окраинных районов Юго-западной Руси под непосредственную власть татар. Равным образом, в связи с западными, неприязненными Орде течениями, в Орде не могли относиться с доверием к митрополиту; а между тем особенно с 1261 г., когда Константинополь был взят Михаилом Палеологом, вопрос о сношениях хана с Византией приобретал серьезное политическое значение. В 1261 г. (1261—1262), когда Константинополь был взят Михаилом, в Сарае была учреждена с особым значением епископская кафедра: на сарайского епископа (б. переяславский) переносились те самые функции, которые лежали на митрополичьей кафедре (сношения с византийским императором и патриархом) в данных условиях (посылался, напр., от хана). Таким образом (и в силу других обстоятельств), город Киев как митрополичья резиденция в значительной мере терял свое политическое значение. И хотя мы не видим попыток со стороны Орды изменить политику Владимирского стола в первые десятилетия владычества, нашествие монголов уже в первые десятилетия произвело решительный сдвиг во внутренней жизни древней Руси. Еще в домонгольскую эпоху сложились условия, благоприятствовавшие образованию сильной княжеской власти на Северо-востоке. В XI в. на южных путях сношения с Востоком были затруднены вследствие нашествия половцев, что наряду с другими причинами ускорило рост экономического и политического значения Ростово-Суздальской земли, где шло движение на водных путях на Восток, к Каспию. На Северо-востоке создаются экономические условия, способствовавшие развитию сильной княжеской власти, претендовавшей на значение власти общерусской. Монгольское нашествие застало Россию в момент, когда шла борьба за преобладание в пределах русской равнины между Северо-восточным княжеством и Чер-

ниговским — двумя княжествами, лежавшими на территории Волжско-Окского бассейна. После татарского погрома Киев, в условиях феодальной раздробленности и в результате татарского нашествия, фактически безнадежно уходил с поля зрения Владимирского стола. Владимир хотели считать центром, столицей «Русской земли», но фактически Владимир был страшно обескровлен: ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись, кажется, такому разгрому, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. С разгромом и опустошением г. Владимира после татарского нашествия центр жизни Ростово-Суздальской земли передвинулся на север. Средоточие церковной и общественной жизни края сделался Ростов — древний вечевой центр волости. Туда, на территорию Ростовского княжества, потянулось сбитое со своих мест население. И оттуда, со стороны старого Ростова, поднялась в 60-х гг. XIII в. волна вечевых восстаний против порядков ордынского владычества.

Выступление в 1262 г. северо-восточных городов ближайшим образом было направлено против мусульман — откупщиков ордынской дани. Исследование устанавливает, что откупщики приезжали от императора монгольской империи, а не от Берке, не из «Золотой Орды». В начале 60-х гг. XIII в. в империи начались смуты, способствовавшие отделению «Золотой Орды» от империи. Если момент для восстания был благоприятен, то возможно, что сведения о прикосновенности к делу Александра Невского не лишены некоторых оснований. Известия о вечевых восстаниях 1262 г. свидетельствуют об известной согласованности в выступлении городов. Во главе вечевой организации Северо-восточного края стоял «старейший» город волости — Ростов. Естественно, что в дальнейшем Ростов играет роль очага вечевых волнений. Какие же меры принимала Золотая Орда? Прежде всего, конечно, — меры баскаческого «охранения». Географическая номенклатура края свидетельствует об усиленном баскаческом «охранении» именно на территории Ростовского княжества. Мероприятия, связанные с усилением баскаческого «охранения» в пределах Ростовского княжества, не могли, однако, сами по себе, уничтожить самый источник непокорства, коренившийся в укладе местных отношений. Выполнение такой задачи требовало проведения какой-то политической программы. Поскольку баскаки действовали совместно с князьями, надо было сделать местных князей в полной мере татарскими «служебниками»; поскольку непосредственным источником непокорства» были вечевые выступления, надо было оторвать князей от местной бытовой почвы, сблизить с Ордою и этим самым в значительной мере обезвредить эти выступления и, наконец, использовать князей для борьбы с непокорными (в основе своей прием этот не был новостью в политической практике монголов).

Важным источником для выяснения истории отношений между Ордою и ростовскими князьями служит «Житие Федора Ростиславовича Ярославского» (в редакциях Антониевой и Степенной книг),

известия которого вполне согласуются со сведениями летописных сводов, а также «Повесть об ордынском царевиче Петре».

Летописный материал совместно с указанными источниками позволяет установить, что ростовских князей ставят в Орде в совершенно исключительное положение: на них направлено усиленное внимание как раз с 60-х гг. XIII в. Вообще говоря, начиная с 60-х гг. XIII в. в Волжскую Орду из Северо-восточной России приезжали почти исключительно князья ростовские да их верный союзник князь Андрей Городецкий. Исследование обнаруживает, что отношения между Ордою и ростовскими князьями приобрели большую прочность, коренившуюся в политическом характере их содержания. Сведения о поездках в Орду и о волнениях в разных городах заставляют думать, что боярство шло в данном случае вслед за князем.

Ряд данных характеризует политику Орды и обнаруживает ее конечную цель.¹ Служба хану (о ней свидетельствовали и сами ростовские князья) выражалась не только в участии в походах вместе с татарами. Чем более ростовские «служебники» хана сближались с Ордою, тем легче и успешнее они и местное боярство могли быть у себя на родине использованы татарами в интересах ордынского владычества и в конечном счете — для борьбы с непокорными. Тяготясь своей ролью ревностных «служебников», ростовские князья были вынуждены выступать и с официальным оправданием своей деятельности (см. летописный текст), ссылаясь на защиту населения от обид и утеснений. Но уже в конце XIII в. они не смогли бы выступить и с таким оправданием своей деятельности. Когда (в конце XIII и в начале XIV в.) в Ростове и в Ростовском княжестве начались новые волнения, ростовские князья принуждены были выступить на стороне тех, кто оружием подавлял сопротивление города ордынскому владычеству в Ростовском княжестве. Политика Орды в отношении к Ростовскому княжеству была сопряжена с сознательным вмешательством монголов во внутренний политический распорядок Северо-восточного края. Оно имело существенные последствия. Во-первых, вмешательством во внутреннюю политическую жизнь Северо-восточного края Волжская Орда создала себе в северных провинциях прочную базу на территории именно Ростовского княжества и приобрела себе послушных союзников и верных вассалов в лице ростовских князей. Во-вто-

¹ Материал подтверждает, что ростовским князьям приходилось не только часто ездить в Орду, но и подолгу там оставаться; некоторые из них удостоивались при дворе хана высокой чести; их сближали с Ордою и узы родственных связей. Но если с одной стороны положение ростовских князей как «служебников» хана, в ревностной службе которых ханская ставка была весьма заинтересована, обуславливало особо внимательное отношение Орды, то, с другой стороны, то же положение ставило и определенные границы близости ростовских князей к ханскому двору; но хотя потомки царского «корени» «выше честь принимали» в Орде, тем не менее ростовские князья и сами могли (судя по тексту «жития Федора Ростиславовича»), в качестве «служебников» хана получать бояр и даже князей «на послужание».

рых, было окончательно уничтожено значение Ростова как старого вечевого центра всей Ростово-Суздальской волости и задавлена вечевая жизнь в городах Ростовского княжества. В-третьих, наконец, из Ростовского края от ордынских властей и под страхом разорения от татарских ратей, приходивших с юго-востока, население разбегалось и сбивалось на западные окраины Северо-восточной Руси. Эти новые явления русской жизни не замедлили оказать свое действие на ход ближайших событий конца XIII и начала XIV в.

Еще в 70-х гг. XIII в. в Золотой Орде стал намечаться второй наряду с Поволжьем военно-политический центр, а со смертью Менгу-Тимура (т. е. с 1280—1282 г.) в Золотой Орде прямо образовалось два военно-политических лагеря. Установившееся (до 1299 г.) в Орде двоевластие непосредственно отразилось на политических взаимоотношениях на Руси. В соответствии с двумя военно-политическими центрами в Золотой Орде, в Северо-восточной Руси образовались две взаимно враждебных политических группы.

Одна из них признавала «царем» Ногая: это князь Дмитрий Александрович Переяславский и его соратники; другая — не признавала: прочные связи по родству и «службе» сделали ростовских князей верными вассалами ханов Поволжья; вместе с Андреем Городецким они ориентировались на Волжскую Орду.

В эпоху двоевластия в Орде, в последней четверти XIII в., произошли, повидимому, некоторые изменения в организации эксплуатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время: в эпоху двоевластия великий князь владимирский начал сам собирать ордынскую дань и отвозить ее в Орду.

О баскаках в последней четверти XIII в., в годы двоевластия в Орде, в княжествах, враждебно относившихся к Волжской Орде (Тверском, Переяславском, Московском), мы сведений не имеем. В Ростовском княжестве, признававшем Волжскую Орду, баскак сидел еще (судя по летописному известию 1305 г.), в начале XIV в. К концу XIII в., в результате существования двух политических ориентаций, образовалось два враждебных лагеря: в одном (в союзе) — представители г. Переяславля, князь тверской и князь московский, в другом — князья ростовские, к которым примыкал их верный союзник князь Андрей Городецкий. Еще при жизни Ногая (на исходе XIII в.) волжский хан делал как будто попытку (не без помощи сарайского епископа) примирить первую группу с ростовской группой князей (съезд 1297 г.). С окончанием смут (около 1299 г.) и гибелью Ногая в Волжской Орде встал по новому вопрос об отношении к Твери, Москве и Переяславлю. На первых порах, ограничиваясь дипломатическими мероприятиями, волжский хан, повидимому, направляет свою политику к тому, чтобы расколоть союз Твери и Москвы, независимо настроенной по отношению к Волжской Орде; далее он ведет наступление на Тверь.

Анализ событий 1317—1318 гг. (поход Кавгадия на Тверь, убийство Михаила Тверского) показывает, что не московскому князю принадлежала инициатива наступления на Тверь. Поведение Орды в отношении к Твери вытекало из предыдущих событий (знаем, напр., что тверской князь ездил к Ногаю) и определялось тем, что Тверское княжество было самым сильным на Северо-востоке. Отсюда понятна задача ордынской политики: изолировать Тверь и сделать московского князя своим послушным орудием, что и оказывается на деле: вернувшись из Орды на великое княжение Владимирское, Юрий в своей великокняжеской деятельности действительно играет роль верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов; не без успеха на ту же роль татары выдвигают затем брата Юрия — Ивана Даниловича. Но и в отношении к Москве существуют опасения, соблюдается осторожность: по смерти Дмитрия, например, великое княжение Владимирское передается Александру (Тверскому), а после восстания в Твери и бегства Александра (1327 г.) особенное внимание обращено на князя суздальского. Как правильно отмечено Марксом, — «для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей и чтобы обеспечить за собою их рабское подчинение, монголы восстановили достоинство великого княжения (Владимирского)». ¹

С ярлыком на великое княжение Владимирское были связаны особые полномочия и особая территория. Татары принимали активное участие в образовании состава территории этого княжения и вмешивались во владельческие распорядки на Руси. Земля великого княжения Владимирского определялась известным количеством «темь» («15 темь»). В Орде опасались усиления князя, получавшего ярлык на великое княжение Владимирское. Отсюда понятны разделы земли великого княжения: первый — в 1328 и второй — в 1341 г., когда по воле хана было образовано особое великое княжение Нижегородско-Суздальское. Чрезвычайно характерно, что хан решительно воспротивился попытке московского князя вернуть под свою власть Нижний-Новгород и Городец. В Орде, передавая ярлык на «великое княжение Владимирское» московским князьям, стремились вместе с тем воспрепятствовать их усилению, и «приводить силы князей в равновесие». ²

Ранее, в XIII в., в ведении «дороги» были не только «писцы», но и «даньщики». С конца XIII в. в б. Ростово-Суздальской земле князья, сами собирая дань с помощью своих даньщиков, передавали ее в Орду через великого князя владимирского. В XIV в., с образованием великого княжения Тверского, право передавать «выход» в Орду помимо великого князя владимирского получил великий князь тверской. Вероятно, это право получили и великие князья нижегородско-суздальские с образованием великого княжения Нижегородско-Суздальского. Возможно, оно было дано и некоторым другим князьям. На исходе 30-х гг. XIV в. мы видим, что

¹ М а р к с, *op. cit.*, p. 78.

² М а р к с, *op. cit.*, p. 80.

и рязанские князья непосредственно в Орду передают выход, помимо великого князя владимирского. Теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т. е. московский князь — с «дорогой московским», тверской — с «дорогой тверским» и т. п.

Орда поддерживала в противовес Москве другие княжества, сохраняла их самостоятельность и непосредственно с ними сносились. Принимая эти меры, Орда устранила или ослабила вредные с ее точки зрения стороны великокняжеской организации.

В первой половине XIV в. баскаки на Северо-востоке исчезают совсем. Деятельностью великого князя владимирского могло в некоторой мере восполняться отсутствие баскаков. Он также оказывал в интересах Орды давление на Великий Новгород. У себя дома, в своем городе, он не выходил, повидимому, из-под наблюдения особых ордынских чиновников. Усиление Москвы стало реальной опасностью в эпоху смут в Орде, когда на Руси началось народное движение за национальное объединение и за свержение татарского ига.

Покровительствуя городской торговле, монголы Золотой Орды, однако, сами оставались кочевниками по преимуществу. «Кочевой феодализм» не нашел в себе основ для создания устойчивого государственного образования. В начале XIII в. Чингис-хан пытался приспособить протекавший тогда процесс феодализации к интересам военной империи. Но империя распалась; и правильная система вассалитета, обязанного военной службой, повидимому, со временем утратила свой первоначальный характер. Во второй половине XIV в. мы наблюдаем небывалое усиление кочевой аристократии в Золотой Орде.

Уже в событиях второй половины XIV в., предшествующих распадению Золотой Орды, первенствующую роль играют «эмиры», «ординские князья», группирующиеся вокруг того или иного хана или «сановника» и ведущие междоусобную борьбу. Эти междоусобия, предшествовавшие распадению золотоордынского государства, заметно не поколебали весьма прочно установившихся отношений зависимости Руси от ханской власти и значительно не нарушили существовавшего политического положения на русском Северо-востоке. Переломным моментом в положении «русского улуса» послужили события (в 60-х гг. XIV в.), совершенно изменившие положение Сарая, когда русский Северо-восток оказался от Сарая оторванным.

Распадение золотоордынского государства в 60-х гг. XIV в., оторванность Сарая привели к соперничеству Мамаевой Орды с Сараем за обладание «русским улусом». В этой обстановке для московского князя открылись некоторые возможности, прежде всего — привести в свою волю князей сарайской ориентации. Таким образом, вначале наступление Москвы не коснулось Твери и Рязани, ограничившись Нижегородско-Суздальским княжеством, фактически утратившим свою независимость от Москвы. Распадение золотоордын-

ского государства, бывшее налицо в 1363 г., открыло новые возможности к расширению великого княжества Литовского на юге. Я разумею, во-первых, победу Ольгерда на юге Подолии, очевидно оторвавшейся от золотоордынского центра, и, во-вторых, занятие Коршева (тоже в 1363 г.) — факт, свидетельствующий о захвате восточных окраин Черниговщины Литвою, близко подошедшей таким образом, к степям, где хозяйничала Орда (Мамай), так же оторвавшаяся от золотоордынского центра. На Северо-востоке, в условиях распада Золотой Орды, определилось отношение московского князя к земле великого княжения (Владимирского), как к своей вотчине, обнаружившееся в последующих событиях.

После того как вопрос о соперничестве Сарая с Ордою Мамай на Руси отпал, не стало условий, благоприятствующих дальнейшему собиранию власти на Руси Москвою. Само по себе собирание власти Москвою не отвечало интересам Мамай, и в дальнейшем попытки московского князя привести в свою волю Тверь и Рязань встретили с его стороны противодействие. Так, в борьбе Москвы с Тверью Мамай явно встал на сторону последней. Не изменил своей политики Мамай и тогда, когда в Орде начались новые неурядицы, позволившие московскому князю пойти на «размирье» с Мамаем и подчинить своей власти Болгары. На Руси началось народное движение за объединение страны и за борьбу с татарами. По свидетельству тверской летописи, население «городов» великого княжения Владимирского шло за Москвою. Не имея достаточно сил (представление о том, что Мамай в годы, предшествовавшие Куликовской битве, выводил Орду из смуты, — совершенно ложно) привести московского князя к покорности, Мамай все же не оставался пассивным зрителем того, что происходило на Руси, и не изменил своей политики вплоть до событий, связанных с Куликовской битвой.

Смута в Орде окончилась с появлением Тохтамыша, во «власть и господство» которого «благодаря распоряжению» Тимура перешел «весь улус Джучиев». Москва приведена была к покорности. Но уже прежний характер господства вернуться не мог. На великокняжескую территорию прочно установился взгляд, как на наследственное владение московских князей, и великокняжеская деятельность утратила свое прежнее значение, связанное с великокняжеским ярлыком и особым положением земли великого княжения. В равной мере окончательно решена была участь некоторых князей в смысле личной их зависимости от московского князя.

Эпоха Тохтамыша и его ближайших преемников была эпохой, когда Орда напрягала последние силы, чтобы удержать свое господство над Русью не номинально, но фактически; путь к этому представлялся один: препятствовать процессу объединения Руси Москвою, ослаблять ее волю и внутривнутриполитическое значение, поддерживать местный сепаратизм, противопоставляя Москве княжества Тверское, Рязанское, Нижегородско-Суздальское. Эта поли-

тика не была новой. Опасность усиления Москвы выросла в эпоху смут, в момент разложения золотоордынского государства. Но она создавалась Ордою и ранее: эта политика в основе своей была выработана до эпохи смут (великое княжество Нижегородско-Суздальское было в значительной степени обязано, как мы видели, своим существованием хану). В отношении к Тверскому княжеству тогда еще политика Орды носила двойственный характер, так как недалеко было то время, когда Тверское княжество представляло собою самое сильное на Северо-востоке княжество (в начале XIV в.). Но с началом ордынских смут, когда возникла опасность поглощения Твери Москвою, политика Орды в отношении к Твери определилась с полной ясностью (Мамай). Орда ведет борьбу против объединения Руси Москвою. Она восстанавливает самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества, Тверского и Рязанского (Тохтамыш) и в дальнейшем тормозит процесс собирания власти Москвою, охраняя самостоятельность Твери, поддерживая сепаратизм Рязани (Едигей) и пытаясь восстановить самостоятельность великого княжения Нижегородского (Зелени-Салтан, Улу-Мухаммед).

Итак, исследование позволяет установить факт и методы татарской политики на Руси на протяжении более полутора столетий. В течение всего этого времени татары стремились направлять внутриполитические отношения в завоеванной стране в интересах своего господства. Исследование обнаруживает, что татары не были политически пассивными завоевателями, и, выясняя в исторической перспективе методы их политики, заставляет признать факт значительного воздействия на ход развития нашей родины татар-завоевателей, создавших в Восточной Европе государственное образование, опиравшееся на феодально-родовую (кочевую) знать. Приходится признать, что татары вели активную политику, основная линия которой выражалась в стремлении поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп — княжеств и тем препятствовать политической концентрации на Руси.

С упадком Золотой Орды в период смут в XIV и в первой половине XV в. появляются новые черты в русско-татарских отношениях, оказавших большое влияние на ход политического развития Восточной Европы. Политика Орды на Руси теряет направляющую силу, а нашествия монголов встречают отпор и вызывают открытое противодействие. Интересы обороны Руси от нашествия монголов требуют образования централизованного государства, способного противостоять нашествиям и разделаться с остатками ига татар.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ¹ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты исторические, 1, СПб., 1841.
- Акты, относящиеся до юридического быта древней России, I, 1857.
- Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I—V, 1846—1853.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Росс. империи археогр. экспедицией имп. Акад. Наук, I, СПб., 1836.
- Алфавитный список насел. мест Ковенской губ., изд. Ковенск. губ. стат. ком. Ковно, 1903.
- Антонович Б. Очерк истории вел. княжества Литовского. Монографии, т. I, Киев, 1885.
- Архангелогородская летопись. См. Летописец.
- Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб., 1885.
- Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886.
- Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865.
- Бартольд В. В. Улугбек и его время. Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 5, 1918.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.
- Бартольд В. В. Образование империи Чингис-хана. Записки Вост. отд. русск. археол. общ., т. X, 1897.
- Беляев И. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
- Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках. Архив истор.-юрид. сведений, изд. Н. Калачевым, кн. I. М., 1850.
- Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.
- Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. VIII, 1864.
- Бичурин. См. Иакинф.
- Борзакровский В. История Тверского княжества, СПб., 1876.
- Брун. Черноморье, I, Одесса, 1879.
- Буслаев Ф. И. Русская народная поэзия, СПб., 1861.
- Буслаев Ф. И. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861.
- Валуев Д. О местничестве. Симбирский сборник. М., 1844.
- Васильевский В. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Суроожского. Летоп. зап. Археогр. ком., в. IX, СПб., 1893.
- Великие Четии Минеи. Памятники славянорусской письменности. Изд. Археогр. комиссии.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863.

¹ В список не входят неопубликованные источники, цитированные в настоящей книге.

- Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 6, П-д, 1922.
- Веселовский Н. И. Заметки по истории Золотой Орды. Известия отд. русск. яз. и слов. Акад. 1916, т. XXI, кн. 1.
- Веселовский С. Б. Сошное письмо II, М., 1916.
- Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории, в Отчете СПб. унив. за 1910 г.
- Владимирцов В. Я. Общественный строй монголов, монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Герберштейн. Записки о московитских делах, пер. Малеева. СПб., 1908.
- Голубинский. История русской церкви, т. II, пол. I, П. М., 1900.
- Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.
- Гошкевич. Полный список населенных мест Виленской губ. Вильно, 1905.
- Григора Никифор. Римская история, т. I. СПб., 1862.
- Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Сборн. «Россия и Азия», СПб., 1876.
- Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая. Зап. Арх.-нум. общ., т. II, СПб., 1850.
- Грушевский М. Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891.
- Грушевский М. История Украины — Руси, III, 1905.
- Грушевский М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи, 1901.
- Дашкевич Н. Новейшие домыслы о Болохове и болоховцах. Унив. известия, № 6, 1884.
- Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев; 1885, оттиск из Унив. известий.
- Дашкевич Н. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Юго-Западной Руси с католичеством. Унив. известия, № 8, Киев, 1884.
- Дополнения к Актам историческим, I, СПб., 1846.
- Дьяконов М. А. Посильность обложения. Русск. истор. журнал, кн. 1—2, 1917.
- Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895.
- Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Росс. империи, II, СПб., 1892.
- Зотов Г. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Летоп. зап. Археогр. ком., в. IX, СПб., 1893.
- Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Иванов А. И. Походы монголов на Россию по офиц. китайской истории Юань-ши. Зап. разр. военн. археол. и археогр. русск. военно-истор. общ., т. III. П., 1914.
- Иванов А. И. История монголов (Юань-ши), об асах-аланах. Христианский Восток, т. II, в. III. СПб., 1914.
- Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908.
- Иловайский. История Рязанского княжества. Сочинения, 1884.
- Карамзин. История государства Российского, изд. Эйнерлинга, 1842.
- Карпини Плато. История монголов, пер. Малеева. СПб., 1911.
- Кафаров Палладий. См. Старинное монгольское сказание о Чингисхане.
- Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844.
- Ключевский В. О. Боярская дума. СПб., 1919.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как историч. источник. М., 1871.
- Кобеко Д. Где находился город Бездеж. Журн. мин. нар. просв., ноябрь, 1892.
- Книга Степенная царского родословия. См. Летописи.
- Коркунов Н. А. Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким., Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. V, в. VII. СПб., 1857.
- Красносельцев Н. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань, 1872.

- Крылов А. Населенные места Подольской губ. Каменец-Подольск, 1905.
- Кротков А. А. К вопросу о северо-восточных улусах вологодского ханства. Баку, 1928.
- Кротков А. А. Никольский и Керенскийклады джучидских монет в Трудах Саратов. учен. археогр. ком., 1915, в. 32.
- Лаппо-Данилевский А. С. Очерки русской дипломатики частных актов, Архивные курсы. II, 1929.
- Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 до 7106 г. М., 1819.
- Летописи, изданные Археогр. ком. в серии ПСРЛ.
- Линиченко. Замечания на статью Режабка в сборн. «Болеслав-Юрий II», изд. Акад. Наук, 1907.
- Лихачев П. Н. Два митрополита. СПб., 1913.
- Любавский М. Очерк истории Литовско-Русского государства, 1915.
- Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, 1893.
- Любавский М. Образование основной государственной территории великорусской народности, Л. 1929 г.
- Лэн-Пуль Стенли. Мусульманские династии, пер. с прим. и дополн. В. Бартольда. СПб., 1899.
- Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886.
- Ма́ксика В. Житие Александра Невского. Пам. др. письм. и искусств. СЛШ, 1913.
- Маркевич А. О местничестве. Киев, 1879.
- Маркевич А. История местничества. Одесса, 1888.
- Марков А. К. О монетах хана Ногай. Труды Моск. нумизм. общ., т. III, 1905.
- Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, литогр. изд.
- Михалов Литвин. О нравах татар, литовцев и московитян. Архив истор.-юрид. сведений, относящ. до России, кн. 2, ч. 2. М., 1854.
- Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885.
- Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле в XII и перв. пол. XIII в. Века, I, 1924.
- Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Изв. Акад. Наук СССР, 1929.
- Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества. ДАН-В, 1926, ноябрь — декабрь.
- Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в., 1853.
- Неволин К. А. Об успехах госуд. межевания в России до императр. Екатерины II, Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1859.
- Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. Тр. Моск. нумизм. общ., т. III, М., 1905.
- Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Русск. истор. библи., VI, СПб., 1908.
- Патканов К. П. История монголов по армянским источникам, в. II. СПб., 1874.
- Патканов К. П. История монголов инока Магакии, XIII в. СПб., 1871.
- Пахимер Георгий. История Михаила и Андроника Палеологов. СПб., 1862.
- Писцовые книги XVI в. Писцовые книги Московского государства, ч. I. СПб., 1877.
- Петрунь Ф. Ханські ярлики на Українській землі. Східній світ, №2, 1928.
- Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозькодністрянського степу. Східній світ, № 6, 1928.
- Петрунь Ф. Степове Побужжя... Журн. научно-исслед. кафедр в Одессе, т. II, 1926.
- Повесть об ордынском царевиче Петре. Православный собеседник, 1859, ч. I.
- Покровский М. Н. Русская история. т. I.
- Пресняков А. Образование великорусского государства. П-д, 1918.

- Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам, 1916.
- Приселков М. Д. «Летописец» 1305 г. Вена, I, 1924.
- Приселков М. Д. и Фасмер М. Р. Орывки В. И. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. П-д, 1916, ИОЯРС, т. XXI.
- Родословная книга. Временник Моск. общ. ист. и др. рос., кн. IX. М., 1851.
- Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. Малеина, 1911.
- Русско-Ливонские акты. СПб., 1868.
- Рязановский И. Монгольское право. Харбин, 1931.
- Савельев. Монеты Джучидов. СПб., 1857/58.
- Сахаров Н. Сказания русского народа, т. II, 1849.
- Сборник Кириш Данилова, изд. под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901.
- Семенов П. Географическо-статистический словарь Росс. империи, т. I—V. СПб., 1863—1885.
- Сергеевич. Древности русского права, 1911.
- Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, Чт. Общ. ист. и др. рос., 1915, кн. 3.
- Середонин С. М. Историческая география. П-д, 1916.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство. СПб., 1887.
- Смирнов М. И. Статья О князьях мещерских XIII—XV вв. с критич. замечаниями А. Черепнина в Трудах Ряз. учен. арх. ком. за 1903 г., т. XVIII, в. 2.
- Снегирев. Москва, изд. Мартынова, т. I, 1865.
- Собр. гос. грамот и договоров, т. I и II.
- Соловьев С. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.
- Соловьев С. История России, изд. Общ. польза.
- Список насел. мест Витебской губ., изд. губ. стат. ком., Витебск, 1906.
- Список насел. мест Новгородской губ., Новгород, 1912.
- Списки насел. мест Росс. империи, сост. и изд. Центр. стат. ком. мин. вн. дел.
- Спицын. Татарские байсы. Изв. Археогр. ком., в. 29.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря для древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, 1912.
- Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1882.
- Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879.
- Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1936.
- Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перев. арх. Палладия. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV. СПб., 1866.
- Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей рос. церкви. СПб., 1877.
- Тарновский И. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси, в II. Киев, 1876.
- Татищев. История Российская с самых древнейших времен..., М.; III, 1774.
- Терещенко. Быт русского народа, ч. I. СПб., 1848.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I. СПб., 1884.
- Тихомиров Н. Галицкая митрополия. СПб., 1896.
- Указатель населенных мест Гродненской губ., изд. Гродн. стат. ком.
- Флевич. Борьба Польши и Литвы — Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890.
- Френ. Монеты ханов улуса Джучиева. СПб., 1832.
- Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего-Новгорода, ч. I. Нижний-Новгород, 1857.
- Хронограф ред. 1512 г. (см. Летописи).
- Чечулин Н. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. Библиограф, 1889, № 2.
- Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

- Шахматов А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исслед. по русск. языку, I СПб., 1895.
- Шахматов А. С. М. Середонин. Историческая география. Русск. истор. журнал, кн. 1—2, 1917.
- Шахматов А. Отрывы о соч. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Отч. о прис. XII прем. митр. Макария. СПб., 1910.
- Щербатов. История Российская с древнейших времен, т. II. СПб., 1805.
- Юань-чао-би-ши. См. Старинное монгольское сказание о Чингисхане.
- Экземплярский А. В. Великие удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I—II, 1889—1891.
- Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I.
- Aboul-Ghâsi. Histoire des Mongols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. II, traduction, St.-Pet., 1874.
- Analecta Franciscana, III, 1897.
- Barthold W. Berke. Encyclopaedie des Islâm.
- Barthold W. Batu-khan. Encyclopaedie des Islâm, t. I.
- Bloch et. Introduction à l'Histoire des Mongols. 1910.
- Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources, v. II, London, 1910.
- Brosset M. Histoire de la Géorgie, p. I, l. 2, 1850.
- Civezza M. de. Histoire universelle des missions franciscaines, trad. de l'italien... par le P. Victor-Bernardin de Rouen. Paris, 1898—1899, t. I, Asie: Tartarie (Grande Tartarie, Chine, Perse, Indes, Paptchak, Thibet, Turkestan), 1898
- Cordier. Histoire générale de Chine, II, 1920.
- Dlugoss I. Historia Polonica, Dobromili, 1615.
- Deveria M. G. Notes d'épigraphie mongole-chinoise. Paris, 1897.
- Erben C. J. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, p. I, 1855.
- Gaubil. Histoire de Gentschiscan et de toute la dynastie .. tirée de l'histoire chinoise. Paris, MDCCXXXIX.
- Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient, t. II. Paris, 1929.
- Grousset R. Histoire de l'Asie. Paris, 1922.
- Histoire de la Sioumie par Stephanos Orbélian, trad. par M. Brosset, I, S.-P., 1864.
- Monumenta russiae Monumenta, t. I. изд. А. И. Тургенева. СПб., 1841.
- Hammer-Purgstall. Geschichte der Gold. Horde. Pesth, 1840.
- Hammer-Purgstall. Geschichte der Ilchane, II, Darmstadt, 1842.
- Hormayr, Die goldene Chronik von Hohenschwangan, München, 1842.
- Howarth H. History of the Mongols, I, London, 1876.
- Jule. The dook of ser. Marco Polo, ed. by Cordier, v. I—II, London, 1903.
- Kotwicz W. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-siècle. Varsovie, 1933.
- Mailla. Histoire générale de la Chine du annales de cet empire, traduites du tong-kieng-kang-mou, t. IX, Paris, MDCLXXXIX.
- Marx K. Secret Diplomatic History of Eighteenth Century, edit. by Eleonor Marx, London, 1899.
- Mathei Parisiensis Chronica maiora, M. G., S. t. XXVIII.
- Monumenta Poloniae historica, I—IV, Lemberg, 1864—1887.
- Nasonov A. F. Ballod, *Приволжские Помпеи, 1923*. Ders. *Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды, 1923*. Zeitschr. f. slavische Philologie, B. V, H. 3/4, 1929.
- Norden W. Das Papstum und Byzanz. Berlin, 1903.
- D'Ohsson. Histoire des mongols, II—III, 1834.
- Pachymeres G. De Michaele... recogn. Imm. Bekkerus, v. I, Bonnae, 1835.
- Pelliot P. Les Mongols et la papauté. Paris, 1923, extrait de la Revue de l'Orient chrétien, 3 ser., t. III, № 1, 2. Paris, 1923.
- Pelliot P. Mongols et papes aux XIII—XIV siècles. Paris, 1922.

- Quatremère E. Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-ed-din, Collection orientale, t. 1, Paris, 1836.
- Raynaldo Od. Annales ecclesiastici... Lucae, 1747—56.
- Strakosch-Grassman G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893.
- Wolff D. Geschichte der Mongolen oder Tataren, Breslau, 1872.
- Zambaur E. de. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'Histoire de l'Islâm. Hannover, 1927.

Примечание. На стр. 75, на карте, от Москвы до Можайска провести линию пунктиром.

ТЕЗИСЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ А. Н. НАСОНОВА «МОНГОЛЫ И РУСЬ»

1. На протяжении более полутора столетия татары проводили активную политику на Руси, стремясь воздействовать на ее внутреннюю жизнь, в связи с политическим положением завоеванной страны, в интересах своего господства.

2. Исследование позволяет отождествить отмеченную в летописи под 1257 г. организацию с баскачеством и установить, что появление постоянной военно-политической организации на русском Северо-востоке относится к этому году.

3. Мероприятия по организации сбора татарских податей на Руси в конце 50-х и в начале 60-х гг. XIII в. (вероятно и ранее) проводились, насколько можно судить по имеющимся данным, из Монголии, а не из удела Джучидов, признаки самостоятельности которого появляются не ранее 60-х гг. XIII в.¹

4. Насильственная смерть Михаила Черниговского в Орде была вызвана мотивами политического характера, являясь вместе с тем заключительным актом в длительной борьбе владимирского стола с черниговским.

5. Учреждение епископской кафедры в Сарае было вызвано недоверием к деятельности митрополита и связано с задачами внешней политики Золотой Орды и восстановлением старой ромейской империи в 1261 г.

6. Исследование вскрывает политику (Орды) в б. Ростовском княжестве, направление которой объясняется значением Ростова, как очага вечевых восстаний против порядков татарского владычества.

7. Образование двух военно-политических центров в Золотой Орде в последней четверти XIII в. привело к образованию двух взаимно-враждебных политических групп на Руси.

В эпоху двоевластия в Золотой Орде произошли, повидимому, некоторые изменения в организации эксплуатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации этого дела в последующее время.

В первой трети XIV в. Волжская Орда проводит на Руси политику в отношении к Твери и Москве, определяющуюся поведением тверского князя при Ногае, соотношением сил на русском Северо-востоке и тенденцией, обнаруженной Ордою, обратить великого князя владимирского в орудие своего господства.

8. С ярлыком на великое княжение владимирское были связаны известная территория и полномочия (в отношениях с другими князьями), содержание которых при Узбеке и Джанибеке в значительной мере определялось задачами татарской политики. Татары оказывали воздействие на ход образования территории великого княжения владимирского, что видно из судьбы Переяславля, Нижнего Новгорода и Городца. Татары дважды производили раздел великокняжеской территории. Политика Орды в эту эпоху на Руси (между прочим — в деле организации сбора дани) не была направ-

¹ При переписи за единицу брали не голову, а дом или семейство, подобно тому, как это было принято в Китае.

влена к усилению князя, державшего «великое княжение владимирское», а к тому, чтобы уравновешивать силы.

В течение первой половины XIV в. ход отношений не свидетельствовал о том, что иго слабело.

9. Смуты в Золотой Орде во второй половине XIV в. и распадение золотоордынского государства позволили начать открытую борьбу с татарами, а задачи борьбы дали толчок к сплочению Руси вокруг Москвы. Одновременно великокняжеская территория была присоединена к отчинным владениям московских князей.

Политика Мамаю и, равным образом, впоследствии, политика Тохтамыша и его ближайших преемников определялась стремлением бороться с усилением Москвы в процессе консолидации Руси и противопоставлять Москве другие княжества.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абана, сын Хулагу, ильхан 41, 44, 99
 Абдеррезак 120
 Абдуллах, царь (хан) 123, 124, 125, 126, 130
 Абдуля, см. Абдуллах.
 Абдур-Рахман 11
 Абулгази 50
 Абусаид 87, 106
 Абу-Сеид, ильхан см. Абусаид.
 Аваг, грузинский князь 55, 59, 63
 Агабек хан 133
 Агафия, княгиня, жена Московского князя Юрия, до крещения Кончака 83
 Адаш, посол ордынский 138
 Авзяк, см. Узбек
 Азис, царь (хан) 125, 126
 Айдар, князь татарский, зять вел. баскака Амрагана 20, 21
 Айбек хан, см. Агабек хан 133
 Акинф, боярин тверской 81
 Аксак-Темир, см. Тимур 138
 Акхозя, царевич 135
 Александр Невский, Ярославич, вел. кн. 7, 22, 32, 33, 34, 39, 47, 52, 53, 55, 59, 147
 Александр Михайлович, вел. кн. Тверской 86, 90, 91, 92, 93, 99, 100, 101, 102, 110, 113, 118, 150
 Александр Васильевич, суздальский князь 92, 96, 97, 100, 106
 Александр Глебович, князь смоленский 112
 Александр, князь Новосильский 90
 Александр Михайлович, князь Пронский 104
 Александр, князь 81
 Александр Михайлович, Ордынец 137
 Александр, венгерский королевич 10
 Александр до крещения Алекса, см. князь Алекса 29
 Алекса Неврой (Олекса), посол татарский 79
 Алекса, князь, старший сын Мансур Киата 29
 Алексей, митрополит 47, 95, 102, 110, 118, 123, 126, 130
 Албуга 110
 Алгу 51
 Алгу(й) сын Менгу-Тимура 70
 Алтанцибей, посол ордынский 121
 Алчедай 721
 Алынъ (Алын) 72, 73.
 Аминь, московский киличей 120
 Амраган, баскак великий владимирский 20
 Агафия, княгиня Юрьева, она же Кончака 84
 Амурат 120, 123, 124, 125, 126
 Андрей Боголюбский, кн. 100
 Андрей Александрович Городецкий, вел. князь, 59, 60, 62, 64, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 93, 95, 126, 148, 149
 Андрей Константинович, кн. Суздальский 98, 119, 121
 Андрей Федорович, князь ростовский 106, 108
 Андрей Мстиславович, кн. Черниговский 27
 Андрей Ярославович, вел. князь 22, 33, 40, 59
 Андрей, владыко 89
 Андрей (о.) 11
 Андреевы бояре 67
 Антонович Б. 112, 127
 Ануфрий, пустынный 64
 Аппак, крымский посол 110
 Арабшах 132, 133
 Арапша, царевич, см. Арабшах 132
 Аратехозя, князь ордынский 119
 Арачий, посол 82
 Аргун, правитель Ирана 13
 Ардемелик, царь (хан), см. Орду-Мелик 119
 Арибуга 51
 Асан (Осан), посол от царицы 126
 Асан (Гасан), кн. ордынский 126, 132

- Афанасий, кн., сын кн. Юрия 82, 83, 89, 126
- Афанасий, сарайский епископ 95
- Ахама, Ахмет 11
- Ахмат, баскак 17, 20, 21, 65, 70, 71
- Ахмат, посол татарский 103, 104
- Ахмиявда 124
- Ахмул, см. Ахмыл, посол 107
- Ахмыл, посол 62, 86, 90, 107, 108, 110
- Ачихожа, ордынский посол Мамая 126, 133
- Батый (Бату хан) 9, 10, 11, 12, 13, 14, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 50, 51, 70, 120, 146
- Бартольд, В. В. 9, 10, 29, 32, 36, 50, 98
- Баян 53
- Баялунь, ханша Узбека 87, 89
- Бейбарс 42, 50, 69, 75, 78
- Бела (чех Hungarie) 38
- Беляев, И. Д. 5, 13, 21
- Бенакити 70, 74, 119
- Бенедикт XII, папа римский 35
- Бенешевич, В. И. 101
- Березин 21
- Бердибек хан 117, 118, 121, 124
- Берке, см. Бицик-Берке
- Берке — хан (Беркай) 10, 13, 30, 41, 42, 43, 50, 51, 55, 72, 120, 147
- Бернардан (Bernardin de Rouen Victor) 88
- Бестужев-Рюмин 40
- Билькджи 70
- Бицик-Берке 13, 14
- Блоше (Blochet, E.) 42, 51
- Болеслав-Юрий 35, 112
- Борис Андреевич, князь 95
- Борис Василькович, ростовский кн. 10, 22, 59, 61, 65, 66
- Борис Данилович, кн. брат Москов. Юрия 81, 85, 95
- Борис Дмитриевич, кн. Галицкий 121
- Борис Константинович, кн. Нижегород.-Суздальский 126, 136, 137, 138, 139
- Борис Межебожский, боярин 26
- Бретшнейдер (Bretschneider) 13, 55
- Броссе (Brosset, M.) 13, 31, 32, 99
- Брун 124
- Бруно, епископ гр. Шауенбурга 38
- Булат Салтан 141, 142
- Булат, царевич ордынский 142, 143
- Булат Темир, кн. ордынский 122, 126
- Буслаев Ф. И. 67, 77
- Бури, внук Джагатая 29
- Буранда, военачальник 34, 35, 110
- Вальдемар (Waldemar, rex Dacie) 38
- Валуев Д. 65, 113
- Вардан 55
- Вассаф 10, 32, 87, 119
- Василий, владыка 48
- Василий, сын Алекс. Невского, князь Новгородский 22
- Василий Александрович, кн. 73
- Василий, сын Александр Глебович, князь Брянский 112
- Василий Васильевич, Московский князь 10
- Василий Всеволодович, князь 10
- Василий Дмитриевич, московский кн. 125, 135, 137, 138, 139, 142, 143
- Василий Дмитриевич, князь Городецкий 136, 139
- Василий Константинович, князь 67
- Василий, кн. Костромской 39
- Василий Михайлович, кн. Кашинский 103, 104
- Василий, кн. Тверской 100, 120
- Василий Ярославович, кн. 21, 114, 115
- Василий, кн. Ярославский 102, 105
- Василько, кн. брат Даниила Галицкого 24, 26, 40, 110
- Василько Константинович, кн. 35, 54
- Василий Иванович, сын тысяцкого 133
- Василий Румянец, боярин нижегородский 138
- Ватац 44
- Владимир Андреевич, кн. 129, 130, 131
- Владимир Василькович, кн. Влад. Волынский 110
- Владимир Константинович, кн. 10, 37
- Владимир Рюрикович, кн. 7
- Владимир Юрьевич, кн. 35
- Владимир Мономах, киевский вел. кн. 49
- Владимир, кн. Пронский 131
- Всеволод, вел. князь 6, 49
- Всеволод Александрович, кн. Холмский 103
- Всеволод Юрьевич, кн. 35, 36
- Вельяминов-Зернов, В. В. 29
- Вельбласмыш 60
- Вердеревские, дворяне 131
- Веселовский, Н. И. 13, 41, 43, 69, 76, 77, 91, 110
- Веселовский, С. Б. 16
- Витовт 28, 29
- Владимирцов, Б. Я. 16, 117
- Волин, С. 9

- Вольф (Wolff) 16, 33, 40, 54, 55, 67
- Газан, ильхан 14, 75
- Гаклюйт 110
- Гаммер Пургсталь (Hammer Purgstall) 13, 14, 17
- Гаянчар, татарин 86, 89
- Гедимин, литовский князь 102, 106, 112, 127, 128
- Георгий Амастридский 41
- Герберштейн 96, 109, 110
- Гетум, армянский царь, 10, 31
- Глеб Василькович, кн. Ростовский 30, 59, 60, 61, 62, 64, 66
- Глеб Ростиславович, кн. Смоленский 17, 28, 112
- Глинские 29
- Гобиль (Gaubil) 11, 51, 105
- Голубинский 17, 18, 112
- Говорс (Howorth, H.) 51
- Гормаер (Hormayr) 25
- Гошкевич 25
- Григора Никифор (Gregoras Nicephorus) 42, 46, 103
- Григорьев, В. В. 10, 45, 122
- Грушевский М. 23, 24, 34, 48, 127
- Гресе (Grousset, R.) 32, 51
- Гуюк-каан 10, 11, 12, 26, 29, 30, 31, 32, 33
- Гурлень, посол ордынский 135
- Гыяседдин 47
- Гюрги, см. Юрий, вел. кн. 85
- Данилов Кирша 16, 54, 91
- Даниил Галицкий, кн. 12, 23, 24, 25, 26, 27, 33, 40
- Данило Александрович, кн. московский 71, 73, 74, 76, 80, 95
- Данило Борисович, кн. нижегородский 143, 144
- Даниил Заточник 7
- Даниловна, дочь кн. Даниила, жена Андрея Ярославича 39
- Дашкевич Н. 25, 26, 33, 40, 127
- Девериа (Deveria, M. G.) 105
- Давид, кн. сын Федора Ростиславовича и дочери хана 61
- Давид, сын царицы Рузудан 31
- Джагадай, брат Угедая 29
- Джанибек, 63, 100, 102, 106, 109, 112, 117, 118, 119, 120, 133, 138
- Джеббар Берди 144
- Джувеини (Djouveini) 12, 15, 20, 22, 29, 32, 120
- Джучи, отец Батяя 9, 10, 29, 50, 53, 82, 122
- Джучиды 10, 122
- Дложевский С. 25
- Длугош 40, 109
- Дмитрей, татарский кн. 127
- Дмитрий, тысяцкий 23
- Дмитрий Александрович, кн. переяславский 39, 53, 64, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 93, 115
- Дмитрий Константинович, кн. суздальский 63, 120, 121, 122, 125, 126, 132, 135
- Дмитрий Романович, кн. Брянский 112
- Дмитрий, кн. Стародубский 106
- Дмитрий Михайлович, кн. Тверской 82, 84, 90
- Дмитрий Михайлович, кн. Волынский 132
- Дмитрий Борисович, кн. Угличский и Ростовский 56, 60, 66, 67, 75, 76
- Дмитрий Борисович, кн. Галицкий 108, 121, 125
- Дмитрий Иванович Донской, кн. Московский, 57, 78, 86, 95, 105, 106, 108, 109, 110, 118, 120, 121, 123, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 138, 144
- Доссон (D'Ohsson) 11, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 29, 31, 36, 51, 54, 99, 105, 109
- Дубровский 95
- Дудко, дьякон тверяк 91
- Дьяконов, М. А. 16, 100
- Дюдень, 61, 67, 75, 76
- Кабердей, см. Ериклибердей 142
- Кавгадый 72, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 93, 91
- Каганбек 133
- Каирбек, посол ордынский 121
- Калавун, султан египетский 69
- Калантай, татарин 112
- Калачев Н. 21
- Калин царь (былина) 54
- Калита, см. кн. Иван Данилович 106
- Каменский 11
- Капытагай, татарин 129
- Карамзин, М. Н. 3, 52, 64, 91, 105, 109, 112, 118, 120, 138, 142
- Карамышев, боярин 143
- Карихан 133
- Карпини Плано 9, 11, 12, 14, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 52, 110
- Карпов, проф. 43, 44
- Катремер (Quatremère) 10, 13
- Картан, зять Батяя 26
- Касим 29
- Касачик [Кацик (?)] 13
- Кацик, см. Касачик
- Кильдибек, царь ордынский 120, 122, 123, 125
- Кирилл, митрополит 33, 38, 39, 40, 41, 45, 46, 47

- Кириша Данилов, см. Данилов
 Киссель Ф. 37, 67, 68
 Китат, сын императора 19
 Климент XIII, папа римский 37
 Ключевский В. О. 5, 40, 60, 62, 63, 83, 88, 107, 108
 Кобеко, Д. Ф. 103, 120, 124
 Кобяк 144
 Кога, посол татарский 109, 118, 119
 Койраджак, 139
 Константин Всеволодович, князь 6, 58
 Константин Борисович, ростовский князь, 60, 62, 64, 71, 72, 75, 76
 Константин Васильевич, князь Ростовский 102, 108, 109, 119
 Константин Васильевич, кн. Суздальский и Нижегородский 97, 101, 102, 121
 Константин, кн. Белозерский 106
 Константин, князь сын Глеба 64
 Константин, кн. сын Олега Рязанского 31
 Константин Михайлович, князь Тверской 85, 87, 95, 100, 102, 103
 Конча, посол 67, 94
 Кончака (Кончава) сестра Узбена, жена Юрия, во крещении Агафья 83, 84, 85, 89
 Корач (Карач) татарин 129
 Кордие (Cordier) 32, 51, 104
 Коренца, см. Куремса
 Коркунов, Н. А. 63
 Коротопол, кн. Рязанский 112
 Костомаров 5
 Котвич В. Л. (Kotwicz) 80
 Котья 33
 Красносельцев Н. 44
 Кротков А. А. 122, 123, 127
 Крылов, А. 12
 Куган или Туган 120
 Кульпа 117, 118, 121, 122
 Кунджук 70
 Куремса (Коренца) 24, 25, 26, 34, 146
 Кутлубий (Кутлубей, Котлубий), Хубилай, цесарь татарский 30, 51
 Кутлубуга, баскак 20, 78
 Кутлубуга, татарский князь 127
 Кутлуй, сын Хидыря 118
 Кутлукорта 60
 Кутлуктимур, эмир 81, 82

 Лаппо-Данилевский А. С. 87
 Лев, князь 12, 25, 110
 Лен-Пуль (Лэн-Пуль) 9, 11, 14, 31, 50, 99, 122
 Леонтий, см. Олег Романович, вел. князь Черниговский 99
 Линниченко, И. А. 35, 112

 Лихачев Н. П. 103
 Лука Хрисоверг, патриарх 100
 Любавский М. К. 28, 96, 98, 123, 127

 Магакий, инок 10, 13, 55, 99
 Майя (Mailla) 19, 29
 Макарий, митрополит 28, 50, 107, 134
 Мансикка, В. 53
 Максим митрополит 46, 49, 95, 100, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 140, 144, 150, 152
 Мамант-Дербыш, посол ордынский 142
 Мамат-Салтан 126, 127, 132
 Мамат-Хожа 121
 Мамед (Махмед), пророк 51
 Мария Юрьевна, песнь о ней 117
 Мария, княгиня мать Бориса и Глеба 66
 Маленин 11, 12, 31, 50, 54, 96
 Мансур Киат, князь 29
 Маркевич 65
 Марко Поло 51
 Марков А. К. 69, 122, 123, 127
 Маркс Карл 13, 81, 101, 108, 111, 150
 Мартынов, издатель 110
 Мирхонд 120
 Матвей, сарайский епископ 126
 Матвей Парижский 38, 54
 Мауци (Могучий) 24
 Махрожа 56
 Менгу император, см. Мангукаан
 Менгу-Гимур 15, 21, 30, 42, 44, 45, 46, 47, 60, 61, 62, 64, 65, 69, 70, 72, 76, 77, 91, 92, 99, 114, 115, 119, 149
 Мельников 96
 Менгли Гирей 28, 98
 Менгукаш, князь татарский 104
 Менгукаан, см. Мангукаан
 Мангукаан (Менгу) 9, 12, 13, 30, 31, 33, 145
 Межибожский, боярин Борис 26
 Микула, татарин 140
 Милей 12, 25, 26
 Милюков П. Н. 120
 Минь-Булат, московский дорога 105
 Митяй 124
 Мир (Хейр) Пулад 125
 Мирза, посол ордынский 140
 Митрофан, владимирский епископ 38, 40
 Митрофан сарайский епископ 45, 46
 Михаил Пиничинич, посол новгородский 114
 Михаил, сын Кульпы 118

- Михаил Палеолог 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 146
 Михаил Андреевич, князь 67, 126
 Михаил Александрович, вел. князь Тверской 128, 129, 130, 133, 135, 137, 150
 Михаил Глебович, кн. Белозерский 59, 60, 62, 64, 75
 Михаил Ярославович, великий князь (кн. Тверской) 71, 73, 74, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 93, 94, 95, 100
 Михаил князь Черниговский 7, 11, 23, 24, 26, 27, 30, 66
 Михайловичи, князья братья 89, 94
 Михалон Литвин 109
 Могучий (Мауци) 24
 Молчановский 25
 Монсьер Улан, царевич, посол 10
 Мстислав, князь 35, 36, 110
 Муалбуга, ордынский князь 117, 118
 Мункекаан, см. Мангукаан
 Мурут 125
 Мустафа-эль-Дженаби 42
 Мухамед-Булат 126, 132
 Мюнедджим баши 42

 Наврус, царь татарский 98, 117, 118, 121, 122
 Насонов А. Н. 20, 21, 38, 127, 137, 139
 Невалин К. А. 16, 18
 Неврюй, ордынский посол, 47, 79
 Неврюй, царевич 33
 Некомат, сурожанин 133
 Нестор, епископ 100
 Никифор Григора, см. Григора
 Николай, архиепископ 87
 Николай III, папа римский 44, 46
 Ногай (Ногой) 30, 43, 44, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 77, 78, 80, 93, 149
 Норден (Norden, W.) 44, 46
 Нормантский 105

 Орбелиан Стефан (Orbelian Stephanos) 99
 Озбяк царь (хан), см. Узбек 82, 88, 96
 Ойдар, татарин 129
 Олабуга, 33
 Олджайгу, султан 76, 79, 80, 87, 106
 Олег Романович (Леонтий) князь, сын брянского князя 99
 Олег Ингваревич, рязанский князь 31
 Олег Рьльский, князь Курской обл. 70, 71
 Олег Иванович, князь Рязанский 15, 130, 131, 134, 135
 Олекс Маркович, посол Михаила 85

 Олелько, князь 29
 Ольгерд 127, 129, 134
 Орду-Мелик 118, 119
 Орешников А. В. 35
 Осан 127

 Павел, апостол 87
 Палеолог Михаил, см. Михаил Палеолог 41, 42, 44, 45, 47
 Палладий, архимандрит 14, 16, 17
 Патканов 10, 13, 17, 20, 31, 32, 55, 59, 63, 91, 99
 Пахимер (Pachymeres) 41, 42, 43, 44, 46, 69
 Пелио (Pelliot, P.) 26, 44
 Петр, ордынский царевич 40, 41, 61—62, 64, 65, 82, 87, 95, 107, 108, 110, 148
 Петрунь, 25, 28, 29, 98
 Пимен 124
 Покровский М. Н. 5, 8, 57
 Пресняков А. Е. 5, 53, 74, 84, 86, 90, 97, 98, 105, 112, 133, 134
 Приселков М. Д. 5, 21, 72, 77, 101, 118
 Прокопий, новгородец 133, 132
 Прохор 108
 Пулад-Ходжа 126

 Райнальди (Raynaldus) 44, 45
 Ратибор 114
 Рашид-ед-дин 9, 10, 13, 14, 15, 18, 29, 31, 32, 42, 51, 53, 69, 70, 74, 75, 78, 79, 119
 Режабек 35, 112
 Ринцинь, ханский вять 14
 Рогер 54
 Романчук Белозерский князь 105
 Роман Михаил, князь Брянский 28
 Роман, отец Олега, князь Брянский 99
 Ростислав Мстиславович, киевский князь 100
 — смоленский князь 23
 Роман, чернец, родственник тверского князя 102
 Россин В. П. 123
 Рубрук Вильгельм 11, 31, 50, 54, 110
 Рузудан, царица Грузии 31
 Рукнеддин 41
 Рычар Петрило, посол новгородский 114
 Рязановский 118

 Сабуров 63
 Савельев 122, 127
 Салахимир, ордынец 131
 Салтанбаков сын 126, 127
 Салчей, астраханский кн. 133
 Сарай (Сарайчук) посол 111
 Сарайчук, см. Сарай 111

- Сараев сын 98
 Сарайка, старейшина татар, бывших с послами Мамай 132
 Сартак, сын Батыя 14, 23
 Сартак, зять Калина царя 54
 Сарыхожа, посол ордынский 129, 130
 Сахаров Н. 25
 Савенчбуга, посол 90
 Святослав Глебович, кн. 35, 36, 112
 Святослав, Липовический князь, Курск. обл. 70
 Святослав Ярославич, вел. кн. Влад. (кн. Тверской) 21, 28, 33, 115
 Сеинхан, см. Батый 70
 Секиз-бий 122
 Семен Танильевич 72, 73
 Семен Димитриевич, князь Суздальский 135, 136, 139
 Семен Константинович, князь Дорогобужский 128
 Семен Иванович, московский кн. 29, 97, 100, 101, 102, 105, 106, 109, 113
 Семенов 18
 Сергеевич 106, 113
 Сергей Радонежский, житие 107, 108
 Серапион, епископ 38, 39
 Серебрянский Н. И. 11, 30, 49, 53, 55, 60, 66, 83
 Середонин С. М. 48
 Сигизмунд, литовский вел. кн. 28, 98
 Симеон, владимирский епископ 47, 79, 80
 Скидер, князь, меньшей сын Мансур-Киата 29
 Снегирев 110
 Смбаг, брат армянского царя Гегума 10
 Смирнов М. И. 123
 Смирнов В. Д. 42, 43, 124
 Соколов 39, 103
 Соловьев С. М. 5, 53, 63, 67, 74, 75, 105, 112, 113
 София, княгиня, жена Константина, дочь Юрия 95
 Софоний, епископ сарайский 95
 Спицын А. 130
 Срезневский 52, 91, 114
 Сталин 3
 Стенли Лэн Пуль (см. Лен Пуль)
 Стефан, монах (Stephanus) 88
 Стефан Пермский 139, 140
 Стефан Сурожский 41
 Стракош-Грассман (Strakosch-Grassman) 9, 23
 Строев 28, 38
 Стюга, темник-воевода 92
 Тагай 122, 123
 Талыча, царевич 143
 Таитемерь, посол ордынский 82, 83, 86
 Таир 81
 Тайдула (Тайдала), царица 45, 78, 104, 118, 119
 Тарасий, епископ ростовский 60, 75
 Тарбу 70
 Тарновский 40
 Татищев 36
 Тейтемер, татарский посол 56
 Телебуга, хан 30, 69, 70, 71, 74, 110
 Телебуга, татарин 84, 88
 Темерь 72
 Темир, князь дорога рязанский 105
 Темир, сын Навруса 118
 Темир-Хоя, старший сын Хидыря 118, 119
 Темирь Кутлук, см. Тимур Кутлук 140
 Темирхोजа 125
 Теремгаз, эмир 87
 Терещенко 110
 Тетекашь, татарин 129
 Тех Константин, болгарский король 41
 Тизенгаузен 9, 10, 14, 22, 29, 31, 32, 41, 42, 43, 46, 47, 50, 54, 55, 69, 70, 74, 75, 76, 78, 79, 82, 86, 88, 106, 118, 119, 120 и др.
 Тимур-каган (Timur Kagan) 79
 Тимур Мелик 133
 Тимур 135, 137, 138, 139
 Тимур Кутлук 140
 Тинабек, старший сын султана 63
 Титям (Титяк) 30, 51
 Тихомиров Н. 103
 Тобчи 11
 Толубий, убийца кн. Александра 102, 104, 112, 118
 Тога (Toga) 79
 Токтога (Tostoga) 79
 Тогрыл, сын Менгу-Тимура 70
 Тойдый 111
 Токтемир, родственник Тохты 77
 Токтай, см. Тохта
 Токтомерь (?), цесарь татарский 30
 Тохтамыш 57, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 145, 152, 153
 Тохта, сын Менгу-Тимура 30, 53, 69, 70, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 119, 120
 Туда-Менгу 69, 70
 Тудан, брат Тохты 75, 76, 91
 Тулуй, отец Хубилая и Арикуги 51
 Тулунбек хан 126, 127, 132
 Тура 72
 Тура-Ага 13
 Туракина, вдова Угедея императора 11, 31, 32

- Туралык 92
 Тургенев А. И. 26
 Тюзяк 129
 Тюляк, царь ордынский, см. Тулун-бек
 Увейс, сын шейха 118, 119
 Угедей, император 9, 11, 20, 29, 31, 51, 32
 Угдугбек 98
 Узбек-хан преемник Тохты, он же Озбяк и Авбяк 50, 63, 81, 82, 83, 86, 87, 90, 91, 96, 99, 100, 101, 102, 106, 109, 112, 118, 119, 120, 122
 Улагчи, он же Улакчи, Улавчей, 14, 22, 23, 30, 50
 Улу-Мухаммед 144, 145, 153
 Улакчи, см. Улагчи
 Улавчей, см. Улагчи
 Урузбуга, Бездежский 120
 Урус, посол ордынский 121
 Урусманда, посол ордынский 125
 Урусхан 133, 139
 Фасмер М. Р. 101
 Фахри Гуссейн 119
 Фариседдин Акуш Эльмасуди, эмир 42
 Федорчук, темник 92, 113
 Федор, владыко тверской 102, 104
 Федор Кошка, боярин 140
 Федор, боярин 66
 Федор, епископ Влад. и Сузд. 38
 Федор, Ржевский князь 82
 Федор, кн. Стародубский 106
 Федор Ростиславович, князь Ярославский 52, 56, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 71, 72, 75, 76, 112, 147, 148
 Федор Ольгович, князь Рязанский 141
 Федор Иванович, царь 28
 Федор Михайлович, Ростовский князь 60
 Федор, князь Киевский 48, 127, 128
 Федор Ярунович 32
 Феогност, сарайский епископ 45, 46, 47, 78, 79
 Феогност, митрополит 17, 95, 101, 112, 123
 Филевич 112
 Филипп, Фирманский епископ 45
 Фотий, митрополит 143, 144
 Френ 122, 127, 133
 Хаджичеркес 131, 133
 Хажибей, татарский кн. 127
 Хайдер-ибн-Али 118, 119
 Хайду 51
 Ханум, дочь Бердибека 124
 Хасан, шейх 118
 Хидырь, хан, Заяицкий царь 117, 118, 121, 122, 125
 Хондемир, 120
 Храмцовский 96, 126
 Хубилай (Кутлугбий) император 10, 11, 51, 105
 Хулагу (Хулавун) 41, 51, 55, 99
 Хулавун, см. Хулагу 55, 41
 Хулагуиды 10, 87
 Цамбаур (Zambaur) 122
 Чабар (Tchabar) 79
 Чанибек, см. Джанибек 118
 Чармаган (Чормахан, Tchormagoun) 20, 63
 Чарык, татарин 129
 Чевгу, посол 10, 114
 Чернес бек 131
 Чучулин Н. 16
 Чивецца (de Civezza) 88
 Чингис-хан Djenguis-kaan, Tchinguiz-khan) 9, 14, 16, 28, 29, 30, 36, 51, 53, 79, 82, 86, 117, 120, 151
 Чингисханиды 11
 Чирича, татарин 112
 Чокре 144
 Шадибек, царь ордынский 140, 142
 Шамбинаго 134
 Шаханшах, грузинский военачальник 55
 Шахматов А. А. 20, 30, 48, 74, 85, 130, 134
 Шевкал (Щелкан), посол татарский 57, 91, 99, 100, 110
 Шемседдин 47
 Шерифед-дин 45, 110, 133, 138, 139
 Шихмат, посол ордынский 138
 Шуджа-эд-дин Ибн-еддане 42
 Щелкан Дуденьтьевич, см. Шевкал 91
 Щербаков 33
 Щербатов 5, 40, 52
 Эддезехеби 82
 Элайни 42, 82, 106, 140
 Эласади 100
 Эльбахерзи шейх 50
 Эльбирвали 82
 Эльджузджани 32, 50
 Эльмаркизи 43, 78
 Эльмуффадаль 41, 42, 50, 82, 119
 Эльмухабби 124
 Эльфарис, посол египетский 42
 Эломари 50, 119

Экземплярский 58, 61, 73, 86, 96,
97, 106, 121
Энгельс Ф. 108
Эннасыр Мухаммед, египетский сул-
тан 69
Эннувейри 42, 70, 78, 86

Юлиан, доминиканец 16, 54
Юрий Данилович, вел. кн. Москов-
ский 80, 81, 82, 83, 84, 86, 88,
89, 91, 94, 95, 96, 99, 103, 150
Юрий, киевский князь 49
Юрий Всеволодович, вел. кн. Влад,
10, 35, 36, 37

Юрий, последний князь Малороссии
112
Юрий Всеволодович, князь Твер-
ской 141, 142
Юрий Дмитриевич, князь 139

Якушкин 77
Якубовский 117, 119, 120
Ярослав Всеволодович, вел. кн.
Влад. и кн. Переяславля Залес-
ского 7, 10, 23, 26, 27, 28, 31,
32, 33, 35, 36, 38
Ярослав Ярославович, кн. тверской
10, 20, 21, 22, 39, 53, 59, 114, 115
Ярославля княгиня 33

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

Сокращ.: г. — город, с. — селение, р. — река

- Австрия, 3, 9
 Авак (Азов) 119, 120, 122, 123, 138
 Азербайджан 10, 106, 122
 Азия, западная 37
 Азов, см. Авак
 Агвания 13
 Ала-Куль, озеро 9,
 Аланы 37, 138
 Англия 3
 Аннам 14
 Аран 10, 106
 Армения 13
 Астраханские уделы, 131
 Астрахань 131, 132, 133, 139, 141,
 142, 144
 Авторокань, см. Астрахань
 Бакота, 12, 25, 26
 Бакота, б. Бессарабской губ. 20
 Бакинский проход, 10
 Баку 123, 142
 Баласуган, 36
 Балканы, 9
 Баскаки, с. к северу от Твери, 19
 Баскаки, с. б. Весьегонского уезда
 Тверск. губ. 19, 58
 Баскаки, с. в 27 верстах от Суз-
 даля 19
 Баскаки, с. под г. Владимиром 19
 Баскаки, с. б. Новгородской гу-
 бернии, б. Череповецкого у. 58
 Баскаково, с. б. Тотемского у. 58
 Баскаково, с. б. Вологодской губ.
 Грязовецкого у. 58
 Баскакова, с. в б. Костромской губ.
 б. Макарьевского у., 19
 Баскакова, с. б. Пусто-Ржевского
 уезда 19
 Баскакова, с. б. Бельск. у., б. Смол.
 губ., 19
 Баскаковка р. 19, 58
 Баскаково (Лупанье), с. ок. Тулы, 19
 Баскаково, с. в б. Костромской губ.
 Нерех. у., 19
 Баскаково, с. в Закамских землях
 в б. Соликамск. у., 19
 Баскаково, с. б. Мосальского у.
 Калужской губ. р. 19
 Баскаково, с. по правую сторону
 р. Угры, 19
 Баскаково, с. в б. Моск. губ., 19
 Баскаково, с. под г. Кашиным, 19
 Баскаково, с. б. Яросл. губ., 19
 Баскаково, с. б. Тотемского у., 19
 Баскаково, с. б. Данковского у., 19
 Баскаково (Орламское), б. Псков-
 ской губ., 20
 Баскаково, с. б. Яросл. губ., 58
 Баскаково, с. б. Яросл. губ., 85
 Баскаково, с. б. Тверской губернии,
 Кашинского уезда на Угличском,
 тракте, 58
 Баснач, земля в Закубеньи, 19
 Баснач, с. б. Яросл. губ., 58
 Баскача, дер. Угличская, 19
 Басначаны, с. Бессарабской губ.
 Хотимского у., на р. Пруте 20
 Баскачево, с. б. Вологодской Гря-
 зовецкого у., 19
 Баскачево, с. б. Яросл. губ., 19
 Баскачи, с. б. Новгородской губ.
 Череповецкого у., 19
 Баскачь, с. в б. Тульской губ. Ка-
 ширск. у., 19
 Башкирды 78, 138
 Бежецк, 115
 Бежичьский верх 111
 Бездеж 103, 104, 120, 122
 Белад Гулистан 120
 Белгород 25
 Белобережье 127
 Белоозеро 7, 58, 105
 Бирск 20
 Богемия (Bohemia) 16, 34, 54
 Болгары (народ, страна, город) 48,
 105, 122, 126, 127, 131, 132,
 138, 139, 144, 152
 Болохов 25, 26

- Болоховская земля 25
 Большие Ижморы 125
 Борки 123
 Боровск 136
 Брянск, г. 28, 98, 112, 127
 Бряслав, 25
 Буг, р. 25
 Бужьковичи 110

 Валахия 9
 Варшава (Varsovie) 80
 Венгрия (Hungaria) 3, 9, 23, 24,
 38, 40, 45, 88
 Веприя, погост 15
 Верея 144
 Ветошкино, с. 122
 Византия 39, 41, 43, 44, 45, 46, 69
 Витебск 6, 18
 Владимир, г. 10, 22, 33, 35, 36, 37,
 38, 39, 48, 49, 52, 56, 72, 76,
 79, 85, 86, 89, 96, 97, 100, 108,
 122, 130, 138, 143, 144, 147
 Владимир-Волынский 35, 110
 Владимирская, область 78, 109
 Вожа, р. 133, 134
 Волга, р. 35, 36, 37, 76, 82, 89, 91,
 109, 118, 120, 122, 123, 125,
 132, 138, 139, 141, 144
 Волжские ворота (во Владимире) 36
 Волжский путь 122
 Волжское царство 136
 Волжско-Окский бассейн 6
 Вологда, г. 115, 144
 Волок, г. 76, 77, 89, 115, 136
 Вольнь 2
 Воронежская волость 18
 Вяземки 123

 Гавшин двор 128
 Галичская земля 24
 Галич, южный 7, 24
 Галич, Мерский 37, 105, 106, 108,
 121, 125
 Галичина 4
 Генуэзцы 134
 Германия 3, 54
 Гладковича, вотчина 29
 Глеченица, г. 29
 Глинск, г. 29
 Гобальк, прозвище Баласугана 37
 Горинь, р. 110
 Городец 25
 Городец, мещерский 29
 Городец (на Волге) 37, 81, 95, 96,
 97, 100, 101, 126, 139, 143, 144,
 150
 Городище 13
 Городок, Тверского княж. 128, 129
 Грузия 13
 Голистан (при Сарайский) 120

 Дания (Dacie rex Waldemarus) 38
 Даломация (Dalmatia) 45
 Деянов, ясьский г. 64, 87
 Дербент (Ворота железные) 85, 87,
 142
 Дербентская дорогая 87
 Дешткипчак 54, 79, 82, 87, 133
 Джагатая улус 51
 Джучиев улус 133, 135, 139, 152
 Джучиханово царство 82
 Дмитров, г. 79, 106, 136, 144
 Днепр, р. 24
 Днестр, р. 25
 Дон, Великий, р. 25, 78, 86, 123,
 124
 Дороговск, г. в Галич. княж. 24

 Европа 3
 — восточная 16
 Египет 69
 Егюлдаево городище 28

 Жедечев 25
 Жукотин 139
 Жукотинцы, жители г. Жукотина 95,
 121

 Заволжское царство 140
 Заволочье 90
 Закубень 19
 Запьяние 122
 Засурие 132
 Заячина, погост 15
 Заячков, погост 15
 Звенигород 136
 Земля Берке 119, 120
 Золотые ворота, в г. Владимире-
 Залесском 36

 Ивановка, с. б. Княгининский у. 122
 Измаильтiane 57
 Индия (Indes) 88, 99
 Иран 11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 31,
 87, 98, 99
 Иртыш 9
 Истр, р. 69
 Италия 3
 Итиль, р. см. Волга 76, 138
 Кавказ (северный) 9, 10, 61, 69,
 134, 142
 Казань, г. 40, 44, 139
 Кама, р. 19, 90
 Каменец-Подольск 12
 Кана земля (?) 30
 Канев, г. 25
 Карабаг 87
 Каракорум 31, 32, 33
 Каспий 6, 146
 Кафа 138, 140

- Кашин, г. 49, 74, 86, 89, 92, 104, 142
 Керемянчук 139
 Керенск 123
 Кидани, народ 16, 17
 Киев, г. 6, 7, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 32, 33, 38, 39, 40, 47, 48, 65, 100, 112, 146, 147, 127
 Киевщина 4, 6, 9, 48
 Кипчак 9, 10, 18, 41, 51, 53, 119
 Кипчаки 138
 Кинчакские границы 87
 Киргизские степи 10
 Китай (Сhine) 11, 12, 14, 29, 32, 37, 88, 99, 145
 Клин, г. 143
 Клязьма, р. 36, 38
 Козельск, г. 37
 Коломна, г. 35, 76, 80, 96, 138
 Коломенское, с. 143
 Команов земля 12
 Константинополь, г. 40, 41, 42, 44, 46, 89, 101, 146
 Корелы, народ 48, 64
 Коршев, на Сосне 127, 152
 Кострома, г. 19, 39, 56, 67, 81, 83, 88, 94, 95, 96, 105, 126, 144
 Кременец 10, 34
 Кرواتия (Сroatia) 45
 Крым 18, 69, 122, 124, 134, 138, 139
 Кснятин, г. 74
 Куканлык, местность 78
 Кумания (Сumania) 45
 Куманы, народ 54
 Кура, р. 55, 87
 Курск, г. 64
 Курская область 28, 70
 Курули, народ 78

 Ласкариса земли 42
 Левгины 87
 Ливны 28
 Липа, р. 110
 Литва 12, 17, 28, 29, 34, 48, 63, 99, 101, 106 (Литва — Русь) 112, 127, 128, 129, 130, 133, 134, 140
 Лопасня 121
 Лучск 25, 34
 Лыбедь, р. 36
 Ляхи 48

 Мавераннагр 37
 Мазендеран 10
 Мартирополь (Неперкерт) 55
 Махтули, крепость 89
 Медведица, р. 124
 Медяные ворота (во Владимире) 36
 Межибожье 25, 26
 Мещера, г. 139

 Милолюб 28, 98
 Мисюрь 118
 Можайск 76, 81, 136
 Моксель, мокшаны, см. Мокша, народ 54
 Мокша, 120, 131
 Мокша, р. 122, 123
 Молдавия 9
 Мологиа 58
 Монголия 11, 13, 16, 17, 30, 31, 32, 33, 60
 Моравия, (Moravia) 9, 16, 34, 54
 Мордва 49, 144
 Мордовские места 132
 Москва, 35, 51, 71, 76, 77, 80, 81, 88, 92, 93, 96, 100, 102, 103, 105, 106, 109, 110, 113, 116, 121, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 149, 151, 152, 153
 Мужеч 28, 98
 Муравская дорога 28
 Муром, г. 72, 76, 139

 Наровчатское городище 122
 Наровчатская область 131
 Наручатская страна 122, 123
 Немцы 48, 86
 Низ (на Низу) 114
 Низовки с. 123
 Низовские грады (города) 107
 Нижний-Новгород 67, 95, 96, 97, 100, 101, 125, 126, 128, 131, 132, 135, 138, 139, 142, 143, 144, 150
 Никея 40
 Новгород, Великий 6, 7, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 28, 33, 37, 39, 38, 46, 57, 59, 67, 73, 74, 82, 84, 89, 92, 94, 100, 101, 106, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 130, 131, 137, 138, 151
 Новоберезовка 123
 Новый Город (во Владимире) 36
 Новый Гюлистан 126
 Новых Сарай 119, 120, 123, 125, 126, 127

 Она, р. 130, 132, 135
 Ольгов монастырь 15
 Онуза, 12
 Опоки 100
 Опонька, р. 28
 Ордун-эль-Муаввам 139
 Оринины ворота (во Владимире) 36
 Оскол 28, 98

 Папчак (Partchak) (Кипчак?) 88
 Пекин 10, 14, 16, 17, 20, 29

- Перекоп 29
 Переяславль, Рязанский 104, 112
 Переяславль, Русский 46
 Переяславль, Залесский 7, 33, 37, 39, 61, 71, 72, 76, 79, 80, 89, 93, 94, 95, 96, 105, 111, 129, 136, 144, 149
 Переяславльская область 96
 Переяславские волости 76
 Переяславщина 28
 Персия (Perse) 75, 88
 Песочна, погост 15
 Петровки, б. Курмышского у. 122
 Петровы Буды 124
 Печерный город (во Владимире) 36
 Пичаево 123
 Побужье (Побужье) 25
 Поволжье 9, 10, 18, 54, 69, 92, 93, 96, 97, 144 (Нижнее) 53 и др.
 Подолия 35, 127, 152
 Покровское, с. 123
 Полдова, г. 29
 Полоцк 4
 Польша 9, 23 (Polonia) 45, 54, 112
 Померания 34
 Поморские грады 140
 Пономарево-Баскаково, к западу от тракта Уфа — Бирск, 20
 Понизье (в юго-зап. Руси) 12, 25
 Причерноморье 10
 Пронск 143
 Псков, г. 22, 33, 77, 90, 92, 100
 Пьяна, р. 132
- Рагодоц 28
 Рагавский стан 19
 Радонеж, г. 107
 Ржев 19
 Рим 44
 Ростов 6, 7, 35, 36, 37, 38, 39, 48, 49, 52, 55, 56, 58, 60, 64, 66, 67, 89, 90, 91, 94, 96, 106, 107, 108, 109, 111, 121, 144, 147, 148, 149
 Ростовская волость 6
 Ростовская область 107
 Руза 136
 Русь, народ 65, 88
 Рязань 6, 38, 121, 128, 130, 141, 143, 145, 151, 152, 153
- Саксинские границы 87
 Самарканд 98
 Сарай 31, 41, 45, 46, 48, 54, 76, 78, 82, 88, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 131, 132, 133, 139, 146, 151
- Сарай-эль-Джедид, см. Новый Сарай
 Сарай Бату 119
 Сарай Берке 119
 Сарайское царство 133
 Сарайчик 50
 Саратов 122, 123
 Селенга, р. 9
 Селитренное, с. 119
 Семилуки, с. 124
 Семиречье 9, 10, 37
 Сербия 34
 Сереков, вотчина 29
 Серповое 123
 Серпухов 136, 144
 Синие воды 127
 Синяя Орда 132
 Сить, р. 10, 35, 36, 37, 54
 Смоленск 4, 6, 17, 19, 102, 104, 106, 112, 113, 118
 Средиземное море 99
 Стамбул 42
 Станка, вотчина 29
 Старая Рязань 123
 Стародуб 28, 98, 106
 Страна Узбека 120
 Страна Урусов 76
 Суздаль, г. 19, 33, 35, 52, 72, 76, 108, 125
 Сурожане 109
 Сухона, р. 19, 58
- Тавриз 117
 Тарку (Берку, Берды) р. 69, 78
 Татария (Tartarie Grande) 88
 Таруса 139
 Татарские места 132
 Татары киевские 29
 Тверь 19, 30, 35, 36, 39, 48, 57, 67, 71, 74, 76, 77, 80, 83, 84, 85, 88, 91, 92, 93, 95, 96, 99, 101, 102, 103, 110, 120, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 137, 139, 141, 142, 144, 147, 149, 150, 151, 153
 Тверская волость 84
 Тавриз 117
 Теплый Стан, с. 122
 Тетерев, р. 25
 Тетяков, г., см. Дедяков 87
 Тибет (Thibet) 88
 Тоймицы, народ 48
 Торжок, г. 37, 72, 83, 89, 102, 111, 113, 115, 133
 Трансоксания 12, 15
 Троицк-на-Мокше 123
 Тула, г. 19, 78
 Туркестан (Turkestan) 37, 88
 Турки 3
 Тюрки 16, 17

- Углич, г. 7, 19, 35, 36, 37, 39, 48,
58, 67, 68, 76, 96, 105, 106, 133,
147
Угличский тракт 58
Угры 40, 48
Б. Уды 122
Удрома 90
Узи, см. Днепр 69, 78
Уйгуры 82
Улус монгольской империи 79, 80
Улус Берке 119, 120
Улус русский 121
Улус Узбека 120
Уруктана 137
Урусов страна 76
Устюг, г. 7, 19, 48, 52, 58, 90, 108
Уфа, г. 20
- Франция 3
- Харджитархан, см. Астрахань 54
Харьков 28
Ховаризм 131
Ходжент 50
Холм, г. 35, 40, 109
Холохолна, погост 15
Хопор 123
Хорезм 10
Хорозов, вотчина 29
- Царьград 41, 44, 46, 47, 79, 101,
102, 124, 137
Царев, г. 119
Цна, р. 123
- Червлёный Яр 17
Черемисы, народ 49
Черкасские города 87
Черкесия 54
Чернигов 24, 38, 48
Черниговщина 2, 28, 127
Черное море 6, 62
Чехи 48
- Шаховцово, с. 124
Швеция 33
Шексна, р. 18, 19, 58
Шемаха 142
Шумск, г. 110
Юрьев 6, 72, 76, 136
Яик, р. 138
Яксай (Акса́й), р. 78
Янги-шехр-али-Махрус 123
Ярославль 7, 35, 36, 37, 39, 48, 51,
52, 56, 57, 61, 66, 67, 91, 96,
107, 108, 147
Яские города 87
Ятвяги 48

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аристократия, степная, кочевая, родовая 7, 16, 117
 Архив, рижский 15
 — ватиканский 26
 Ахмылова рать 62, 107, 108
- Баиса, см. пайзе 130
 Баскак 12, 17, 18, 23, 25, 48, 59, 65, 70, 71, 78, 93, 109, 111, 115, 127, 128, 148, 147
 Баскак великий владимирский 4, 20, 21, 23, 146
 Баскаческая организация 57
 Баскаческий отряд 17, 18, 21, 22, 58, 145
 Баскачество 7, 17, 18, 20, 34, 109, 146
 Башаф, см. баскак 12
 Бесермен (Бесерменин, Бесурмен, Бесурменин) 11, 17, 30, 51, 52, 65, 70
 Бичикчи (бицикчи, битекачи) 13, 14, 21
 Болгарские князья 144
 Болоховские князья 25
 Боляре русь, бояре 57, 65
 Бортные угодья и земли 15, 96
 Борцы, сборщики «бора» 113
 Боярин ростовской области, отец Сергия Радонежского 107
 Братан, двоюродный брат 91
 Братанич, сын брата 62, 64, 91, 103
 Братья (союзники) 73
 Булла 26, 35
 Вассал 32, 67, 71, 73, 77, 93 и др.
 Вассальные отношения 16, 117 и др.
 Вои 131
 Война, повинность, налог (?) 15
 Выходы, входы 89, 90, 98, 104, 105, 107, 109, 111, 112, 113, 114, 150
 Гинь, династия 13
 Глады хлебные, глад 117, 123
 Головные князья 118
 Гостебник, понизовской земли 115
- Гость 109, 114, 115
 — хопыльский 92
 — немецкий 115
 Грюнвальденская битва 28
 Грамота 59, 95
 — патриарха 100, 123
 — духовная 95, 105, 106, 123
 — договорная 113, 114, 86
 — Тайдулы 46, 104
 Царева 114, 115
- Давтар великий 99
 Дань 4, 11, 12, 15, 21, 22, 24, 28, 50, 51, 71, 77, 86, 93, 98, 99, 103, 107, 113, 114, 137, 146, 147, 150
 Даныщик 21, 35, 77, 104, 150
 Дар, дары 21, 32, 36, 37, 108, 110, 113, 130
 Дарига, см. дорога
 Даруга, даругаци, см. дорога
- Двор
 — ханский, царев 62, 66
 — монетный 119, 122
 Десятина 15, 22
 Десятник 15, 16, 17, 18, 145
 Дефтерии 99
 Долг бесерменский 86
 Должник (длѣжник) кредитор, заимодавец 86, 89
 Дорога, должностное лицо 14, 104, 105, 145, 150, 151
 — волостные 104
 — городные 104
 — сельные 104
 — нижегородско-суздальский 105
 — тверской 105
 — московский 105
 Дружина Кавгадыя 85
 Дюденева рать 61, 67, 75, 76
- Жито 72
 Жукотинские князья 144
- Заложник, русского князя в Орде 73
 Запрос 106, 112, 113

- Злато 138
Знать ордынская 65, 101
- Ильхан 41, 70, 75
Ислам 82
- Каан 10, 30, 31, 59
Казначей царев 140
Кановичи 31
Караван торговый 50
Караулы 123
Касимовские цари и царевичи 29
Киличей 120, 135, 141
Кипчакское войско 53
Клады золотоордынские 123, 124
Конюшенное место 110
Корабль червленый 76
Кочевка 63
Краеземные татары 124
Кремль московский 35
Куликовская битва 111, 132, 133, 152
Куман 45
Купли 105
Купцы мусульманские 117
— китайские 117
Курултай сейм 28, 29, 31
Ливонский орден 20
Лионский собор 45
- Маджарское войско 53
Мамаево побоище 57
Мамелюки египетские 69
Места за столом у монголов 63
Местничество московское 63, 65
Мещерские князья 123
Минориты 54
Монастырь Петровский на поле 108
— Троицко-Сергиевский — Вар-
ницкий 107
Монеты хана Ногай 69
— золотоордынские 123, 124
Мордовские князья 132, 144
- Налог 11, 12
Наместник в Новгороде от вел. князя
82, 83, 89, 92, 113, 130, 133
Наследование личное 30
Невроева рать 33
Недоимка 89
Нойан (ноуан) 16, 81
- Оброк 138
Окольникович, посол тюркский 47
Осетинские яские пленники 64
Откуп на сбор налога 11
Откупная система 50
Откупщик 4, 21, 50, 51, 52, 57, 71
147
- Пайзы(е) золотые 10, 130
Папа римский 26, 33, 34, 40, 45
Писец 21, 77, 104, 150
Писцовые книги 19
Побратимство, обряд 65
Погост 15, 72
Подать поголовная 16
Податной округ 98
Полон 33, 64, 144
Полтина 138
Поминки (и) 136
Поплужник 21
Поплужное 15
Посадник 56, 74
Посаждение 10, 110, 138
Посол 12, 15, 21, 22, 23, 24, 32,
42, 44, 46, 47, 51, 56, 67, 75, 79,
80, 86, 88, 89, 90, 92, 95, 100,
103, 104, 107, 109, 110, 111,
121, 124, 126, 130, 131, 132,
133, 137, 138, 140, 141, 142
Послужение 65
Потомки царского корени 64
Престол ханский 64
Пристав 70
Пятина новгородская 18
Регентша 11
Рыбная ловля 96
- Самострел 143
Сборщик 11
Сват 64
Серебро выходное 89, 90, 94
— вакамское 106, 111
Серебро 138, 140
Скоропосольницы 143
Смоленская торговая правда 17
Собор церковный 100
Соляные источники Переяславской
обл. 96
Сотник 10, 15, 16, 17, 18, 78, 145
Сошное письмо 16
Служebníки татарские, русские
князья 59, 63, 64, 65, 66, 147,
148
Списатель книжный 4
Сродник князь Олег князю Свя-
тославу 70
Ссудные сделки 86
Стан татарский 87
Суд 86, 141
Султан египетский 41, 47, 69
Султан 62, 78
Сутяжей 86
Съезд князей 4, 8, 79, 80, 111, 113,
121
- Табун 72
Таирова рать 81
Тамга 15, 22

- Таможник 21, 105
 Таньмач 17
 Темник 15, 16, 17, 18, 69, 92, 123, 145
 Товар 90
 Торг 57, 91
 Трапеза царская 62
 Туман единица счета населения 98
 Туман мелкая территориальная единица 98, 99
 Туска 15
 Тысяцкий 23, 74
 Тысяча личная Теремтава 87
 Тысячник 10, 15, 16, 17, 18, 63, 145, 146
 Тьма 150
 — часть войска 78
 — единица счета населения 98, 99
 — в значении области 98
 — Сараева сына Егалдая 28
 — Курская 28
 Тюфяки 143
 Тягость данная 86, 104

 Уделы государства 117
 Улус 70, 123, 124, 126, 140, 151
 Улусник 137
 Урук 70

 Факир 69
 Федорчукова рать 93, 113
 Феодал землевладелец из татар 28, 29
 Феодалы местные 25
 Феодалное боярство 25, 26
 Феодалное ханство 29
 Феодалная монгольская военная аристократия 57
 Феодалная раздробленность 48
 Феодализация 177
 Феодализм кочевой 29, 117, 151.

 Ханша 61
 Хатуни 62, 86, 89

 Царев обычай 87
 Царевич 62, 63, 73, 123, 124
 — азиатские безземельные 65
 — из рода Чингисхана 82
 Царица 130
 Озбякова (Узбека) 87
 Цесарь, титул 30, 33
 Церковь св. Богородицы Ростовская 67, 89
 — св. Софии в Константинополе 46
 — св. Спаса в Твери 102
 — св. Федора в Костроме 95

 Чадь Муалбуги 117
 Чадь 118
 Чаши поднесение 62
 Черкесское войско 53
 Чернь 126
 Черный бор 43, 138
 Черные люди 68
 Численники 13, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 59
 Число, перепись 22

 Шейх 69

 Эмир 53, 54, 62, 63, 67, 81, 82, 117, 118, 120, 124, 131

 Юань-ши, официальная китайская летопись 11, 13, 14, 55, 105
 Юань династия 14
 Юрт старинный Ногай 69, 78
 — Батыев 53

 Ямь 15
 Яса Чингис-хана 9, 120
 Ясские пленники (осетинские) 64
 Ярлык 8, 9, 10, 17, 28, 80, 103, 124, 125, 130, 133, 135, 136, 139, 141, 142
 — царев, ханский 4, 21, 79, 95
 — от царя великокняжеский 73, 90, 94, 95, 96, 98, 104, 113, 120
 — Менгу-Тимура 15, 45, 77
 — Менгли-Гирея 98
 — Тайдулы 119

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Политика монголов в первые десятилетия их владычества: Монгольская империя (центр — Каракорум), западный удел империи (удел Батая; центр — на Нижней Волге) и Русь. Перепись. Организация баскачества. Анализ материала показывает, что непосредственная организация владычества татар на Руси была в руках монгольской степной аристократии. Южная, Юго-западная и Северо-восточная Русь в политике монголов. О некоторых результатах монгольского владычества (о политике татар в связи с византийско-русскими отношениями; об упадке политического значения г. Киева; о разгроме г. Владимира-Залесского и об отливе населения на север, к г. Ростову)	9—49
Глава II. Вечевые восстания в Ростове и городах Ростовского княжества против порядков монгольского владычества. Некоторые данные о классовом составе веча в изучаемую эпоху. Политика татар в отношении к князьям ростовской группы и к местному боярству. Подавление вечевых восстаний. Результаты политики татар, связанной с событиями в Ростовском княжестве	50—68
Глава III. Период двоевластия в Золотой Орде. ¹ Как события в Орде отражались на политических отношениях в Руси. Изменения в организации татарами эксплуатации русского Северо-востока. Орда и съезды князей; политика Орды в первые десятилетия XIV в. Восстание в Твери	69—93
Глава IV. Политика татар на русском Северо-востоке до эпохи смут в Золотой Орде второй половины XIV в. Разделы земли великого княжения Владимирского, предпринятые Ордою. О термине «тьма» в применении к «великому княжению» Владимирскому. Меры, принятые завоевателями с целью не допустить усиления князя, получившего ярлык на «великое княжение» Владимирское; вопрос о взносе выхода. О деятельности московских князей в качестве «великих князей владимирских»	94—116
Глава V. Период феодально-родовых смут в Орде и распадение золотоордынского государства. Влияние политических событий в Орде на события в Северо-восточной Руси и в Южной (рост великого княжества Литовского). Сплочение Руси вокруг Москвы и борьба с татарами. О традиционном характере татарской политики: политика Орды до Тохтамыша; политика ближайших преемников Тохтамыша на русском Северо-востоке	117—153
Указатель цитированных источников и литературы	154—159
Тезисы к исследованию «Монголы и Русь»	160—161
Указатели: личных имен, географических и предметный	162—177

¹ Под «Золотой Ордой» обычно подразумевают западный удел монгольской империи, фактически отделившийся во второй половине XIII в. В источниках, как известно, термин «Золотая Орда» появляется очень поздно (см. т. XIX ИСРЛ).

цена 6 р. 50 к.